

KING COUNTY LIBRARY SYSTEM



31000040246574

Александр Ширвиндт

Объявление
из
Объявлений

18+

Нельзя привыкать к значимости –
очень трудно из нее возвращаться
к норме.

Дружба – лоскутное одеяло биографии.

Когда смелость уже профессия, это
подозрительно.

Театр – дом, театр – семья. Конечно.
Но, как в каждой семье, быт театра
наполнен жадной первенства, склокой,
завистью и иногда любовью.

Александр Ширвиндт

Пурван
и
Обрвков



УДК 792.07(47) + 791.43(47) + 929Ширвиндт
ББК 85.334.3(2)6-8 + 85.373(2)6-8
Ш64

Фото автора на обложке: Юрий Рост
В книге использованы материалы из семейного архива автора.

Ширвиндт А. А.
Ш64 Отрывки из обрывков. — М. : Колибри, Азбука-Аттикус, 2022. — 208 с. ; ил.
ISBN 978-5-389-20654-0

Жанр: ироничная исповедальность. С одной стороны снижает уровень глупости и инфантильности, с другой — амнистирует случайную смелость.
Александр Ширвиндт

УДК 792.07(47) + 791.43(47) + 929Ширвиндт
ББК 85.334.3(2)6-8 + 85.373(2)6-8

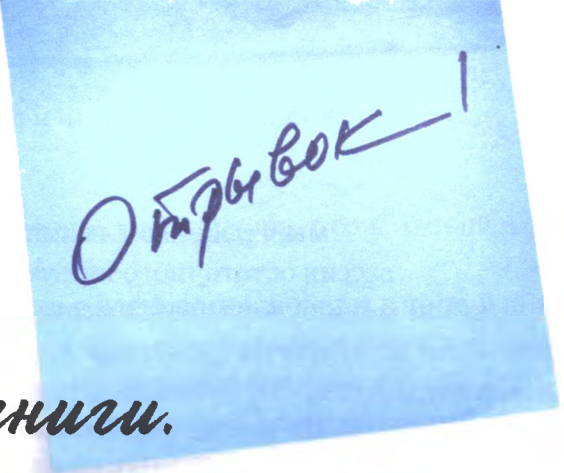
ISBN 978-5-389-20654-0

© Ширвиндт А.А., текст, 2022
© Рост Ю.М., фотография на обложке
© Оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2022
Колибри®



Как бы так исхитриться, чтобы потенциальный читатель, раскрыв книжку и прочитав первые две строки, не положил со вздохом ее обратно на прилавок. Главное — с ходу заинтересовать читателя, а лучше заинтриговать. Классикам проще — открываешь Пушкина: «Я приближался к месту моего назначения». Сразу хочется узнать, доехал ли, что это за место и кем его назначили. Или Олеша свою знаменитую «Зависть» начинает: «Он поет по утрам в клозете». Остро хочется узнать его репертуар и что он там еще делает. Я тоже могу так начать. Например: «По утрам он мучительно мочился», но пахнет плагиатом и очень грустно, а хочется радости.

На фонарных столбах вдоль Обводного канала в Петербурге висят объявления о товарах повседневного спроса: «Куплю паклю», «Продам корыто в хорошем состоянии. Недорого». И среди них — листочки с текстом от руки, с ошибками: «Приходите на улицу Большую Морскую, дом 102, подвал, койка первая слева. Палучити удовольствие. Маруся».



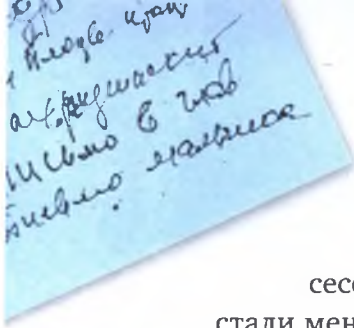
Отрывок

Про книги.

Эту и другие

Сегодня всякая философия превращается в соревновательно-разговорную эквилибристику. Мы дожили до такого времени, когда никому не может прийти в голову, что кто-то говорит правду. Без идеологии очень трудно. Мы не можем, потому что привыкли и впитали с молоком создателей, что она незыблема. Все рухнуло. Ищем. Но поиски идеи нельзя подменять просто сомнением. Идеи тем и опасны, и прекрасны, что вынуждены быть гениальными. Даже во времена так называемого «застоя», мечта была незыблема. Великие устои жуткого застоя. Маяковский, где ты? Думаю, что сегодня, дабы не погрязнуть в пучине доморощенно-бесстыдных философских выкладок, нужно искать радость. А радость — это всегда случайность, вернее случай. Этот случай и привел меня снова к письменному столу.

Однажды записывали видео для YouTube-канала сына Миши и хвалились нашим родовым именем в виде дачи. Миша ссылался на нашу литературу: свою книжку «Мемуары двоечника» и мои опусы. Все книжки разложили на деревянном столе посреди огорода, и было ощущение, что я сижу в саду сельской библиотеки. А так как все сельские библиотеки давно закрыты,



мы с ребенком выглядели как этакая «выездная сессия остаточного книголюбия». Я взорлился, а потом стали меня будоражить мысли: кому эти книжки интересны? Если мемуары не скрашены иронией, они вообще не нужны. А когда все время думаешь о том, что должно быть смешно, убегает смысл. Не всегда то, что важно, обязательно смешно, и наоборот, но если не можешь не писать — пиши.

Хочется, чтобы книжка была разумных размеров. Тоненькая — говорит о нищете духа, интеллекта и сведений. Правда, тут возможны издательские уловки, которые скрашивают дебилизм автора. Листал прекрасно изданную мемуаристку, где на каждой странице — одна фраза или даже одно слово. Страница — в золотой окантовке, и написано: «Ах!» А на следующей: «Ох!» Потом: «Ух!» Дальше: «Эх ты!» И вот уже четыре страницы. Или еще прием: в настоящих воспоминаниях обязательно надо кого-то благодарить. «Автор благодарит профессора Финкельштейна за прекрасную идею создания этих воспоминаний, мадам П., которая любезно предоставила архивы своего покойного мужа Х., а также маму и папу...» Вот уже четыре страницы бессмыслицы.

Есть и другая крайность. Мой друг — умный, ироничный, честный и очень долго принципиальный Юрочка Рост — принес мне свою книжечку. Когда я попытался эту вещицу полистать, то понял, что удержать в руках я ее не смогу. Пожаловался жене. Тогда она вынула из моих рыбацких аксессуаров безмен, которым я взвешиваю пойманных ротанов, и прицепила его к опусу Юрочки. Выяснилось, что книга весит 3 килограмма 560 граммов. Такого бы леща! И жена запретила мне в моем возрасте и состоянии читать такую тяжелую литературу. Я спросил Рост: «Ты подарил эту брошюру. А как ее читать?» Он говорит: «Читать книжки нужно сидя у стола». Но у стола можно читать минуты три, потом носом клюнешь в стол. А если на нем лежит такой кирпич, можно разбить нос навсегда, и это отретит от

чтения как занятия и возненавидишь автора, что в отношении Роста для меня невыносимо!

Сегодня книги переводят в электронный вид и в тоненький горящий экранчик помещают полное собрание сочинений Диккенса. Это, с одной стороны, настораживает, но с другой — радует: нажал кнопку — там большие буквы, планшетик нетяжелый. Говорят, уже есть звук якобы перелистываемых страниц. Осталось только имитировать храп читателя и падение книжки на пол, чтобы было ощущение, что читаешь раритетное издание 1729 года.

Очень часто я понимаю, что все, что с вождением произвожу на бумаге, я уже где-то читал. Напрягаю сознание — и получается, что не только читал, но и писал. Кидаюсь к томам моих прошлых нетленок и с ужасом осознаю: так и есть. Бросился звонить в издательство, но вовремя остановился и стал размышлять. Во-первых, красть у самого себя не подсудно. Сел и придумал шесть причин, по которым можно не стесняться говорить, думать и писать одно и то же.

1. Так делают все.
2. Никто и никогда, включая автора, ничего не помнит.
3. Повторение — мать учения.
4. Могут неожиданно просочиться крупницы свежего.
5. Одна и та же мысль, выраженная разными словами, считается новой.
6. Не придумал.

Надеюсь, что люди, которые любят натуральный продукт, купят бумажную книжечку. Ее надо издавать так, чтобы можно было перевертывать страницы. Если она плохо склеена, то, когда начинаешь ее раскрывать, она ломается — и получаются две книжки. А если замурована намертво или не раскрывается до конца, приходится носом держать левую половину, чтобы пра-

вым глазом читать следующую страницу. Я издал бы инструкцию, которую следует изучить до прочтения книжки. Это очень сложный процесс, много рифов нужно обойти.

Желательно, чтобы мою книжку хотели дочитать хотя бы до середины и чтобы не вызвали отчуждение наивность, глупость и старомодность автора. Некоторые вообще читают первые две страницы и последнюю. И вполне достаточно для понимания сюжета и грамотности классика. Так я читаю пьесы графоманов. Их тонны. Моя секретарь Леночка говорит: «Вам прислали пьесу. Член Союза писателей рекомендует этого автора — он уверен, что это молодой и необыкновенно одаренный драматург, спектакли по его пьесам все время идут в Сыктывкаре. Очень просят прочесть пьесу “Жил Коля”». Нельзя сразу сказать Лене: «Не печатай, не трать дефицитную бумагу». А вдруг? Поэтому всегда прошу распечатать пять первых страниц и последнюю. Если я читаю начало: «Коля, входя...» — говорю Лене: «Дальше не распечатывай». А если что-то мерещится, прошу вывести на бумагу еще десять страниц. Когда все-таки на десятой странице возникает: «Коля, входя...», «Маша, лежа...» — больше не прошу распечатывать. Так же, наверное, и с книгой. Надо представить какого-то человека, который ее купил. Не сосед дал почитать или сам украл в библиотеке. А если купил и нарвался, какая ненависть возникает в душе читателя к автору. Могут тебя подкараулить и твоей же книжкой убить. И тогда можно будет сказать: «Погиб как писатель — на боевом посту».

Мне самому читать нечего — я уже все прочел. В чем сейчас прелесть чтения? Например, мой друг Вадик Жук прислал мне свои замечательные стихи, изданные тиражом три с половиной экземпляра. Я прочитал и позвонил ему. Прошло полмесяца. Я взял их снова и читаю, как в первый раз, потому что ничего не помню. Помню только, что хорошие. То же с книжками моей любимой Виктории Токаревой. Вся дача завалена ими, читаю,

и в мире
мифологии
демоничности -
инстинкты -
смысл -
Переводчик
Знаком - еврей
Мудрость -
- знания
Вопрос - Восток

Мудрость и
трусость -
- селенителев -
Запомятое
прозрачно
Трусость
созревание
Плод гадает

Законодательная тенденция
осмыслить существо.
Бессмысленность
Смысл
Когда смысл в
контрастных мостях
и разном уровне
репрессив
Робота - искусство
или метафора

Оправдание
Трусости
Жакош Кривичев
Важно что
Такая мелкая
сторона

Векнамет -
феномен и анализ
Зачем по кону.
Зачем с объектом
Зачем

Все боится
примитивности
инстинкты, как
бы в собою
Возраст - старость
- кельтские
Векнамет феномен
один - и-и.
(сообщите!)

наслаждаюсь. В самих книжках много повторов, и я еще читаю восемь раз. Какие-то просветы случаются: «Ой, я же это, б...», «А! Я вроде... Не может быть!» В этом плане склероз — подарок.

Вика Токарева (с моей точки зрения, уникальный литератор) позвонила мне, что она делает раз в 27 лет, и произнесла в трубку, как будто мы с ней только вчера расстались: «Шура, привет, это Токарева. Я тут книжку твою прочитала. Что я могу тебе сказать? Ты просрал свою жизнь. Чем только ты ни занимался, а надо было писать» — и повесила трубку.

Графомания — очень опасное занятие, потому что ощущение собственной гениальности порой разбивается о мнения. Но иногда на тебя обрушиваются мини-рецензии людей, которых любишь и уважаешь. Пока меня читают Токарева, Ким и Рост, считаю себя писателем.

Выяснилось, что еще несколько человек считают меня писателем. Андрей Максимов написал в газете: «Если я скажу Александру Анатольевичу, что он писатель, он ответит что-нибудь вроде: “Да ну, ладно”. После чего нальет чего-то или угостит пирожком. Но он — писатель. Прочитав уже не первую его книгу, вынужден констатировать сей факт». Михаил Мишин заметил: «“Опережая некролог”. Так он назвал свою новую книгу. Бодрящее название впечатляет, но не удивляет — все-таки давно знакомы. Удивляет, что он пишет все лучше — приходится изображать отсутствие зависти».

Эту же книжку, «Опережая некролог», я подарил замечательному поэту Юрию Ряшенцеву и получил от него рекомендацию в Союз писателей Москвы. В ней он, в частности, писал: «Обращение к писательскому труду для артиста не редкость. Несколько звучных актерских имен по праву известны как авторы серьезных книг. Сцена — прекрасная площадка, трамплин для занятия литературой. Но книги Александра Ширвиндта отличаются тем, что это прежде всего писательские книги. Как ни

странно для автора, одно появление которого вызывает у зрителей улыбки, очень скоро переходящие в хохот, книги Ширвиндта — грустные. Это размышления о беспощадности времени — не нашего, сегодняшнего, а вообще времени как философской категории... У меня нет сомнений, что присутствие такого автора, как Александр Ширвиндт, в Союзе писателей Москвы полезно прежде всего самому Союзу».

Завидую людям, которые живут с ощущением собственной уникальности и гениальности. Один очень известный актер и музыкант, не буду называть фамилию, ныне покойный, тоже считал себя писателем и всегда мне говорил: «У тебя хорошая книжка, я ее прочел. Но слушай, что я написал!» И он практически пересказывал мне все свое эссе с рефреном: «У тебя милая книжонка, но слушай дальше». Я спрашивал: «Значит, мне читать уже не нужно?» Он говорил: «Нужно, это я так, фрагментарно». А другой очень известный человек подарил мне собрание своих мудрых мыслей и афоризмов — он, видимо, набрался мудрости от Сократа и Гомера. На книжке надпись: «Дарю тебе это произведение, чтобы ты обсмеялся». Я ни разу не улыбнулся. Теперь, как и он, мечтаю, чтобы мой читатель обхохотался и обревелся.

Вздохи под названием «Подводя итоги» — опасная вещь. У одних итоги — на трехтомник, у других — на заголовок. Если затеял (а сейчас это модно) литературно-мемуарно, телевизионно или кинематографически подводить итоги, всерьез это делать невыносимо. Когда я стал великим русским писателем, то при предложении написать следующий опус начал опасаться, что впаду в самовлюбленность, не подкрепленную сутью, и могу стать объектом высмеивания кого-нибудь вроде гениального советского пародиста Александра Архангельского. У него есть «Литературные воспоминания Аделаиды Юрьевны Милославской-Грациевич под редакцией Корнеплодия Чубуковского». Сначала там идет текст якобы от редактора: «Автор

воспоминаний Аделаида Юрьевна Милославская — вдова поручика артиллерии Иоаникия Степановича Грациевича, умершего в конце прошлого столетия от крупозного воспаления легких. Воспоминания Милославской-Грациевич рисуют яркую картину тех тусклых условий, среди которых приходилось жить и бороться поколению людей конца прошлого столетия...» И дальше — главы. Перед первой — «Прадед. Прабабка. Дед. Бабушка. Братья прадеда. Сестры прадеда. Братья деда. Сестры деда. Отец. Мать. Братья и сестры отца. Дядя. Тетя. Переезд в Березкино. День ангела деда». Прочитую кусочек из одной главы: «По смерти бабушки я вскоре познакомилась с моим будущим мужем — Иоаникием Степановичем Грациевичем. Отец его, Степан Иоаникиевич Грациевич, был женат на Федоре Максимилиановне, урожденной Святополковой, умершей от родов и оставившей детей: Иоаникия, Акилину, Димитрия и близнецов: Анания, Азария и Мисаила...»

Возникают бесконечные сомнения: писать ли мемуары и называть ли это потом литературой? Надежда на то, что мемуары станут учебником жизни для потомков, призрачна. Во-первых, никто не вспомнит, что это был за мыслитель, если это не Сократ или Маркс. Во-вторых, все воспоминания основаны на личном опыте, а он устаревает через короткое время. Но если так называемое произведение принесет хоть какую-то — пусть в микроскопических, гомеопатических дозах — пользу следующим поколениям, наверное, имеет смысл пробовать.

Юные персонажи повести Рэя Брэдбери «Вино из одуванчиков» с ужасом констатируют, что, оказывается, взрослые тоже не все знают. Становясь взрослым, моментально становишься старым. Становясь старым, начинаешь сомневаться, а был ли ты молодым. Вообще начинаешь сомневаться во всем и брюзжать. Начинаешь брюзжать — становишься старым муд...ком или дураком, кому как интереснее. Накопление богатства — духовного,

материального, профессионального — мистика. Все равно «благодарные потомки» разворуют и переосмыслят. Да, я не знаю всего. Но то, что я знаю, — знаю на отлично. Настырная капля моей старомодности — это не ложка дегтя в бочке меда и не ложка меда в бочке дегтя. Я пытаюсь достучаться до нескольких идентично мыслящих особей (желательно молодых), чтобы, как это было модно когда-то, дать информацию к размышлению. Но все-таки есть опасность, что это всплеск старческой эмоции, обреченный на молодежную усмешку. Мне хочется, чтобы читатели подумали о балансе «сегодня» и «вчера». На моем незначительном примере.

**Увы! Наш путь недолог!
И помни: как халтуру
Господь нас спишет с полок
И сдаст в макулатуру¹.**

Желание всех поделиться своей неожиданной, мощной и необыкновенно оригинальной жизнью зашкаливает. Сейчас, когда на это желание еще навалилась техника, само слово «писатель» бессмысленно. Никто не пишет — все только наговаривают на диктофон и друг на друга. Мне нравится анекдот: «Чем занимаешься, милок?» — «Пишу, бабушка». — «И что? Отвечают?»

Часть произведения, которое вы держите в руках, наговорено, поскольку печатать я не умею, а то, что я пишу ручкой, редакторы называют клинописью и отказываются расшифровывать. Три четверти времени занимало инструктирование, как во время изоляции увидеть собеседника по скайпу и наговорить смелые мысли. Невестка 67 раз тыкала моим пальцем в ноутбук:

¹ Самойлов Д. Послание другу, литературоведу и поэту Юрию Абызову.

- Вы куда его ведете?
- Кого?
- Курсор!
- А куда надо?
- Да я же вам сказала: наверху — экранчик.
- ...Куда?! Это не экранчик. Это отмена.

Так продолжалось сутками. Наконец я научился — все, спасибо, поцелуй, счастье, банкет.

На другой день говорю: «Сейчас я пойду разговаривать по скайпу». Открываю «сундук». Ну и куда? И все начинается сначала. Минут десять я курсором пытаюсь не промахнуться и попасть в значок с изображением камеры. Потом долго бегая по дачному участку с этим нелегким «сундуком», чтобы найти место, в котором он поймает интернет. И только где-то в дальнем углу помойки он наконец начинает светиться лицом собеседника.

И тогда около этой свалки просишь поставить какой-нибудь стул и, невзирая на контейнеры с рассортированными отходами, диктуешь нетленное произведение.

Мой любимый внук Андрей вынужден, вздохнув, оторваться от преподавания онлайн на юридическом факультете МГУ и создавать памятку для дебила-деда. Прилагаю.

У настоящих писателей есть дневники. Слово «дневник» подозрительное. Почему дневники? Скорее это должны быть ночники. Человек прожил день, что-то у него было с желудком или рассудком, потом он упустил нужную бабу, потом у него на работе кто-то рубль украл, потом он пришел домой, поахал, выпил 50 граммов, смотришь — уже ночь и сел писать воспоминания. Значит, это «ночники». У меня точно «ночники».

Мои рукописи создаются ночью: когда просыпаешься и идешь зачем-то в туалет, возникает мысль. С годами походы все чаще



ШИРВИНДТ Александр Анатольевич
народный артист России
художественный руководитель

- ОТКРЫВАЕШЬ
- НАВОДИШЬ МЫШКУ НА СИНИЙ КРУЖОК С БЕЛОЙ БУКВОЙ "S" В ПРАВОМ ВЕРХНЕМ УГЛУ ЭКРАНА И БЫСТРО ДВАЖДЫ НАЖИМАЕШЬ НА КВАДРАТ ПОД КЛАВИАТУРОЙ → ЗАПУСТИТСЯ "СКАЙП", ГДЕ ЛАРИНА И Я (Александр)
- ЕСЛИ ХОЧЕШЬ НЕ СКАЙП, А "ВОТСАП", ГДЕ У ТЕБЯ СЕКРЕТАРЬ ЛЕНА И ДРУГИЕ, ТО НАВОДИТЬ МЫШКУ И ТЫКАТЬ ДВАЖДЫ НУЖНО НЕ НА СИНИЙ, А НА ЗЕЛЁНЫЙ КРУГ В ПРАВОЙ СТОРОНЕ ЭКРАНА С БЕЛОЙ ТЕЛЕФОННОЙ ТРУБКОЙ НА НЕЙ

ШИРВИНДТ Александр Анатольевич
народный артист России
художественный руководитель

- КОГДА ЗАПУСТИЛ "СКАЙП" ИЛИ "ВОТСАП", СЛЕВА НАШИМ СТРЕЛОЧКОЙ И НИЗОМ КВАДРАТА ПОД КЛАВИАТУРОЙ НА ИМЯ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРОМУ ХОЧЕШЬ ПОВЗВОНИТЬ.
- ПОСЛЕ ЭТОГО НАВЕДИ СТРЕЛОЧКУ И НАЖМИ НА ЗНАЧОК КАМЕРЫ НАВЕРХУ СПРАВА

бессмысленные, пребывание там все кратковременнее, а вот переход от койки до пункта назначения довольно долгий, можно вспомнить, что произошло днем, и сделать запись в «ночнике».

Недавно я читал... Нет, сейчас не говорят «читал», перечитывал воспоминания младшей дочери Льва Толстого Александры, всегда и во всем поддерживавшей отца. Софья Андреевна дико боялась не только намерения Льва Николаевича отдать землю крестьянам и отказаться от авторских прав на свои произведения, передав их в общее пользование, но главное — дневники, которые он писал втайне от нее и прятал, чтобы она не нашла.

У меня есть дневники начала театральной деятельности, но я никогда не садился, не брал в руки гусиное перо, чтобы с чашечкой кофе их листать. Всю жизнь я писал на обрывках газет и кусочках пьес. Просто иду куда-то, или пью с кем-то, или лежу с зачем-то, и вдруг, неожиданно, приходит мысль — тогда я ее записываю. И это правильно, потому что, во-первых, все забывается через секунду, а во-вторых, сейчас, по прошествии 60 лет после окончания писания дневников, понимаю, что я был дико остроумный, а сколько моих мыслей, фраз, афоризмов, неожиданных речовок не зафиксировалось.

Я знаю людей, за которыми ходят секретари и судорожно записывают, что те вякнули. И потом издаются многотомники. А обо мне пишут: «мастер импровизации». Но за мной никто не ходит. Сейчас уже, правда, и не имеет смысла. Когда уже почти ходишь под себя, секретарям ходить за тобой бессмысленно. Импровизация — это радостная, неожиданная, спонтанная находчивость, а не вынужденная необходимость.

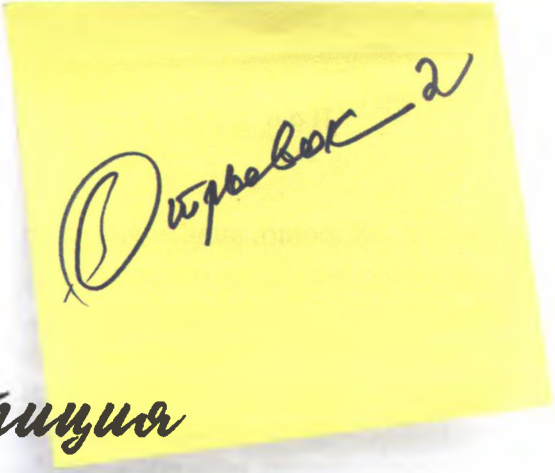
Как-то, в голодные 20-е годы прошлого столетия, в дружеской литературной компании известный переводчик Киплинга Валентин Стенич, сидя у нищенского стола, вдохновенно импро-

визировал: «Хорошо, знаете ли, друзья, войти с морозца домой, сбросить соболью шубу, открыть резную дверцу буфета красного дерева, достать хрустальный графин, налить в большую серебряную рюмку водку, настоящую на лимонных корочках, положить на тарелку несколько ломтиков семги... и, подойдя на цыпочках, приоткрыть дверь и провозгласить...»

— Барин, кушать подано! — бесстрастно закончил Зоценко.

Меня тоже иногда осеняет. На открытии сезона Центрального дома актера шутили, пили, старались сделать уютно. Выступал замечательный пианист Юрий Богданов, который рассказал, что Шопен создал ноктюрн для одной левой руки. Сел к инструменту и стал его демонстрировать. На что я не выдержал и вякнул: «Вот Шопен — гений! Два столетия назад создал ноктюрн для параолимпийцев». Кто-то шикнул, кто-то засмеялся. Великое всегда воспринимается неоднозначно.

Замахиваться на исповедальность — кокетство. Наше поколение жило с поджатым хвостом. Он был поджат настолько, что, когда наступила свобода, его уже нельзя было разогнуть. Откуда взяться честности? Все равно получается, что был хорошим — с ошибками, трусостью, вынужденными предательствами, но хорошим. Никто не напишет: «Я подлец». Хотя и это было бы кокетством — надеждой на читательское «Во даёт!».



Деревек 2

Репетиция

апокалипсиса

Суммарно и накопительно впитывая в себя действительность, приходишь к тому, что всякий смысл бессмыслен!

На моем веку были и фашизм, и антисемитизм, и атомные бомбы. Но все это было очагово. Я — не о степени страшности, а о масштабах. Вселенскую катастрофу я не припомню. У меня ощущение, что сейчас репетиция апокалипсиса, что «оттуда» пришел сигнал. Они нагляделись на нашу земную бессмыслицу, решили послать нам сигнальчик и посмотреть, как мыотреагируем. Казалось бы, все наши местечковые и местные проблемы должны отпасть, потому что наша возня не сопоставима с тем, что навалилось.

Когда в начале пандемии стали кричать: «Давайте всемирно объединяться!» — еще была надежда. Но потом появилась язвительно-сострадательная статистика: в Америке умерло больше, чем им хотелось, а у нас меньше. Тут я понял, что это конец. Во все времена эпидемии приводили к атрофии человеческих

чувств: сострадания, скорби. Привыкаемость — человеческая суть. Статистика ощущается как строчки новостей, а не как конкретные гробы.

Сколько раз человечки ёрничали по поводу очередного несостоявшегося конца света: «Опять проскочили мимо апокалипсиса». Дохихикались. А ведь сигналы и прежде были. Отменили настоящую зиму. Наблюдательные люди могли заметить, что в лесу исчезли пирамиды муравейников. Эти мудрые труженики, очевидно, испугались грозящих перемен и куда-то передислоцировали свое вековое общежитие. Просыпаются давно умершие вулканы и гейзеры, соседние галактики все чаще бросают в нас камни. И вот на тебе — пандемия.

На планете — перепуганные страны, в которых никогда не было настоящих катаклизмов. А Россия только так всегда и существовала: то чума, то блокада, то революция, то голод. И ничего, живем. Вся прелесть нашей страны в том, что нам ничего не страшно.

Всех посадить или сослать даже с нашим опытом — проблематично. Решили воспользоваться карантинном. Чем безвыходнее ситуация со спущенным на нас из космоса «корявовирусом», тем трагичнее выглядят люди, от которых должно что-то зависеть. Нужны решения. Решать могут только деспоты или великие специалисты. Их — огромный дефицит. Страшное понятие времени «удаленка». От чего удаленка? От смысла? От привычной обывательской жизни? Попытки найти виноватых на стороне только усугубляют безвыходность. Очень хочется все это пережить и перейти к приближенке, чтобы ощущать плечо друга, а не полтора метра пустоты.

Лежал с модным заболеванием в 52-й больнице под опекой врача от Бога Марьяны Лысенко. Меня спросили, как я пережи-

ваю неожиданно нахлынувшую на меня в связи с заболеванием популярность. Все СМИ набросились на это событие. Мне больше хотелось бы иметь безвестность здоровым, чем славу в реанимации.

Через полгода возник вопрос, надо ли вакцинироваться. 50% опытнейших вирусологов и врачей говорили: «Ни в коем случае». Другие 50: «Бегите срочно». Как 87-летнему обывателю себя вести? Сдали анализ на антитела. Если бы я понимал, что это за антитела! Много тела — это плохо, а антитела — это хорошо? Пытаюсь спросить, посылают или говорят: «Вы все равно не поймете». При этом все вокруг, слыша вопрос, привились ли, делают загадочно-сытое лицо и произносят: «Хм, у меня 567 антител». А им в ответ: «Это по шкале Бзедедидзень. А по шкале Буздебудзень это всего 13. Хотя тоже неплохо». Когда сказали, пусть старье сидит дома, сейчас третья волна четвертого наполнения, мне пообещали: «Справку найдем, что у вас полно антител». Новый бизнес: в подземном переходе покупаешь эти антитела за десять тысяч — и гуляй, рванина. В итоге все-таки привился.

«Самоизоляция» — неправильное слово. Изолировать себя можно в барокамеру. А у нас это не самоизоляция, а перемена образа жизни, что всегда тяжело для психики и чревато неврастенией. Мы, люди в основном бегающие, не привыкли сидеть на месте. Говорили, на карантине начнем наконец читать, философствовать, займемся детьми. Но, если человек никогда в жизни не видал книги, с чего вдруг он бросится к Тютчеву? Если только в карантине узнал, что у него есть дети, кроме осатанения и неумения, не будет ничего. Слезливое удивление от неожиданного обретения на карантине детей, жен, дома, быта и кошек не спасает от суицида и семейной поножовщины.

Экстерном человеком не станешь. Опоздали! Волонтеры, раздающие кровь, плазму и хлеб озлобленным старикам — болезненный альтруизм. Счастье, что они есть, но не надо показывать по всем каналам акт передачи благодеяния старикам, испуганно-подозрительно принимающим в щель приоткрытой двери лежалые продукты из супермаркета. Развозящие продовольственные корзинки энтузиасты, в основном мечтают попасть в объектив камеры, чтобы страна и родственники в лицо знали бескорыстных благодетелей. «Альтруизм» — понятие несостоявшейся эпохи истинных взаимоотношений.

Пушкин во время эпидемии холеры был в нижегородской деревне и поперся в Москву. Он писал: «Проехав 20 верст, ямщик мой останавливается: застава! Несколько мужиков с дубинами охраняли переправу через какую-то речку. Я стал расспрашивать их. Ни они, ни я хорошенько не понимали, зачем они стояли тут с дубинами и с повелением никого не пускать. Я доказывал им, что, вероятно, где-нибудь да учрежден карантин, что я не сегодня, так завтра на него наеду и в доказательство предложил им серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многие лета»¹.

То, что все можно купить и продать, а потом осмыслить, — неправильно: сначала безумные поступки, а потом попытка осмысления. Хотя Пушкин — наше всё. Кстати, «наше всё» уже стало псевдонимом Пушкина. То и дело слышишь: «Как правильно сказал “наше всё”...» Если возникают какие-то гениальные формулировки или эпитеты, мне кажется, обязательно нужен противовес. Когда придумывается «наше всё» в той или иной

¹ Пушкин А.С. Холера // Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 8. Автобиографическая и историческая проза. История Пугачева. Записки Моро де Бразе. 1978. С. 52–54.

сфере или эпохе, всегда надо найти «наше ничего». Ведь «наших ничего» было значительно больше, чем «наших всё». Тогда возникает какой-то более-менее баланс.

Странное все-таки существо человек. Так все страдали и негодовали из-за карантина, потом подзатихли, потом привыкли, а дальше уже понравилось. Когда постепенно стали призывать обратно к нормальной жизни, все вдруг решили, что было лучше. Я это ощущал по себе — постепенно привык к изоляции. Организм вынужден как-то приспособливаться к этой синусоиде разностей.

К Новому, 2020 году наш театр выпустил поздравительную открытку.

**Устал я греться у чужого огня,
Но где же сердце, что полюбит меня?
Живу без ласки, боль свою затая...
Всегда быть в маске — судьба моя!**

В 1926 году Имре Кальман в оперетте «Принцесса цирка» на всякий случай надел маску на Мистера Икса. Прошло почти 100 лет. Но что такое 100 лет?

В 2020 году Вере Васильевой исполнилось 95. Вера Кузьминична стройная, изящная, молодая. Все время хочет играть. Мы затеяли юбилейный вечер. Но так как она все-таки уже не может два с половиной часа непрерывно бегать по сцене, мне пришла в голову идея расставить манекены с костюмами ее героинь и рядом с ними поставить мужиков — ее партнеров по спектаклям. Она держится за манекен, а мы помогаем ей вспоминать что-то. Еду в театр репетировать и вдруг слышу по «Эхо Москвы», что ввели очередной запрет жизни для 65+. Чтобы артист в 65+ мог выйти на сцену, нужно запрашивать специальное разрешение.

Мой директор Мамед Агаев пытается его получить, но ему говорят: «Никакого вечера быть не может, отменяйте». В это время в театр приходят двое из этого Рыбнадзора — проверить, висят ли объявления о вакцинации, все ли в масках и размечен ли пол для дистанции в полтора метра. И я одного из них спрашиваю: «В 65+ на сцену нельзя. А у нас Вере Кузьминичне через неделю 95. Как быть в этом случае?» Он начинает куда-то звонить и выяснять, что делать, когда 95. Его, очевидно, тоже куда-то послали, но вечер всё равно отменили.

Пользуясь случаем, в очередной раз взволнованно преклоняю колена (преклонить еще могу, встать обратно уже, конечно, проблема) перед моей подругой и партнершей Верой Васильевой и хочу вновь покаяться в своих неоднократных изменах.

В первый раз, 50 лет назад, я с трудом отбил ее у Гафта в спектакле «Безумный день, или Женитьба Фигаро» и 500 раз пытался изменить ей с Сюзанной. Потом много лет она мучилась со мной в спектакле «Орнифль», где я напропалую мотался с кем попало. И наконец, в «Кабале святош», прикинувшись Мольером, бросил Васильеву — Мадлену Бежар — и женился на ее дочери. Все это вытерпеть могла только такая цельная и тонкая натура, как Верочка. С уникальными партнерами надо быть очень нежным.

С пандемией разобщенность крайне ужесточилась. Нас отодвинуло друг от друга на полтора метра. С кем советовались чиновники, выбирая это расстояние, неизвестно. Почему не два метра или не один?

Вот Валечка Гафт — человек, который на моих глазах одним пальцем поднимал десятикилограммовые гири. Я помню, как в Театре на Малой Бронной Ольга Яковлева играла Дездемону, а Валя играл Отелло. Душил потрясающе.

С этим метражом всеобщий сценический тупик. Как задуть Дездемону с такого расстояния? Как дотянуться поцеловать Джульетту? Я уже не говорю о сексуальных сценах — где найдешь сегодня героя-любовника с полутораметровыми возможностями?

Сначала на спектакли продавали 25% билетов, потом смилостивились до 50%. В метро люди едут нос в нос, щека к щеке, а в театре нужно сидеть через место и в масках. На трибунах стадионов вместо зрителей фанерные манекены и озвучен рев болельщиков. Театр с манекенами невозможен. Сидя через кресло от жены, рискуешь не уловить сюжет. А если не жена, а любовница и она отброшена в амфитеатр — это вообще выброшенные деньги.

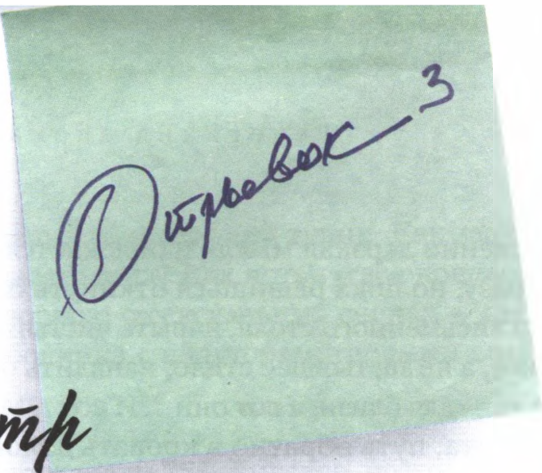
Конечно, карантинная необходимость загнала нас в затворнический тупик, но какие-то выгоды от этой изоляции все-таки появились. Население, устав от дачного алкоголизма и безденежья (одно плотно связано с другим), стало от безвыходности перелистывать книжки, веками стоящие нетронутыми и идущие, в обычное время, на растопку камина.

Кстати, интересно, когда все книгоиздание мира перейдет на цифру, чем будут растапливать печи? Боюсь, что цифра горит плохо. Давно пора осуществить мечту грибоедовского Скалозуба «Собрать все книги бы да сжечь!», и при этом «рукописи не горят» — хрестоматийная бессмыслица. Прекрасно горят и горели. Это айфоны, очевидно, плохо прогорают. Какая жалость, что Гоголь до них не дожил. Мы бы имели второй том «Мертвых душ».

Аристотель, Жюль Верн, Конан Дойл — провидцы, заглядывающие и угадывающие на века вперед. Я тоже хочу. Но все мешает. Ночью сквозь зыбкий сон приходит в голову необык-

Репетиция апокалипсиса

новенно дерзкая мысль и облекается в четко-парадоксальную фразу, но пока решишься откинуть одеяло, добежать, не упав, до письменного стола, нарыть чистый лист бумаги, найти пишущее, а не застывшее стило, натянуть очки, да не эти — для дали, а те — для близи, а вот они... И всё... Мысль ушла, формулировка забыта, путь обратно в кровать долог и горестен. Уверен, что через каких-нибудь семь-восемь лет изобретут что-то такое, чтобы прямо из спящей головы все фиксировалось.



Суфлер 3

Театр

и вокруг него

Раньше я славился способностью импровизировать на сцене. Обычно, когда актер произносит слова роли и вдруг — забывает текст, он впадает в ступор. Со мной такого никогда не случалось, поскольку я считаюсь очень находчивым. Когда-то в театре существовали суфлерские будки — нора, в которой сидел несчастный человек с партитурой пьесы. И даже великий и мудрейший артист Олег Павлович Табаков позволял себе иногда играть спектакли с наушничком, в который ему подавали текст. Суфлеров как класса давно нет, поэтому артисты вынуждены текст учить.

Лозунг «Хлеба и зрелищ!» — атавизм. Сегодня хлеба навалом, зрелища — в интернете. Но, каким бы театр ни был, он живой. Когда артист забывает текст, это большой подарок для зрителя. С компьютером такого не случается.

Олег Табаков обладал титаническим обаянием вообще и в частности во время еды. Не было человека, который ел аппетитнее его. Не важно, был ли это шикарный правительствен-

ный банкет, чей-то юбилей или пикник. Я участвовал с ним во всяких больших заседаниях — в министерствах, комиссиях, в чиновничьих кабинетах. Заседают, рассказывают с серьезными лицами, как будет дальше хорошо. У каждого — микрофон, бутылочка какого-нибудь «Нарзана» и маленькое блюдечко, на котором три орешка. И только Олег Павлович, вне зависимости от ранга заседания, приходит с кулечком, вынимает уютненькую коробочку с бутербродиками, маленькую баночку с приправой и элегантно себе сервирует застолье между микрофонами. Если удавалось сесть на заседаниях рядом с ним, что-то можно было у него цапнуть, а что-то он категорически не давал. «Самому мало! — шипел. — Свое приноси!»

Артисты делятся на хороших и популярных. Зыбкая мечта стать любимцами — публики, то есть народа, власти, полиции, двора и магазина. Это атрибуты профессии, ничего тут не поделаешь. У сегодняшних — круглосуточная жажда присутствия. Так как возможностей — огромное количество и конкуренция большая, даже у талантливых и думающих людей возникает ощущение необходимости постоянно мелькать.

Я всегда говорю людям, которые мне небезразличны, типа Максима Аверина, Саши Олешко и Лёни Ярмольника, что, когда всюду лезешь, можно надоесть самому себе и адресату своих появлений. Кроме того, чтобы появляться в разных ипостасях, нужно в каждой попытаться быть другим. А если ты один и тот же и просто торчишь в разных декорациях перед одним и тем же жюри, это снижает качество дарования. Кивают, но толку мало.

Сегодня перевоплощение подменено непосредственностью. Когда говорят, что человек непосредственный, в этом есть элемент комплимента. Но, если он до ужаса примитивен, от его непосредственности никакого зрительского счастья не возникает.

Театр и Зритель — вечная полемика. Когда-то я ставил спектакль «Недоросль» с песнями моего замечательного друга, поэта Юлия Кима. В конце спектакля выходил из зала якобы очарованный зритель и пел о том, что он потрясен до слез. И артисты ему якобы отвечали: «Приходи. Мы еще раз обманем! Ты умеешь поверить в обман!» Это очень важная теза. Если люди приходят и ждут обмана — это одно. А если им все время назидательно-настырно капают на мозги, это раздражает и отрешает от театра.

Мне играть в театре, или что-то ставить, или руководить приходится от безвыходности. А вот взять и в свободное время пойти в театр и смотреть, как изгаляются другие, не свои, — это голгофа. Сегодня драматурги и режиссеры кромсают хорошую прозу, впихивая ее в прокрустово ложе пьесы. Островский — сибарит, бог знает когда живший, сейчас — дефицитнейший автор. Все ставят Островского. Но, прежде чем ставить, бросаются его переписывать, прикрывая отсутствие драматургии, смысла, характера, актерского мастерства всякими эффектами. Чем дальше развивается цивилизация, тем больше на сцене фокусов, а магия органичного существования и партнерства уходит. А если с трудом, геройски сохраняется, вызывает лишь одну реакцию — старомодно.

Все хотят быть на уровне мировых стандартов. А мировые стандарты — это очень опасная штука. Все-таки должно быть свое. Исконно-русский театр — Петрушка, балаган, скоморохи и водевиль. Мюзикл — это не наша кровь. Когда-то Филя Киркоров позвал меня на мюзикл Chicago, который шел в этом огромном сарае на Комсомольском проспекте. Я пошел. Все очень грамотно, работают на полную катушку. Получился слепок с бродвейского Chicago, очень хорошо сделанный. И ужас в том, что, чем это лучше, тем вторичнее.

В Киеве, в Театре имени Ивана Франко, мы когда-то играли спектакль «Чествование». В зале был великий артист и совершенно удивительная по чистоте и мудрости личность Богдан Ступка. После спектакля он написал мне пиететно-восторженное письмо. Как будто писал не большой и уже пожилой артист, а слушательница бестужевских курсов. Когда не местечковый критик, а коллега такого уровня вдруг пишет тебе письмо — это то, для чего надо стараться.

Сейчас немало театроведов — на уровне буклета супермаркета. Драматург Алексей Арбузов был богат по тем временам — по всей стране шли его пьесы. Как только появлялась его сентиментальная драматургия, тут же раздавалась беспощадная критика: где современная тематика? Он брал билет и шел на стадион. Или даже, чего тогда никто не мог себе позволить, летел в Англию на футбольный матч. Наглядное пособие правильного отношения к критике.

Вот пишут: «Как артист он, конечно, дрянь, но костюмчик на нем хорошо сидел». Конечно, играть надо так, чтобы соответствовать костюму. Вообще же в нынешнее время возможен вопрос: «Что на вас сегодня раздето?»

Забытая придумка — радио- и телеспектакли. Если спектакли делаются для телевидения, а не снимаются театральные постановки — это и не кино, и не театр. Телеспектакли Анатолия Эфроса — «Всего несколько слов в честь господина де Мольера» и «Страницы журнала Печорина» — образцы жанра, который рухнул. В советские времена заработки сводились к минимуму: полторы программы телевидения, незначительные сборные концерты, куда надо было еще попасть. Основной кормушкой было радио. Эмиль Верник, тогда главный режиссер литературно-драматического вещания Всесоюзного радио, создал очень

много радиоспектаклей, в которых он собирал букет артистов из МХАТа, Театра имени Моссовета и Театра имени Ленинского комсомола. Донести специфику классического драматического произведения через радио — было уникальным делом. Эмиль Верник умер недавно почти столетним. Так долго он прожил в числе прочего потому, что у него на редкость заботливые и любящие дети, особенно Игорь.

В Бахрушинском музее есть «колумбарий» с ячейками, куда вместо урн вставляют всякие вехи ушедшего или еще не ушедшего театрального деятеля, который с точки зрения музея этого достоин. Правда, иногда количество вех зависит от настырности жен или вдов: какой-то гений — режиссер или артист, у которого не было семейного энтузиазма, имеет маленькую полочку с двумя-тремя фотографиями, а у в десять раз менее значимого субъекта, но пожившего 67 лет с женой, некуда положить очередные вырезки. Как только она видит фамилию мужа на заборе или его лицо на туалетной бумаге, тут же тащит все в музей. Милейшие дамы, сотрудницы музея, отказать этой упертой старушке не могут и вынуждены брать бумажку или кусок забора и вталкивать в склеп. Так что, может, пропорции Театральным музеем имени Бахрушина не всегда соблюдаются, но степень внимания его сотрудников к театральной деятельности умиляет.

Когда увольняли директора музея Дмитрия Родионова, я по просьбе «Новой газеты» записал видео, в котором, в частности, сказал: «Общественное мнение, коллективные письма, возмущение интеллигенции — за свою жизнь я это проходил очень много раз. Результата никакого. Разный уровень чиновников подтирается этими воззваниями. Но иногда зашкаливает. Как в случае с увольнением директора Музея имени Бахрушина. На баррикаду я уже не заберусь, а вот с ее подножия вынужден спросить: зачем? Зачем влезать в абсолютно сложившееся, замечательно организованное давным-давно

заведение. Это же мемориал. Кладбище великого русского театра. Влезать туда — чистый вандализм. Говорю не голо-словно. У меня в этом колумбарии есть маленькая полочка, и там что-то лежит. Эти подвижники работают десятилетиями за известное количество денег. Дима Родионов — интеллигентнейший, эрудированный, тонкий человек. Может быть, пока не поздно, давайте все реанимируем. Не надо извиняться, не надо ахать. Просто сделать вид, что передумали. Не ошиблись, а подумали и передумали. Этого достаточно, чтобы сохранить уникальный музей».

Возникают какие-то профессиональные, житейские, остросоциальные проблемы — я открываю пасть, а потом — ой! — смотрю вокруг и вижу, что я старый, засохший прыщ, случайно удержавшийся на новой прекрасной глянцевой жопе Мельпомены, гнилой зуб мудрости в блестящей искусственной челюсти театрального процесса. И я тут же затихаю. Я старый гимн с новыми словами. Мелодию помню, а слова выучить уже не могу. Выгляжу как футболист перед началом матча.

Помню, в застойных капустниках мы пели: «Зато мы делаем ракеты и перекрыли Енисей, а также в области балета мы впереди планеты всей!» Эти успехи давно размыты. Мишенька Барышников танцует под американским флагом, перекрытые реки мешают осетровым нереститься, в ракетах первый канал запускает в космос группу, чтобы снять очередной невесомый сериал, но это, конечно, мелочи. А вот что королева Елизавета II и Михаил Ефимович Швыдкой одновременно, не сговариваясь, бросили пить, настораживает по-настоящему.

Театр — дом, театр — семья. Конечно. Но, как в каждой семье, быт театра наполнен жадой первенства, склокой, завистью и иногда любовью.

В театрах в юбилей артистов на служебном входе над большим зеркалом вывешивают поздравления. И даже когда человеку исполняется 90, пишут: «Дорогая Анна Ивановна, поздравляем Вас с 90-летием. Желаем счастья, долголетия и дальнейших творческих успехов». Я прошу не писать про творческие успехи, но мне говорят: «Нет, такая форма». У нашей художницы — трафарет, на котором меняется только имя-отчество и дата, а призывы незыблемые.

Когда меня спрашивают, какая ваша главная роль, я по-прежнему, как это принято, отвечаю: «Еще не сыгранная». Но и сыгранные не все помнятся.

В одно время со мной в московской 110-й школе учился Виталий Хесин, сын директора Всесоюзного управления по охране авторских прав и Литфонда. В книге «Странники войны: Воспоминания детей писателей. 1941–1944» он рассказывает: «Весной 1948 года мы силами литературного кружка, который вела учительница русского языка и литературы Елена Николаевна, ставили отрывок из “Молодой гвардии”, только-только опубликованного и очень популярного романа А. Фадеева. На женские роли девочек из соседней женской школы приглашать не разрешили (на девочек в стенах мужской школы смотрели как на инопланетянок), и их исполняли мальчики.

Я играл Ульяну Громову. Сестра дала мне свой девчачий костюмчик: закрытая блузка, жакет, юбка, туфли на низком каблучке и платочек на голову. Дело в том, что нас до седьмого класса в обязательном порядке стригли наголо. Даже челочку иметь не разрешалось. Нарушителя тотчас же отправляли в парикмахерскую.

Шура Ширвиндт тоже участвовал в спектакле, но исполнял эпизодическую роль (кажется, Володи Осьмухина). На репетициях никаких проблем не возникало. То, что мальчики говорили о себе “я сказала”, “я видела”, воспринималось без улыбок.

Но, когда при полном зале открылся занавес и зрители увидели нас, актеров, поднялся такой хохот — и в зале, и на сцене, — что играть было невозможно.

Я не произнес ни одной реплики, ибо меня душил смех, то же было с Геной Р., исполнявшим роль Любки Шевцовой, и Юликом К., игравшим бабушку Олега Кошевого.

Директор школы Иван Кузьмич Новиков, сидевший в первом ряду, с ужасом взирал на это “действие”, и сегодня я его хорошо понимаю. Ведь это был сорок восьмой год, началась новая кампания шельмований и массовых арестов, и наше поведение можно было расценить как “идеологическую диверсию”.

Сценка называлась “Молодогвардейцы слушают речь вождя”: импровизированная вечеринка, самодельный радиоприемник и прильнувшие к нему, чтобы не пропустить ни одного слова, юноши и “девушки”.

Елене Николаевне (она исполняла роль мамы Олега Кошевого) после этого случая пришлось уйти из школы».

Когда кто-то вспоминает, читаешь как откровение. Но автор помнит фамилии, и все-таки проскальзывают домыслы или незнание. Елену Николаевну, нашу классную руководительницу, выгнали не из-за этого представления. Был ужасный скандал по тем временам (сейчас он выглядит детским садом), потому что в нее влюбился ученик Аркаша Домбек. Из-за этого романа ее выгнали из школы, а его со страшным «ай-ай-ай» оставили. Но прелесть в том, что по окончании школы он на ней женился и они счастливо жили вместе полвека. Своей роли в отрывке из «Молодой гвардии» я не помню. Я стараюсь запомнить удачные роли, а эта была, очевидно, не очень.

Январь 1949 года, редакционная статья в газете «Правда» «Об одной антипатриотической группе театральн^{ых} критиков». Это начало кампании, в ходе которой закрыли Камерный театр, выгнали его основателя Александра Таирова и его

жену, великую Алису Коонен. Сейчас с гневом вспоминают это трагическое событие в театральной летописи России и последний спектакль «Адриенна Лекуврер», когда зал стоя, по некоторым сведениям, чуть ли не полчаса прощался с Таировым и Коонен.

Прошли годы. Был последний спектакль булгаковского «Мольера» в Театре имени Ленинского комсомола перед тем, как Анатолия Эфроса выгнали с поста главного режиссера. Я присутствовал на сцене в образе Людовика. Не знаю, полчаса или меньше, но зал тоже стоя прощался с этой эпохой Театра имени Ленинского комсомола. Эпизод разгона театра Эфроса стал очередной страницей репрессивной политики в отношении культуры.

Прошли годы. Сегодня председатель общественного совета при Министерстве культуры России Михаил Юрьевич Лермонтов, который не только тезка поэта, но и имеет с ним общих предков, собрался оценить репертуар театров на предмет наличия антипатриотических произведений. Сигнал понятен. Наступаем на те же самые грабли, не делая никаких выводов, — ждем, чтобы прошли годы!

Если боишься всего, то сидишь и ждешь, что будет. А анти-трусость моментально проецируется на поступки. Бывает безрассудная физиологическая смелость. Человек бросается на амбразуру, даже когда ее нет.

Есть люди, которые не могут без борьбы. Таким был, к примеру, Эдик Успенский, талантливый человек со сложным характером. Он настолько привык к протесту, что, даже когда с ним не спорили, все равно протестовал. Мы с Марком Захаровым ставили милую музыкальную безделушку «Проснись и пой!». Одним из авторов куплетов был Эдик. Каждый спектакль в то время принимался 157-ю комиссиями, начиная с райкома пар-

тии и заканчивая ЦК. А тут еще — биография и имидж Захарова, у которого закрывали почти все премьеры. На сдачу и обсуждение пришел Эдик, что было необязательно для автора нескольких песен. Но он сказал: «Я буду с вами, не волнуйтесь».

Комиссии спектакль дико понравился: «Наконец-то! Как мило, человечно!» В углу сидел Эдик, который, очевидно, ничего этого не слышал, потому что готовился к борьбе. И когда все напоздравлялись, он произнес длинную речь о том, что хватит давить, что так не может продолжаться, что ни одно слово он изменять не будет. Он стал бороться за премьеру, которую восторженно приняли. Когда смелость уже профессия, это подозрительно.

На сцене театра сегодня не курят даже электронные сигареты. Спички и свечи запрещены — свечи должны быть лампочковые. Пить можно чай и — с разрешения правящей партии — пиво, и то только в академическом театре и только персонажам, которые пьют пиво в первый и последний раз. Из пороков не запрещен лишь секс, но тут все зависит от театра. В Малом театре, например, не могут совокупляться голая рота солдат и рота снятых проституток. В академическом театре можно целоваться, но не врасплох. Заваливать можно, но не до конца и только одежками и т.д.

Молодые специалисты не превращаются сегодня в зрелых мастеров или старых гениев. Выращиваем качков для сериалов и будущих покорительниц пляжей Мальдив.

На гребне демократизации и свободы в стране открылось, по-моему, штук шесть-семь театральных школ, каждую из которых создавал какой-нибудь мастер, и выдавались дипломы высшего образования. При этом актеров готовили также ГИТИС, Школа-студия МХАТ, Театральный институт имени Щукина и т.д.

Когда я учился, была железная советская система распределения выпускников. Предположим, студент оканчивает учебное заведение и на него есть заявка в Театр имени Вахтангова с учетом его творческих успехов за подписями худрука и худсовета, которые видят в нем будущее репертуара. Заявка обсуждается ректоратом, и выпускник идет работать в московский театр. Тех, кто оказывался невостребованным после бесконечных показов в театрах, распределяли по заявкам периферии. И если у выпускников не было сильной руки в каком-нибудь министерстве, они брали чемодан и ехали работать на три года без права вырваться куда-нибудь — то есть отрабатывать свое бесплатное обучение.

Кроме того, в советское время в Саду имени Баумана в конце мая проходила полуофициальная актерская биржа. Это был базар, где ходили режиссеры и подбирали нетрудоустроенных выпускников. Мальчики приходили туда в чистых рубашечках, а девочки — в относительно фривольных платьицах, чтобы было видно, что у них есть ноги и элемент груди. Они гуляли по Саду имени Баумана.

Там же гулял, к примеру, главный режиссер пензенского ТЮЗа. Он сначала разглядывал издали фланирующих, а потом подламливал жертву и говорил: «Здравствуйте, я главный режиссер пензенского ТЮЗа. Как вас зовут?» Девочка брала волю в руки и пыталась назвать свои имя и отчество, чтобы было понятно, что она умеет говорить. После того как главный режиссер понимал, что она разговаривает, он осторожно оглядывал части ее тела, начиная с груди и опускаясь все ниже и ниже. Время было целомудренное — ни за что руками не хватали, длину ног мерили «вприглядку». Потом он пытался увидеть зубы. Брать за челюсть, как при лошадином аукционе, было неудобно, поэтому главный режиссер шутил, ничего не подозревающая неопытная девочка смеялась, произвольно показывая зубы.

После смерти Владимира Этуша я самый старый профессор Театрального института имени Щукина. Когда я учился, основной бедой был дефицит репетиционных и лекционных помещений и мебели. Педагоги стояли в очередь за аудиторией. Чтобы репетировать на скамейке, ставили три стула, из которых один был на двух ножках. Стул-инвалид помещался посередине и привязывался к четвероногим собратьям. В итоге он мог выдержать незначительное тело студента. Так и репетировали, но при этом возникали Юлия Борисова, Юрий Яковлев, Михаил Ульянов.

Нынешний ректор Евгений Князев — титанический энтузиаст, строитель, прораб. Когда долго говорят о творчестве, он в это время думает, какой еще подвал украсть. Сейчас в связи с его манией строительства и украшательства в институте шикарная мебель и зимний сад с уникальными растениями. Он делает капитальный ремонт Шаляпинского дома, что напротив. Вырыл подвал под зданием института, и там появились две большие аудитории. С тыла воздвиг дом, в котором огромные помещения для сцен движения и танца. Замечательно. Иногда, правда, возникает крамольная мысль: пусть меньше аудиторий, но больше Борисовых, Яковлевых и Ульяновых.

Однажды собирались сделать меня доцентом, но сказали, что его не дадут, пока я не стану кандидатом наук. А для профессора нужна докторская диссертация. То есть по моим педагогическим успехам я мог бы быть доцентом, а по бумагам — нет. И мы с Альбертом Буровым, в дальнейшем заведующим кафедрой мастерства актера, писали кандидатскую диссертацию.

Я был специалистом по водевилям. Написал страниц 20 и на 21-й послал всех куда подальше, а Алик написал всю диссертацию и стал кандидатом наук и доцентом. Позже дали доцента и мне. Потом он написал докторскую, и ему дали профессора.

А я не написал, даже не начинал в этот раз, и мне дали профессора, потому что я педагог-практик, сто лет преподаю и при этом народный артист и заставлен статуэтками.

Зачем действующий актер и педагог актерского мастерства, который должен научить артистов быть органичными и яркими на сцене, обязан писать какую-нибудь вымученную диссертацию на тему: «Некоторые свойства педагогического насилия над студентами второго курса при переходе от памяти физических действий к этюдам со словами»?

Уходящая натура, приходящая натура... Молодая бездарность набирает очки, стареющая талантливость сдает позиции и умирает. Всё значимое в творческо-театральной индустрии перемерло. Новая шелупонь раздражается от остаточного присутствия недовымерших авторитетов. Хотя старается этого не показывать: утомительно-вынужденная почтительность к живым остаткам поколения и традиционная техническая скорбь по ушедшим.

Кто остался из патриархов на момент написания этих строк? Юрий Соломин в Малом театре. На ощупь руководит Московским театром юного зрителя уникальная Генриетта Яновская. Когда закачался театр «Шалом», который много лет возглавляет Алик Левенбук, сначала завопили, что это волна антисемитизма, а потом успокоились, поняв, что это элементарная еврейская старость.

«Рынка» Захарова, Любимова, Волчек, Фоменко сегодня нет. Происходит становление гибели великого русского репертуарного театра. Он судорожно кончается под ударами менеджеров и коммерсантов. Я думаю, что будет стационарная антреприза. Антрепризы въедут в здания театров, где нет ни художественного лидера, ни режиссера, а есть замечательные продюсеры (замечу, что и сейчас существуют хорошие

антрепризы и жуткие репертуарные театры, но все перемешано).

Эмбрион этого движения уже имеется. Прекрасно обходятся без худруков Владимир Урин, Владимир Тартаковский и недавно примкнувший к ним Марк Варшавер. Я не удивлюсь, если через какое-то время, совершенно правомочно, Ленком станет не «Ленкомом Марка Захарова», а «Ленкомом Марков Захарова и Варшавера».

Что делать? Может быть, сегодняшний Боженькин сигнал (помимо всего, о чем я понятия не имею) — призыв к новой эпохе зрелищ?

И все равно — убить театр невозможно. И никогда не надо стесняться почитать кого-нибудь из классиков. Например, ту же чеховскую «Чайку». «Нужны новые формы!» — кричал Треплев, а Тригорин в моем, по мнению критиков, довольно приличном исполнении в спектакле Анатолия Эфроса скептически мудро и вяло говорил: «Всё было, было, было». Всё было.

Недавно один артист новой волны — они все очень худые, лысые и хорошо двигаются — сказал, что уже не может слышать о системе Станиславского, что это архаизм, а сейчас другая эстетика, другой театр. И я понимаю, что он искренен. Михаил Кедров ставил во МХАТе «Плоды просвещения» около шести лет. Может, это перебор, но был гениальный спектакль. Сейчас в течение месяца делается шлягер. Действительно, зачем тогда это «Не верю!»? Совершенно никому не нужный Станиславский.

В 2019 году мне и Ромочке Виктюку дали Международную премию Станиславского. Помимо грамоты, лауреатам всегда вручали брошку с бриллиантами и лицом Станиславского. Лицо не бриллиантовое, они вокруг лица. Нам брошек не дали.

Я спросил председателя жюри премии, моего любимого режиссера и актера Женю Писарева, на вручении: «А где брошка?

Не спи...ли? Не присвоили ли ее?» Выяснилось, что на нас бриллианты закончились. Но я все равно благодарен Женечке за то, что он присовокупил меня к лику.

Должна быть свежая кровь, старая кровь противопоказана энергии. Знаю по себе. Иногда я чего-то хочу, но это чистое умозрение. Сейчас много молодых, с которыми работаем в одном мегаполисе профессии, стали руководить театрами: Женя Писарев, Сережа Безруков, Володя Машков, Олег Меньшиков... Они занимаются театром, любят свое дело. При этом они хорошие актеры.

Сегодня превалирует так называемая актерская режиссура: актеры становятся режиссерами и худруками. Это деградация профессии и размытие понятия режиссуры. Актерское образование — российское и советское — великое и вечное, а режиссерского образования с хорошей программой и хорошими педагогами нет. С одной стороны, исторически Станиславский, Мейерхольд и Ефремов были актерами. С другой — Эфрос и Фоменко были режиссерами. Но главное: великие имена — Станиславский, Вахтангов, Мейерхольд, Ефремов — возникли из студийно-подпольно-подвальных придуманных сообществ. Появлялся лидер — со своей программой, идеологией и мечтой, и вокруг него собирались люди.

А когда в сложившийся коллектив приходит режиссер X, вопрос программы, мировоззрения, единомышленников летит к чертовой матери. Это пришлый человек. Профессиональный режиссер может работать с кем угодно. Очень многие коллективы при потере вождя теряются идеологически. Уходит большой лидер, а актеры — несчастные люди, они должны играть. Когда они плачут над могилой великого худрука, режиссера или основателя театра, все равно при этом думают, а что же дальше.

Потому что, если придет полулидер, обязательно приволочет с собой пару жен, любовниц или ведущих актеров из провинциального театра, где он был, безусловно, гением. Часто ощущение «ах, жалко» наслаивается на ощущение «ах, какой подарок новый руководитель».

Образовалась пустота в режиссерском руководстве многих театров. Мы мечтаем о воспитании режиссеров в существующих традициях, но традиции размыты — непонятно, где новаторство, где традиции. Новаторство — это на 96% безумие, а традиции похериваются за неостребованностью и отсутствием людей, которые эти традиции — не слова и воспоминания о Станиславском и Мейерхольде, а именно традиции — могут подкреплять.

В этом плане наглядный пример — Театр имени Вахтангова. Множество театров потерялись с уходом лидера и основателя, а Театр имени Вахтангова приобрел мощного режиссера Римаса Туминаса. Но к вахтанговской школе и вахтанговским традициям он не имеет никакого отношения.

Театр имени Вахтангова с необыкновенно сильной труппой уцепился за Римаса и стал создавать спектакли его направления. Римас привлекает идентичных прибалтийских творцов. При этом все по инерции повторяют: «Наша вахтанговская школа, наши традиции...» Получается, что это ничем не подкреплено. Но тем не менее на сегодняшнем театральном Олимпе Лев Додин и Римас Туминас — последние из могикан театральной режиссуры.

Начальники ищут нового Захарова, или Табакова, или Виктюка... Но нужен иной подход к выбору. Необходимо не сравнивать с ушедшими талантами, мастерами и гениями, а внимательно изучить конъюнктуру сегодняшнего времени. Пусть даже это будет что-то очень антивчерашнее, но все-таки необходимо-сегодняшнее.

Отрывок 4

Из худруков в президенты

Полтора года просил начальников отпустить меня с поста худрука на вольные хлеба (хотя мучного давно уже не разрешают). Сначала говорили: «Останьтесь, пока подберем что-нибудь путное». Потом: «Извините, ковид, как можно в такой момент бросать родной театр?» Дальше — придумывали, как меня обозвать. Предлагали: «Оставайтесь куратором». Я могу быть — и то с трудом — куратором своих детей, своей семьи и, может быть, своих учеников, но куратором случайного режисера я быть не могу.

Летом 2021 года послал в Департамент культуры Москвы письмо: «Друзья, 3 июля сего года закончился срок договора моего пребывания на посту руководителя Московского академического Театра Сатиры. Во избежание раздувания уже возникших кривотолков и домыслов спешу сообщить, что 20 лет и семь месяцев я по просьбе труппы и с благословения мэрии вез этот воз. Но 87 лет обнулить не удастся. Я благодарю всех за долготерпение и покидаю должность. Конечно, хотелось бы еще

появиться на сцене в вертикальном положении, но это зависит от Боженьки и родного департамента, который по-отечески предлагает мне должность президента культуры и искусства». Заглянул в словарь: искусство — художественное творчество; культура — исторически определенный уровень развития общества. Начинаю думать, как быть президентом уровня развития общества.

А если серьезно, если получится серьезно, то всё возвращается на круги своя. Ровно 21 год назад совершенно зеркальная ситуация уже возникала в нашем театре. Валентин Николаевич Плучек, правда немного старше меня нынешнего, действительно стал немощен и плох, и началась осторожная эпопея его замены. Первачи театра и директор уговаривали меня, с подключением главка (Комитета по культуре города Москвы) в лице председателя Комитета Игоря Бугаева и тогдашнего зама Юрия Лужкова — Людмилы Швецовой — «Временно заткнуть эту брешь, пока не подберем чего-нибудь путного». Подбирали 21 год.


И вот опять та же ситуация, с той только разницей, что Валентина Николаевича любовно и осторожно просили уйти, а я это сделал самостоятельно. И началось — «выгнали старика», «затравили мэтра», «с Валентином Плучеком сыграли злую сатиру» и т.д. Пришлось нам с Плучеком по мере сил отбиваться от этой грязи. Прошло много лет, но, чтобы не быть голословным, мне все равно сегодня хочется показать два документа того времени.

Уважаемый Александр Анатольевич!

Это письмо вызвано необходимостью устранить досадное недоразумение. Опубликованное в газете «Известия» якобы мое высказывание в Ваш адрес чистойшей ложью или обдуманная провокация. Ко мне звонила от имени редакции, какая-то девушка, которой я категорически отказался давать интервью. То, что я прочел потом в газете, за подписью Филиппова, с которым я не общался, меня возмутило.

Крайне досадно, если это может перечеркнуть наши многолетние отношения.

С уважением Валентин Плучек



5 декабря 2000г. 17ч 40мин.

А.А. Ширвиндт был приглашен к В.Н. Плучеку, который предложил ему обсудить сегодняшнее положение в театре сатиры.

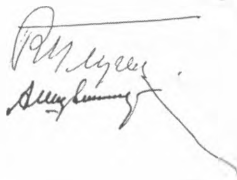
Пришли к следующим выводам:

1. Не дать потусторонним силам в секунду погубить созданное многолетним, упорным, часто рискованным и опасным творческим трудом любное дело.
2. Поблагодарить коллектив, что в создавшейся сложной ситуации он повел себя сверхинтеллигентно и достойно.
3. Пресечь досужие ханские выпады в прессе, основанные на слухах, сплетнях и чьей-то кормости в адрес взаимоотношений В.Н. Плучека и А.А. Ширвиндта.

В.Н. Плучек и А.А. Ширвиндт заявляют, что за 11 год их совместной человеческой и творческой жизни кроме любви, взаимопонимания и надежды друг на друга ничего в их совместной биографии не было.

ПЛУЧЕК ВЕЛЕТ ШИРВИНДТУ НЕ БРОСАТЬ ИХ ОБЩЕЕ ДЕЛО.

В.Н. Плучек А.А. Ширвиндт



И Плучека уговорили, и сделали его почетным председателем художественного совета. Сегодня худсоветы давно отмершее образование и вместо «Председателя совета» придумали мое «Президентство». Я к тому, что, как бы нас, стариков, ни обзывали, сделано это, я надеюсь, из любви и уважения и, как правильно заметил настоящий Президент, когда узнал о моем увольнении, что он понимает, огорчается и надеется, что мой опыт еще пригодится театру. Я тоже на это надеюсь, потому что 63 года служения этому «производству» из биографии не выкинешь.

Бесконечная тяжба с самим собой: уходить — не уходить, работать — не работать... Одни говорят: «Надо умирать на посту». Или: «Лучше всего умирать на сцене, как великие актеры». Другие говорят: «Доживать надо спокойно, в кругу близких». К консенсусу, говоря сегодняшним жаргоном, не приходят.

Я понял, что нужно брать исторические примеры. Рекордсмены по советскому начальственному долгожительству, удержавшиеся во власти даже в сталинское время, — Анастас Микоян и Андрей Громыко. Не знаю, насколько это было везение, а насколько мудрость прохиндеев.

Громыко всегда был осторожен. Он всю жизнь сидел за столами президиумов, и ему завидовали все коллеги, так как он научился спать с открытыми глазами: во время какого-нибудь доклада о достижениях мелиорации спит, а глаза внимательно «слушают». При всех катаклизмах и искривлениях линии партии он оставался на постах, но не выдержал начала перестройки. Сказал, что ничего ему не надо, только машина, помощник и место на кладбище. Как-то, уже после ухода со всех должностей, Громыко смотрел по телевизору происходящее в стране. И он, советский деятель и атеист, сказал: «Слава Богу, что меня там нет» — и перекрестился.

Из худруков в президенты

В этой стране давняя хорошая традиция руководить ею из реанимации. При этом со всем большевистским энтузиазмом клеймим и усмехаемся над аналогичными случаями у них.

Вот крайний — президент Америки. Который по древности забывает, сколько ступенек на трапе самолета и как зовут премьера Великобритании (вообще-то даже молодому запомнить, что премьера Англии зовут Боря, — трудно).

Я старше этого президента на десять лет и, хотя не руковожу страной, но вот уже больше года не могу уволиться из начальников. Наконец уволился. Пока мечешься, интригуешь, прикидываешься цельным, честным и искренним и работаешь, работаешь, работаешь, работаешь так, если после школы, 70 лет, то кажется, что это невысказанно долго и утомительно. А когда вдруг все это кончается и садишься дома в мамино кресло, оказывается, что это был миг.

Дефицит театральных лидеров не может подменяться уничтожением русского репертуарного театра. Совершается это одним росчерком случайного пера, а восстанавливается десятилетиями. На моем веку этих случайных вершителей театрального процесса было немерено. Где они сейчас? А мы все бьемся за театр и ждем новых «идеологов».

В нашей «отрасли» очередные катаклизмы. Уходят, увы, корифеи и титаны, создатели и вожди театральных империй. Руководство не успевает заделывать дыры случайными претендентами. Их можно пожалеть — рынка гениев нет. В этой связи, я думаю, пора под руководством нашего вождя Сан Саныча Калыгина затеять творческую дискуссию о сегодняшней ситуации в русском репертуарном театре.

За 66 лет пребывания в профессии я получил все возможные театральные премии: «Маска», «Турандот», «Театрал»,

«Станиславский» и премия Калягина «СТД». Государство тоже меня не обделило. Поэтому — ничего личного. Все так привычно погрязли в интригах, ведомственной и подковерной борьбе, что подчас забываем, за что боремся и во имя чего интригуем.

Так и с положением на театральном фронте. Не хочу быть местечковым пророком, но даль видится безрадостная. Проглядывается вынужденная, но очевидная тенденция «скрещивания» театральных коллективов.

Я с детства брезгливо относился к Мичурину с его маниакальной страстью спаривать чеснок с клубникой. Глобальная мечта создания всевозможных кластеров дошла до театров.

К примеру, Театр Сатиры и Театр Моссовета очень заманчивые перспективы. Один садик на двоих с барами, аттракционами, перетягиванием каната театр-на-театр, а зимой, естественно, каток. Внутри помещений, обязательные смешанные единоборства, ночные клубы и уютные мини-бардачки по женским гримерным.

Смотреть на процесс создания этого театрального «козлотура» мне стыдно. Тем более сегодня, когда театр стесняется всякой традиционности, стыдливо извиняясь за каждое слово, произнесенное без обратного кувырка или переднего сальто.

На этом фоне очень значимо и мощно выглядит создание попечительского совета Пушкинского музея. Такой робкий, но значимый противовес антикультуре. Единственное, что меня настораживает, хотя я и горжусь, — это мое членство в этом высоком собрании. За что? Вернее — почему? Если причина в нашей многолетней дружбе с семьей Марины и Виктора Лошаков или мое присутствие 40-летней давности на премьере знаменитых «Декабрьских вечеров» — этого маловато.

И вдруг меня осенило — сегодня, слава Богу, всё чаще всплывают имена Третьякова, Дягилева, братьев Бахрушиных, Станиславского, наконец. Они не покупали иностранные футбольные команды, а как подвижники вкладывались в сохранение великой русской культуры.

Создатель Пушкинского музея Иван Владимирович Цветаев не был миллиардером. Это еще ярче выпукляет его в этом ряду российских патриотов. Так вот, дело в том, что его старшая дочь Анастасия Ивановна Цветаева была ближайшей подругой моей матери, которая последние годы была слепа, и я регулярно привозил к нам Анастасию.

Она при посадке привычно крестила мое жуткое транспортное средство. Мы доезжали до дома, она снимала с головы 10–12 платков, вне зависимости от времени года, садилась около матери, и они часами ворковали или Анастасия читала ей литературные новинки.

В общем, когда члены совета попечителей будут шепотом интересоваться, указывая на меня: «Почему?» — надо отвечать: «Он дружил с семьей создателя музея».

Когда у меня интересовались, не возглавит ли театр кто-то из учеников, я отвечал, что мои ученики — артисты. Спрашивали: «А последователи?» — «Последователей не бывает, бывают только поскребыши».

Не думаю, что все ждали, когда я уйду. Не потому, что я такой гений, а потому, что, во-первых, никого другого нет («Пусть этот сидит»), а во-вторых, кое-кто меня любит. И я вынужден был этим заниматься.

Когда-то я мечтал быть хирургом, порушилось, потом юристом, сдавал экзамен в юридический институт, не вышло. Став

театральным актером, постоянно хотел попробовать что-то еще: педагогика, кино, капустаники, эстрада, радио, телевидение. Валентин Плучек, например, не знал, как снимается для телевидения спектакль, приглашал двух телевизионных режиссеров. Театр для него был панацеей.

Чем талантливее разбросанность, тем больший тупик в финале. Я никогда не был начальником. Всю жизнь лебезил перед худруками. Актер не может не лебезить — это профессиональная функция, даже если она завуалирована хамством и вседозволенностью. У меня худруков было много — помимо одного гениального, двух-трех нормальных, было штук пять кошмарных. Вот я и подумал: почему бы и мне не попробовать возглавить театр?

Когда меня уговаривали на худруководство Театром Сатиры, я бросился к руководившему Ленкомом Марку Захарову и возглавлявшему Театр имени Маяковского Андрею Гончарову, и они меня наставляли. У Гончарова было два основных правила для худрука: во-первых, кнутом и пряником и, во-вторых, каждой твари по паре — чтобы было ощущение опасности и конкуренции.

Нельзя привыкать к значимости — очень трудно из нее возвращаться к норме. Мне удалось: по неумению не смог влезть в нее с самого начала до самого конца (пока только карьеры).

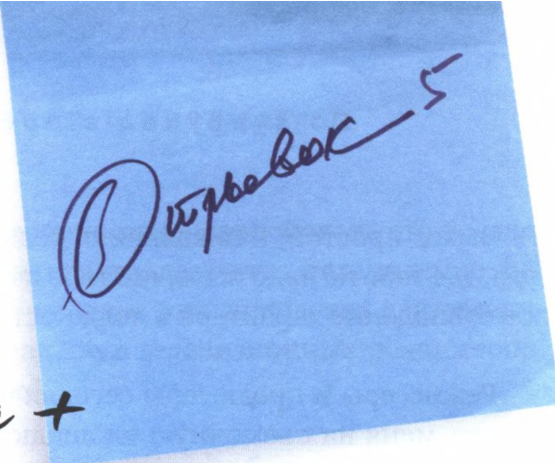
Скромный, тихий, интеллигентный и ранимый человек априори не может быть руководителем. Чтобы руководить, необходима жесткость, безапелляционность, непримиримость, уверенность в неуязвимости своих суждений. Если это не врожденное, а вынужден играть, то не получается. Поймают и раскусят. Успокаивать себя: «Я руководитель совсем другого формата и другой стилистики» — тоже не получается, потому что это уже не руководитель.

Из худруков в президенты

Выход простой, к сожалению, редко применяемый: не лезть туда, где тебе не надо быть, где тебе неуютно и не место. Идеальное совпадение характера и должности случается крайне редко.

Режиссеры и продюсеры сегодня уже даже не пытаются затащить меня на съемочную площадку. Я отказываюсь не из-за кокетства или торговли. Просто скучно. Посидеть в 26-й серии каким-нибудь списанным старым бандитом — стыдно. Их исчерпал великий Армен Джигарханян. А молодого бандита я уже не потяну.

Грозько -
Машина -
и кларнет
Слава богу, не
был там бродяга
замалка
Будет -
и ситней шива
Иди сюда
Почему сест?



Огненный 5

Кино +

все остальное

Сейчас все экспрессивно размыто: понятия «великий», «гений», «звезда» — шелуха. Великих — единицы. Как выглядят гении, я уже забыл. Звезды теперь — какие-то мелкие метеориты, падающие как град.

В начале 1990-х годов в программе Святослава Бэлзы «Музыка в эфире» я вспоминал вышедший в 1978 году на телевидении «Бенефис Людмилы Гурченко», в котором кроме Люси снялись Армен Джигарханян, Марис Лиела и я.

Мы с Бэлзой рассуждали об опасности внешней легкости нашей профессии. Тогда я сказал: «Представляете, где-то в далекой сибирской заимке сидит 17-летняя будущая Ермолова и смотрит телевизор — он свет в окошке. Посмотрев “Бенефис Людмилы Гурченко”, она едет в Москву поступать в “Гурченки”. Что она видит? Джигарханян Гурченко подбросил, Лиела поймал, Ширвиндт чмокнул, кругом блески. И она думает, как это просто — в “Гурченки”! Она не знает, что этот бенефис режиссер Женя Гинзбург снимал на не то подаренной, не то украденной

новейшей аппаратуре. И Люсе Гурченко впервые нужно было текстово и музыкально точно попасть в ритм даже не фонограммы, а какой-то невероятной кардиограммы. А бенефис снимали после происшествия на других съемках, где Людмилу Марковну переехал на коньках Олег Попов. И она была практически на одной ноге — со штырем. Ее буквально на руках доносили до павильона. И Людмила Марковна на одной ноге при помощи рядом стоявших красавцев во главе с Лиепой, которые были на двух ногах, преодолевая дикую боль, пела и танцевала. Это за кадром, а в кадре блеск, улыбка, легкость — и возникает “Хочу в Гурченки”. Очень опасно».

Кроме того, раньше актеры, которых утвердили на какую-нибудь роль в кино, должны были собрать огромное количество бумаг от киностудии, пойти в театре к начальству и умолять отпустить на съемки. Начальство писало: «Согласны. В свободное от основной работы время». Все графики съемок в кино и на телевидении подстраивались под театр. А сейчас театр подстраивается под сериалы. Актеры физически не могут окунуться в театральное творчество — нет времени.

Я много снимался в кино в свободное от основной работы время и в период отпуска. Вот сейчас выясняют, Крым наш или Крым их. Крым мой. Я в нем вырос, в нем жил. Для меня Украина — это биография. Я снимался в Киеве в картине «Она вас любит», в Одессе в фильмах «Приходите завтра...», «Искусство жить в Одессе», «Миллион в брачной корзине».

Картина «Приходите завтра...» снималась в 1962 году. Мы жили в общежитии Одесской киностудии. Денег не было совсем. За две копейки покупали ведро молодого вина, воровали в огороде помидоры, а между работой выходили на пляж, где играли в волейбол и устраивали соревнования по бегу на песке (очевидно, мы были зачинателями пляжного футбола и волейбола).

Реплички, превратившиеся в той или иной профессии в лозунги, должны впоследствии переосмысливаться или переговариваться «новыми великими». Но так как «новых великих» возникает мало, реплички «старых великих» повторяются и иногда становятся подозрительными.

Например: «Умейте любить искусство в себе, а не себя в искусстве». Что значит — искусство в себе? Какие-то глисты.

Или: «Нет маленьких ролей, есть маленькие актеры» — щепкинское изречение, которое как лозунг висит во всех театральных учебных заведениях. Есть маленькие роли, и есть маленькие актеры. Просто, когда маленькие роли играют более-менее думающие, обаятельные и хотящие что-то сделать актеры, это другое дело.

Вот, например, история с малюсеньким эпизодом в фильме «Приходите завтра...», где мы с Юрой Беловым пародировали Станиславского и Немировича-Данченко.

По прошествии 60 лет, когда возникают бесконечные нужды телевизионных или газетно-журнальных творческих портретов, моих и Юры Белова, обязательно (хотя каждый из нас снялся во многих фильмах) вспоминают этот эпизод. Говорят: «А вы помните?» И при этом радужно-снисходительно улыбаются. Спрашивать их, что это вы пристали, не рентабельно. Пусть вспоминают. Но понять это невозможно. Его помнят явно не потому, что это редчайшее явление в антологии эпизодов кинематографа. Видимо, что-то в этой зарисовке пережило время. Юра Белов был шикарным партнером, прекрасным артистом и человеком. Он не умел притворяться. Был интересным собеседником и очень простым, несмотря на свою популярность. Играя Станиславского и Немировича-Данченко, мы дурачились и понимали друг друга с полувзгляда.

Мода — явление загадочное, мало изученное — волнообразное. У нас волны мод: приливы и отливы. Когда в конце 1980-х снималась картина «Искусство жить в Одессе», была мода на Ба-

беля и в каждой подворотне шли съемки какого-то фильма по Бабелю — где мюзикл, где короткометражка. Всю старую Одессу как будто вытащили из катакомб. В тех дворах, где снимали, еще что-то осталось от Одессы Бабеля. И даже население какое-то вынулось из праха. Колорит одесский — вечный. Его не задушишь ничем. Даже нашим кинематографом.

К творчеству Юнгвальд-Хилькевича относятся по-разному, но он из тех режиссеров, которые обладали мощнейшим обаянием. И вырваться от него было невозможно. Когда он появлялся в каких-то инстанциях, чтобы чего-то попросить или добиться, его представляли: «Режиссер Юнгвальд-Хилькевич». Никакой реакции. Он входил в кабинет, напевая: «Пора-пора-порадуемся...» И тогда все: «А!» Удачами надо уметь пользоваться, пока они не стали только твоими.

Во время съемок фильма «Искусство жить в Одессе» мы жили в маленькой гостинице «Аркадия». Зялочка Гердт, игравший очередного старого еврея, и я с наклеенной длинной бородой в перерыве между съемками, не разгримировываясь, сидели в ресторане гостиницы и что-то жрали.

Окружающие, глядя на нас, думали, что мы сошли с ума. Один из посетителей осмелился: «Ради Бога простите, что это с вами?» Мы говорим: «Обедаем». «Я понимаю, — не унимается он. — А с внешностью что?» «Ничего, — говорим. — Внешность как внешность». — «Значит, это не роль?» — «Нет, какая роль?» Если вспомнить, в каком виде мы были в этой картине, можно представить впечатление, которое мы производили.

Сейчас уже можно выглядеть как угодно. И никто не спросит, одна мы нация с украинцами или только с их президентом.

Для картины «Миллион в брачной корзине» снимался проход героя по набережной в Неаполе. Я был итальянцем, а Неаполем была Одесса. Согнали неаполитанцев — 200 одесских евреев,

одеди их в якобы итальянскую одежду и колоритно расставили по набережной. Кто-то должен был беседовать, кто-то просто стоять, облокотившись на велосипед, кто-то кокетничал с дамой, кто-то держал в руках вроде бы итальянскую бутылку кьянти. Репетировалось это все с раннего утра до вечера, потому что снимали в так называемый режим.

Режим в кино — один час оптимального света, когда солнце ушло, а ночь еще не настала. Операторы вожаденно хватаются за этот час. До него все должно быть готово. Советские картины снимали на шосткинской пленке. Шостка — украинский город, где делали вид, что делают пленку. И только великие режиссеры вымаливали у Госкино настоящую пленку.

Севочка Шиловский, режиссер картины «Миллион в брачной корзине», выудил 100 метров настоящей пленки, чтобы хорошо снять сказочный Неаполь и проход героя. С восьми утра ассистенты, сам Шиловский, бесконечное количество кричащих вторых режиссеров расставляли евреев по набережной и смотрели, чтобы не было видно на фоне какого-нибудь сухогруза «Иосиф Сталин».

И вот наконец вечер. Я должен был идти по набережной с Зямой Гердтом, который снимался в то время в Одессе в другой картине. Его при помощи меня умолили сделать этот проход. Вроде я встретил друга в Неаполе. Замысел был такой: мы шли, на тележке ехал оператор, мы доходили до определенного места, останавливались и о чем-то разговаривали. Все это необходимо было вместить в 85 метров. Мотор — мы с Зямочкой пошли, дошли до нужного места, и вдруг два одесских биндюжника, которые должны были стоять за нами и якобы беседовать, подошли к нам со словами: «Что вы встали? Нас же не видно за вами». Они раздвинули нас и тут закончилась хорошая пленка. Биндюжников убили. Потом не было уже ни настоящей пленки, ни Гердта, пришлось переснимать на отечественную с Семеном Фарадой.

В этом проходе мой внук Андрюша играл неаполитанского ребенка, висевшего на папе. Второй фильм, в котором снялся

внук, — «Сочинение ко Дню Победы» нашего друга Сережи Урсуляка. Когда герои великих актеров Михаила Ульянова, Вячеслава Тихонова и Олега Ефремова угоняли самолет для святого дела, Андрюша в кипе, игравший еврейского юношу, ударил гантелью по голове героя — актера театра «Сатирикон» Владимира Большова. Очевидно, эти два киношедевра отвернули Андрея Михайловича от искусства перевоплощения, и он с тех пор не может видеть камеру, а преподает римское право, очевидно забыв, что Нерон был актером.

Российские и советские актеры всегда были лучшими в мире, думаю, ими и остались, но мечтают об «Оскаре». И сколько бы ни придумывали Юлий Гусман и Никита Михалков премий и сколько бы кинофестивалей «Амурская зелень» или «Сочинские закаты» ни проводилось, все надеются хотя бы номинироваться на «Оскар».

Никас Сафронов иногда рисует мировых звезд и посылает портреты туда. В ответ в основном посылают его. Но некоторые улыбаются и даже приезжают в Россию. Софи Лорен была на дне рождения Никаса, где я тоже был. Он меня схватил и повел к Лорен. Она встретила своей ослепительной дежурной улыбкой. При помощи себя и переводчика Никас десять минут рассказывал ей, кто я такой, чтобы она знала на будущее. Я спьяну пошутил: «А теперь расскажи мне, кто она такая». Софи Лорен актриса хуже, чем Алиса Фрейндлих или Нонна Мордюкова. Она просто попала в другие руки и у нее другая биография.

Никита Михалков завязал с профессией и, как какой-нибудь заядлый алкоголик сгоняет мнимых чертей со своей одежды, так и он травит вымышленных бесов с лацканов эфира в своей передаче «Бесогон». В основном хитрожопые серости и бездарности компенсируют отсутствие настоящих свершений умением приспособиться к ситуации. Но Михалков умный, талантливый

(приближается к эпитету гениальный), потрясающий актер, что касается органики и покоя, умелый и скрупулезный режиссер, по-настоящему занимающийся подготовительным периодом в кино. Это очень важно всегда, а сегодня особенно, когда в день снимают 56 серий.

Его мания быть приближенным к власти наследственная — от Сергея Владимировича. Клан Михалковых — Кончаловских — мощнейший симбиоз гениальности, мудрости и цинизма. Если эту смесь собрать в один сосуд и рассеять, как удобрения, над какой-нибудь Албанией — ее хватит для процветания всей страны. Я, как старый Никитин поклонник и старший по годам, категорически умоляю его вернуться в профессию.

Когда я узнал, что Голливуд остановил всю работу по боевикам и полицейским фильмам и снимает ремейк «Иронии судьбы, или с Легким паром!», я дико возгордился. То, что отечественный кинематограф не может пересечь границу Тульской области, утверждают довольно давно, по-моему, с братьев Люмьер, несмотря на успехи Эйзенштейна, Меньшова и Кончаловского — временное, одномоментное снисхождение.

Когда мы покупаем какие-то телепроекты в Америке, это понятно. Но, если они, при всем моем уважении к Эльдару Рязанову, берут незамысловатую, чисто советскую байку о сходстве фанерного интерьера во всех домах и о русской бане и пытаются переложить ее на лос-анджелесские особняки и турецкие хамамы, значит, Голливуд накрылся еще больше, чем мы. Это абсолютная импотенция творческой мысли: когда своего не могут придумать, хватает классика или полуклассика. Еще красят кистью черно-белые фильмы. Я не знаю, будет ли в американском фильме пьяное безобразие.

Мы напивались, потому что пили русский ерш: пиво с водкой. И это была стопроцентная органика. А если они из военных американских флаг будут пригублять виски и заходить в турецкую баню, получится вранье, и они не потянут красот тонкого,

интеллектуального сюжета. Поскольку Александра Белявского нет, Андрея Мягкова нет, Георгия Буркова нет, один я буду, завернувшись в простыню, умиляться голливудской версии московской бани.

Недавно ушедший Андрей Мягков был антитусовочным и ненавидел всякое вынужденное общение, от которого потом тошнит. Он был замечательным педагогом. Обычно вспоминают великих педагогов, а замечательные педагоги остаются в тени. В том числе и я.

Кстати, замечательным педагогом ВГИКа был Владимир Меньшов. Он всегда звал меня на свои дипломные спектакли. Особенно на водевили, поскольку считал меня основным спецом в этом жанре. Володя любил меня и иногда даже слушался.

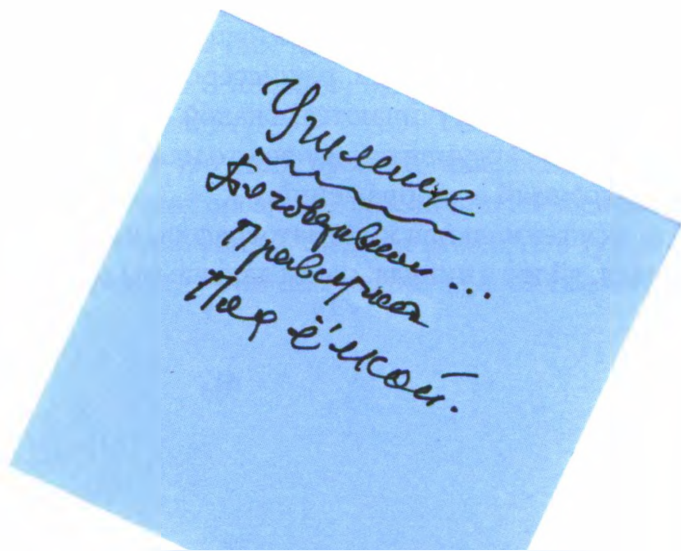
Он был многогранен. Есть люди пьющие, есть выпивающие. А Владимир Валентинович мог в Сочи на «Кинотавре» выпивши разнести побережье. В буквальном смысле этого слова. Он переворачивал на пляже лежаки и говорил участникам фестиваля, что о них думает. Тогда посылали за мной: «Ищите Ширвиндта, потому что, кажется, Меньшов приехал сюда немножко отдохнуть».

Меньшов был человеком персонально мыслящим. При всех идеологических заворотах его поступки всегда были мощнейшие и не пижонские, а смысловые. На одной из церемоний вручения чего-то он вышел на сцену и сказал, что не будет вручать приз создателям этого пошлого говна. Бросил на пол конверт с именем победителя и ушел. Это красота. Такие поступки со временем становятся более выпуклыми, чему примером биографии разных поэтов, режиссеров и актеров. Фильмы и роли постепенно улетучиваются, а какой-нибудь поступок иногда возникает как аргументация чего-то или подтверждение современных позиций и соображений.

Вся гениальная кинематография, как российская, так и мировая, уйдет в никуда, и чем дальше мы будем уходить в никуда,

тем дальше и она вместе с нами будет уходить в этом направлении. Но в то или иное полемическое время обязательно возникнет как пример, как удивление имя Владимира Валентиновича Меньшова, а не тех или иных, может быть, самых ярких гениев, завешанных орденами. Когда уходят такие фигуры, поле становится выжженным.

На панихиде по Меньшову Игорь Золотовицкий, который ее вел, сказал: «Это поколение безвозвратно уходит от нас. Поколение Табакова, Ефремова, Меньшова, Гафта, Мягкова, которое мы теряем. Мы мельче, а они мощные ребята были все». Когда слышишь такое от талантливого и умного режиссера, педагога и актера, который моложе нас на 30 лет, понимаешь, что и нынешние что-то соображают.



Умелые
говорящие...
правильно
не е'мкой.

Огневский Б

Уходящая раса,
спасибо тебе!

«До последнего часа
Обращенным к звезде —
Уходящая раса,
Спасибо тебе!»¹

Все редет, глупеет, пошлеет. Каждая эпоха и формация — все жиже и жиже. Кто-то говорит: «очень деградировала мясная промышленность», или «очень деградировала музыкальная культура», или «очень деградировало образование с первого по второй класс». Это ведомственная деградация. А когда замахи-ваешься на деградацию цветаевского масштаба — расы или эпохи — это другое. Чем старше представитель уходящей расы, тем противнее он мыслит — это я о себе.

Страшно ускорился уход друзей. Мы сардонически восклицаем: «Ну что делать, се ля ви!» Да — се, да — ля, да — ви, но от этого не легче. Как-то разговаривал по телефону с Юзом Алешковским, живущим в Америке. Он говорит: «Рад, что мы на про-

¹ Цветаева М. Отцам // Волшебный фонарь. СПб.: Азбука, 2021.

воде». Я согласился: «Хорошо, что на проводе, а не на проводах» (гадкая привычка боязни не сосстрить).

Дружба — лоскутное одеяло биографии. Эти лоскуты из друзей — разной формы, разной величины и разной фактуры. Они постепенно выдираются, и я чувствую, что сейчас просто лежу голый. Остались несколько лоскутков, которыми укутаться и согреться невозможно.

Перемерли люди, перед которыми стыдно. Перед некоторыми вдовами и вдовцами цельных личностей не так стыдно, ибо их цельность вторична.

Спектакли в память — горестно-грустные, потому что всегда хуже первоисточника. Мой друг гениальный режиссер Марк Захаров поставил в Ленкоме спектакль памяти Андрея Миронова «Безумный день, или Женитьба Фигаро». Очень крепкий, милый спектакль, но хуже.

В марте 2021 года Андрею Миронову исполнилось бы 80 лет, и в нашем театре состоялась премьера посвященного ему спектакля «Театральный стриптиз». Стриптиз — потому что это голая сценическая правда, но представленная немного гротескно и иронично.

Дело в том, что лет 45 назад Михаил Козаков принес мне американскую пьеску с коротким названием «Дорогая, я не слышу, что ты говоришь, когда в ванной течет вода». Действующими лицами в ней были режиссер, драматург, артист и секретарша. Я прочел и послал его вместе с этой пьесой. Но Козаков явился снова, уже с Андрюшей Мироновым, согласившимся играть молодого артиста, и я уже их двоих послал. А в пандемию, во время карантина, на даче наткнулся на брошюру с пьесой. И пришла в голову мысль, что можно сделать пародию на это незамысловатое произведение. Получился спектакль, главную

роль в котором мог бы сыграть Андрюша. В конце на сцене возникают канделябры со свечами, костюм Миронова из «Женитьбы Фигаро». А на экране, на кадрах документальной съемки, появляется он сам.

Андрей был очень похож на папу — Александра Менакера. А тот был чрезвычайно одаренным человеком, правда, немного задавленным мадам. Любая точка зрения Марии Владимировны тут же становилась незыблемой аксиомой. Она родила Андрюшу 7 марта, но ей хотелось, чтобы ее сын стал подарком к Международному женскому дню. Это получилось, и официально день рождения праздновался 8-го.

Друзья возникают или со школьной скамьи, или с институтской, или из узкого семейно-профессионального круга. Когда есть люди, на которых можно положиться, к которым можно обратиться и для которых имеет смысл жить, если все это честно, искренне и желаемо, получается дружба.

Мы с Мишей Державиным как-то затащили Андрюшу Миронова на рыбалку, на речку Пахру. Он набил багажник своей «Волги» (ГАЗ-21) жратвой и напитками. Приезжаем на берег, вылезаем, Андрей запирает машину, потом открывает багажник, бросает туда ключи, чтобы были свободны руки, достает удочки и, не успев вынуть основное, рефлекторно его захлопывает. Помню, как он, закрывая, начал понимать, что делает, но крышка уже шла вниз и ее невозможно было остановить — «А!» — и всё!

Мишка бежит к каким-то знакомым, которые жили неподалеку, берет проволоку. Поскольку замок багажника этой проволокой открыть было невозможно, ею открывали дверь машины. Долго, просунув проволоку, пытались приспустить стекла боковых дверей. Они чуть-чуть поддавались. Через возникшее отверстие мы пропускали проволоку с хомутиком на конце, стараясь зацепить им ручку двери.

Проникнув в машину, занялись задним сиденьем. Его спинка прикреплялась к дощечке, соединявшейся с багажником. Она была прикручена шурупами из багажника. Чтобы совсем все не раскурочивать, мы аккуратно вставляли в щель топор, расшатывая их. Часа через три, оторвав спинку, мы попали в багажник. При помощи фонарика отыскивали ключи и наконец смогли приступить к отдыху.

Так как Андрюша был рыбак, мягко говоря, относительный — он привычно занялся сервировкой пикника. Начинает сервировать: на земле — скатерка, все нарезано, стаканчики, запотевшая поллитровка из сундука-холодильника. Мы подходим, и вдруг скатерть поднимается, все рассыпается и разливается. Оказывается, под скатеркой лежала коряга. Он случайно наступил на нее, и коряга подняла скатерку. Мы стали вынимать шпроты из безе.

Андрюша вечно болел. Фурункулез — это ужасно, может возникнуть где угодно. С головой у него впервые что-то случилось лет за 15 до смерти, в Ташкенте. Местные врачи сказали, что у него в голове какое-то образование. А до того все медицинские светила уверяли, что его плохое самочувствие — от переутомления. На гастролях в Риге у него в голове фактически разорвалась бомба. Андрей был стоической личностью. Его трудоголизм всегда шел через «превозмогая боль».

Сейчас очень много возникает лжесвидетелей того последнего спектакля в Риге. Моя супруга Наталия Николаевна, в отличие от них, там была вместе со мной и нашим внуком Андрюшей.

Вот что она вспоминает: «Во время тех гастролей мы с Мироновыми жили в Юрмале. Так получилось, что туда съехались все его родные и близкие. Накануне дня, когда Андрей потерял сознание на сцене во время спектакля, мы после пляжа пошли в шашлычную.

В отдельном кабинете за огромным столом собралось человек 12: Андрюша с Ларисой Голубкиной, Гриша Горин с женой,

Игорь Кваша, мы... И вдруг Андрюша стал говорить о каждом сидящем за столом — а там были его ближайшие друзья — трогательные слова: как он относится к другу и какую роль в его жизни тот играет. Когда он дошел до Александра Анатольевича, у него даже слезы потекли. Потом нам было страшно вспоминать об этом: Андрей с нами прощался.

В день спектакля мы с внуком Андрюшей пошли в парикмахерскую в нашем здании, чтобы постричь его перед 1 сентября — он должен был идти в первый класс. Его очень смешно и модно постригли. Выходим мы из парикмахерской, бежит Андрей Миронов на свой, как потом оказалось, последний спектакль. Он остановился и, глядя на нашего Андрюшу с новой прической, воскликнул: “Боже мой, кто это? Я вас не могу даже узнать!”

Это было 14 августа, в день рождения нашего Миши. Обычно в день рождения не мы ему звоним, а он нам звонит и говорит: “Спасибо, что вы меня родили”. Вечером он позвонил из Новосибирска, где находился на гастролях, и я в ужасе сообщила ему, что Андрей Миронов умирает...

Прошел месяц, мы уже были на нашей даче, я сказала внуку, что надо постричься. И вдруг Андрюша произносит: “Ну ты же не хочешь, чтобы я стригся”. Я поняла, что он имеет в виду, но спросила почему — мне было интересно, как он ответит. “Ты же помнишь, как Андрей говорил, что не может меня узнать”, — сказал он».

Никуда не денешься — с годами ушедшие забываются. Андрюша Миронов — не забывается. Получил недавно письмо от зрительницы: «Здравствуйте, Александр Анатольевич! Смею еще раз потревожить Вас, чтобы сказать спасибо, что нашли время на долгожданный автограф и даже на милый комплимент! Думаю, Вашему автографу будет очень уютно в компании автографов М. Влади, П. Каас, Д. Хворостовского, М. Задорнова, В. Спивакова, Л. Гурченко, В. Терешковой и других (всего 143 их у меня!).

С одним не могу смириться — нет автографа А. Миронова. Очень глупо и смешно получилось. Не проявили мы с коллегой должной напористости. Когда после спектакля Андрей Александрович стал давать автографы, у него не оказалось ручки. Мы дали свою. Нам не удалось придвинуться в толпе поближе к нему. Он раздал автографы, вернул ручку и... ушел. Мы были в шоке! Очень огорчились. А позднее — это страшное известие из Риги. И всё!.. Без этого автографа (Ваш уже есть!) считаю свою коллекцию неполноценной... С уважением, Светлана».

У артиста есть внутренняя необходимость пересилить свое амплуа — так сказать физиологические задатки. Кроме того, существуют ярлыки: Никулин — великий клоун, Папанов и Миронов — великие комедийные актеры. Андрюша еще и шампанско-танцевальный. И только Алексей Герман и Александр Столпер решились взять этих комиков и клоунов на серьезные роли в фильмах «Мой друг Иван Лапшин», «Живые и мертвые» и «Двадцать дней без войны». Миронов, Папанов и Никулин выбились не только из привычных для зрителей ярлыков, но и из амплуа.

Очень осторожно нужно пользоваться русским языком. Например, «были» — «не были». Вчера на работе были, а сегодня не были. Или: «были» — «небыли». «Были» — это что-то такое безотказно точное, а «небыли» — фантазия и вранье. Русский язык — великий, но двусмысленный. Двусмысленность языка провоцирует на двусмысленность существования.

Были! Да, были люди в наше время. Мне хотелось бы увидеть, сегодня, эталон артиста, который обладал бы фанатизмом Миронова, обаянием Визбора и органикой Евстигнеева.

Сам я никогда не был выдающимся артистом. Надо или быть уникальным, отдельным и сверхпрофессиональным, или уйти в другую профессию. Я всю сознательную юность мечтал работать таксистом.

Мы пока еще не понимаем, кого почти каждодневно теряем. Похоронили очередного Михал Михальчя. Какая-то мистическая история со Жванецким. Огромность его мощи и сила оригинальности — во всем. Он сумел так подстроить, чтобы уйти во время карантина, поскольку не мог себе позволить на сцене лежать. Он мог только стоять и слышать смех, а не лежать и слышать плач.

Собираясь узким кругом, в моменты расслабления мы начинаем говорить более-менее искренне друг с другом. Раньше можно было искренне говорить только на кухне под льющуюся воду или в спальне под двумя одеялами.

Потом, при наступившей свободе, развязанных языках (языки иногда длинные, а мысли, наоборот, короткие) и при страшной каше в нынешних головах кухонно-подпольные беседы приобрели подозрительную окраску. Да и чего лить воду и о чем-то говорить на кухне, когда можно орать где хочешь.

Сейчас опять нас всех, слава Богу, загоняют на кухню или под одеяло в спальне. Кстати, как-то пытаюсь оторвать правнуков от смартфонов, я читал им «Сказку о царе Салтане»: «Во все время разговора / Он стоял позадь забора». То есть царь, затаившись за штакетником и, очевидно, сняв корону, чтобы не торчала над забором, подслушивал трескотню трех девиц, чтобы знать, что происходит в его царстве. Это было еще до появления прослушки.

Вспоминаю молодежно-искреннюю беседу, которую мы — Михал Михальч Жванецкий, Михал Михальч Державин и я — вели, когда были с концертниками в Новороссийске. Эту «халтуру» устраивал Жванецкий, потому что сам из портовиков и его популярность на море была еще больше, чем на суше (хотя это почти невозможно). Естественно, мы обслуживали матросские аудитории не бесплатно, а за деньги, чтобы было на что прожить дальше на берегу.

И вот в новороссийском порту на борту огромного ржавого сухогруза за определенную сумму мы выступали. Сначала мы с Михал Михальчем Державиным прикидывались импровизато-

рами и играли шутки. Потом Михал Михалыч Жванецкий доставал свой тогда еще не такой древний портфель и свои еще не такие пожелтевшие бумажки и читал. А по окончании концерта был банкет со спиртом и морской закуской. После него нам сказали: «У нас такая баня! Она внешне не очень презентабельная, но пар!»

Это была одиночная камера, из всех щелей которой шел жуткий жар. Мы были любителями парилки, да еще после банкета — сидели с вениками и говорили о святом. Никого не было, кроме армии тараканов. Мы обсуждали, что крысы умные, но тараканы еще умнее.

Крыс в бане не бывает, они париться не могут, а тараканы бегали вокруг нас и еще, как будто им было мало пара, орали: «Поддайте!» Они были миролюбивыми и благодарили нас за то, что мы паримся и они тоже кайфуют. Мы спорили, кто первый бежит с корабля — крысы, капитаны или тараканы, — и полемизировали о тараканах в голове.

Я сел между двумя Михал Михалычами и загадал желание, чтобы нам через 50 лет встретиться и попариться. И мы ржали: как это может быть — 50 лет? Прошло 50 лет. Обоих нет.

Михал Михалыч Жванецкий — воплощение мудрости и афористичности. На него обязательно все ссылаются: «Как сказал Жванецкий».

Валечка Гафт постоянно рыдал: все графоманы сочиняют бред и подписывают его — «Гафт». Когда Гафту говорили: «Мы читали вашу эпиграмму на Эдит Пиаф», он кричал: «Я не писал про Эдит Пиаф!»

То же и со Жванецким: какую бы гадость ни придумали — «как я слышал от Жванецкого», все — и удачное, и гадкое — собиралось в огромный чан под названием «Жванецкий». Я часто жаловался Мишке на то, что ненароком и мои, правда, удачные, афоризмы приписывали ему.

Очень трудно выбраться из скорлупы имиджа, который складывается десятилетиями. Привыкаешь ты, и привыкают к тебе

Уходящая раса, спасибо тебе!

в определенном качестве. Как только человек пытается сбежать от себя, начинаются катастрофы.

Приходил Жванецкий в любую компанию — на рождение, вечеринку — и по привычке тащил за собой портфель. Не допив, не доев, начинал читать. В силу своего имиджа он должен был всегда говорить афоризмами. И в паузах ему нельзя было просто сказать: «Передайте мне, пожалуйста, пивка». Надо было сказать что-то вроде: «Передайте мне, пожалуйста, этот напиток, который в простонародье называется пивом, а на самом деле это будущая моча». И тогда — ха-ха-ха — истерика, и ему дают пиво.

Он все время должен был держать удар. А иногда хочется оставаться самим собой, говорить глупости, острить неудачно. Это тоже очень важно. Потому что потом начинаешь мучиться и хотеть острить удачно. А когда все, что бы ты ни сказал, сопровождается криками «браво», разжижается самооценка. Меня это тоже касается.

Вообще друзьями надо заниматься, а не только пить с ними. Главное, чтоб друзья это заметили и были рады. Вот что однажды Михал Михалыч рассказал в тележурнале: «Как-то раз во время дружеских посиделок Шура спросил меня: “Слушай, а какое у тебя звание-то?” Я, ничуть не смущаясь, ответил: “Заслуженный деятель искусств России”, — и мы перешли к другой теме. А через некоторое время раздается звонок. “Поздравляю, — говорит мне Шура, — теперь ты народный артист!” Оказывается, втайне от меня он собрал документы, характеристики и представил мою кандидатуру на присвоение звания! Комиссия проголосовала за меня единогласно. Это звание очень важно для меня! Сегодня, когда рецензий и критических статей почти нет, все измеряется только популярностью, но популярным можно назвать любого телеведущего. Другое дело — звание народного артиста. Это признание твоих заслуг обществом и коллегами».

Отрывок 7

Объяснительные записки

Я скорее остроумец, чем острослов. Как-то снимались для YouTube-канала моего сына Миши «Съедобное — Несъедобное». Лёня Ярмольник говорит: «Кончилось то время, когда шутили хорошо». Я сказал: «На мне и кончилось». Когда становится не смешно? Не смешно, когда над этим уже смеялся раньше и думал, что не повторится. Еще раз — улыбнешься и удивишься. Третий — загрузишь. И так до слез негодования. От смешного до трагического — один шаг. Понял недавно. Вообще опыт — начинающаяся атрофия чувства потрясения: ой, это я видел, это знаю.

Вся жизнь — это объяснительная записка. Моя жизнь — виноват и должен. Опоздал на работу — «напишите объяснительную». В аварию попал — «напишите объяснительную». Когда уже все очевидно и надо или сажать, или прощать, говорят: «На всякий случай напишите объяснительную записку». Каждый этап жизни нужно объяснять. Возникает вопрос: кому мы объясняем?

Объяснительная записка может быть написана от руки, а может быть выражена словесно. Когда на кухне под две бутылки

водки и жбан пива идет интеллектуальный спор и каждый что-то доказывает — это объяснительная записка в словесной форме.

Редко натыкаешься на людей, которые молчат. Таким был Булат Окуджава. Он молчал. То есть он не молчал вообще, но — никаких объяснительных записок и никакой полемики. Он был соткан из поступков. Когда говорят: «Лучше промолчи» — я это очень хорошо понимаю. Можно было бы составить словарь бессмысленных слов.

Я не умею играть на гитаре и не знаю иностранных языков, а хотелось бы. Гитара хороша как отдушина и оттяжка. А языки, потому что невозможно быть глухонемым сегодня, выехав за пределы родины.

Моя мама хорошо знала французский и немного английский. Отец — еле-еле немецкий. Я не могу ничего сказать, кроме «хау мач?» в магазине поношенных вещей и «хау ду ю ду». Так же еще кое-что знаю на латыни и иногда употребляю, чтобы не подумали, что я абсолютный дебил.

Очевидно, я все-таки талантливый. А талантливость, в моем понимании, определяется тем, что человек схватывает на лету (жуткое выражение). Я понюхал — получилось или почти получилось — и дальше. Учить язык — каторга. Есть люди, которые знают 26 языков, а есть такие, которым полстраницы немецкого текста надо учить всю жизнь.

Или аккорды. Кто-то берет гитару — и играет. Можно играть, как Петя Тодоровский или Сережа Никитин, а можно, как Булатик Окуджава. Он сутки искал аккорды для своих мелодий. Когда Булат или Петя брали в руки гитару, я им завидовал. Есть белая зависть и черная — два полюса человеческой активности. Они доводят до инфаркта или самоубийства. У меня две зависти смешаны. Такой коктейль из завистей. Средняя серая зависть. Она дает возможность жить.

Мелодия ушла, не говоря уже о музыке, осталось только вбивание гвоздей в затылок. Но можно рассматривать и шире. Ушла мелодия существования. Мы общались. Общение было необходимым. Человеколюбие может возникнуть только тогда, когда человеки любят друг друга. А чтобы любить друг друга, надо общаться — дружить, пить. И все это делать не через айфоны.

Люди совершенно забыли о глазах. А ведь они — очень важный орган этого животного. Глаза в глаза мы уже не смотрим. Раньше по телефону хотя бы разговаривали, а сейчас новая мода — тексты писать.

К сожалению, я уже не устраиваю, как прежде, сборищ на своем большом балконе. Раньше, когда устраивал, те несколько машин, которые проезжали по набережной, притормаживали, видя, что наверху гуляют.

Сегодня под окнами стоит длинная пробка смердящей техники в сторону Кремля, а от Кремля со страшной скоростью несутся иномарки.

Напротив моего балкона, где был сход к реке и я удил плотву, — огромная воняющая бензоколонка. Все, чем мы занимались, когда были молодыми (пили, курили и так далее), — уже неактуально. Да и почти не с кем теперь это делать. А спорить о Мейерхольде я могу и сам с собой.

Появилась новая рубрика «Жизнь после спорта». Великие спортсмены стыдливо рассказывают о том, какое счастье — перестать бегать, прыгать, умирать от нагрузок и вместо этого осесть в детской спортивной школе в Сызрани. Милое вранье.

Так можно нашинковать еще рубрик: «Жизнь после театра», «Жизнь после балета», «Жизнь после секса»...[!] Но, хороня ближайших друзей, я с каждым разом убеждаюсь в необходимости рубрики «Жизнь после жизни».

Объяснительные записки

Жизнь после чего-то очень разная. Жизнь после чего-то первого, чего-то последнего. Это можно сконфуженно или честолюбиво себе нарисовать — как выкрутился и жил после чего-то эпохального для себя.

А когда жизнь после жизни? Когда от тебя уже ничего не зависит?

Эпитет «незабвенный» — атрибут речи на панихиде. В реальности элемент забвения, естественный и малоизученный, но он существует и волнует, особенно старье типа меня. Что такое жизнь после жизни? Что оставил потомкам?

Герострат своего добился. Он значительно чаще вспоминается, чем какой-то гений в любой сфере, ушедший очень давно и постепенно выжитый из памяти и сознания следующими. Вот тебе и загадка жизни после жизни.

Хорошая, чисто российская придумка — памятная доска на стене дома. Этакая заплатка на забвении. Но с текстом нужно быть очень осторожным. Нельзя писать «здесь жил», если слева от доски недавно въехал ночной клуб, справа какой-нибудь фитнес-бар. Надо писать — «в этом доме».

Лет пять назад, когда у моего ребенка был ресторан на Малой Бронной, я собрал компашку: Захаров, Жванецкий, Норштейн, Рост и Ким. Мы говорили, как нас мало осталось. Я сказал: беру на себя, что мы каждый год будем собираться. Все согласились, но ничего не получилось. Один уехал, другой заболел, третий умер.



Оперевек 8

Юлик

и Юрик

Раз я вспомнил Юлика, то должен расшифровать свои чувства. Юлий Ким вообще удивительный, бесшабашно-цельный, штучный экземпляр. Он никогда не мучается от необходимости борьбы. Ему не с кем бороться потому, что у него есть свой, сугубо личный и целостный мир, в который он никого плотно не впускает и поэтому не разменивается на внешнюю реакцию типа гнева, непримиримости и т.д. Все мы, старики, дико боремся за то, чтобы выглядеть года на полтора свежее себя. Юлику всегда было и есть где-то в районе 40 лет, и он вечен.

Конечно, элемент сравнительной тщеславности в нем, как во всяком творце, существует. Например, звонит он мне из аэропорта, где многочасово пробивается через таможенно-паспортный контроль, чтоб улететь в Тель-Авив, и от безвыходности, за свои деньги, что уже подвиг, покупает мою книжку «Опережая некролог», где я вспоминаю о шутовском конкурсе на лучшую рифму к моей фамилии. Юлик в этом конкурсе тогда не участвовал, а победил Фазиль Искандер, написав: «Яснее жизни ширь видна нам после водки Ширвиндта». Звонивший Юлик сказал

Ю л и к и Ю р и к

мне, что придумал рифмы почище искандеровской. «Посылаю тебе эсэмэску». И я получил:

**Скорей Нетребка зафальшивит,
Скорей Есенин оплешивит,
Скорей начальник запаршивит,
Все время стоя на посту,
Чем Альсандр Антольич Ширвиндт
Свою утратит красоту.**

Летом дети и внуки засыпали на даче гравием дорожку — якобы вместо скользкой травы. Теперь там скользкий гравий, по которому вообще нельзя пройти. Вдруг раздался мотоциклетный пердеж, потом мат и крики: «На х...ра вы это тут насыпали?!» Юра Рост приехал ко мне на мотоцикле. Он всю жизнь ездил бог знает на чем, но, чтобы в 82 года пилить по Новорижскому шоссе, которое вечно ремонтируется, хотя только что построено, вилять в пробках между машинами, плохо слыша, плохо видя в шлеме, ладно хоть немного соображая. И вот он по бездорожью, разгильдяйству и пробкам допилит до моей дачи, а прямо около дома застрял, потому что мотоцикл к гравию не приспособлен. Так что кто-то еще держится.

Правда, Юрка со спортивным образованием — окончил в Киеве институт физкультуры. Его туда приняли, потому что он плохо учился в школе, но был крепкий, молодой и шикарный. Он только прикидывается интеллектуалом, писателем, фотографом, на самом деле он физкультурник. Я институт физкультуры не оканчивал, но тоже учился плохо. Это обнадеживает — может, еще немножко протянем.

Отрывок 9

Мы только

знакомы...

Порой у талантливых и даже умных людей возникает комплекс специфической неполноценности — им обязательно нужно дружить с гениями.

Я помню (это звучит замечательно: «я помню»), как в моей юности ухаживали за девушками в Москве: парни вдвоем шли за девушками от памятника Пушкину до Красной площади.

Девчонки тоже обязательно шли парой, и обязательно одна была с ногами, глазами, задницей и грудью, а другая немножко кривоногая, немножко маленькая, немножко в очках. Кажется, ни разу не попались две равноценные особи.

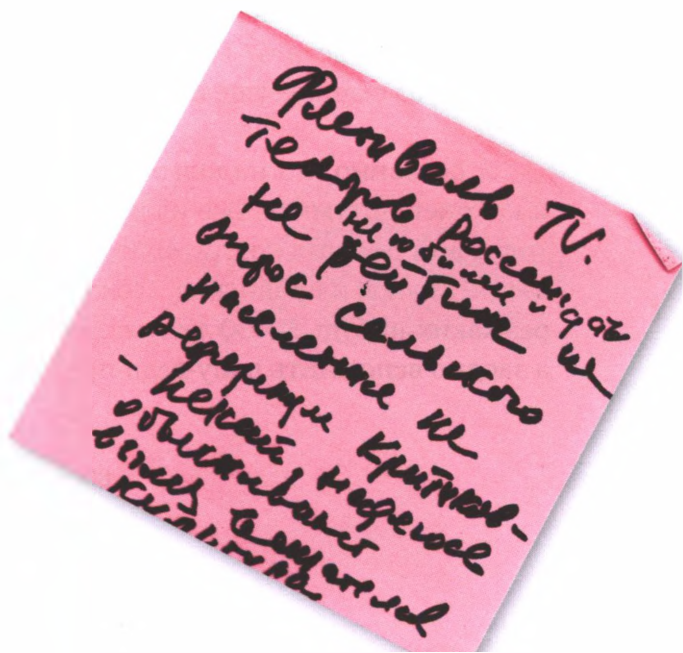
Приходилось, идя сзади, договариваться, кто какую берет. Если доставалась с незначительными ногами, вечер был выброшен. Доходили до Кремля, под курантами спрашивали у девочек: «Который час?» Они отвечали: «Не знаем!» На этом роман заканчивался.

Дружившие с гениями напоминают такую неравноценную пару. В дальнейшем они писали или при случае рассказывали:

«Помню, приехал ко мне Володька. Ну да, Высоцкий, и говорит...» Причем они в основном не врали. Были, конечно, которые врали, прикидывались лучшими друзьями и собутыльниками. А были и те, которые действительно дружили и страшно этим гордились, вынося факт дружбы в первую строку биографии: «Друг Высоцкого». А дальше о себе — заслуженный, сыграл, написал...

Видимо, это рефлекторная необходимость человека обязательно сослаться на то, что в жизни оказался рядом с кем-то действительно состоявшимся. Дружил с Довлатовым, пил с Высоцким, выступал с Мироновым, шутил со Жванецким...

Ловлю себя на тяге к таким прикосновениям. Но, когда мы были вместе, они еще не были такими знаковыми фигурами. Лыщу себя надеждой, эфемерной, конечно, что следующие поколения мемуаристов неожиданно напишут: «Один раз видел трезвого Ширвиндта».



Ремонт ТВ.
Тедрава Россия
тел. 700-00-00
Адрес: Сельского
населения Ш
Варшавы
— некий человек
обыкновенный
весьма талантливый
Климов

Отрывок 10

Про иллюстрации

На старости лет думаешь, что бы сделать, когда уже не можешь этого сделать, тогда: «И пальцы просятся к перу, перо к бумаге».

Мои замечательные издатели, уже который раз, зажмурившись, рискуют связываться со мной и аккуратно при этом намекают, что без иллюстраций моя литература не рентабельна.

Фонд домашнего архива с письмами, пожеланиями и хвастливыми фотографиями типа «Я и Ельцин», «Я и Кобзон», «Я и Рязанов», «Я и Миронов» и т.д. исчерпан в моих предыдущих шедеврах. Что делать? Тогда доброжелательная редакция посоветовала: раз великое ушедшее иссякло — обратитесь к будущему.

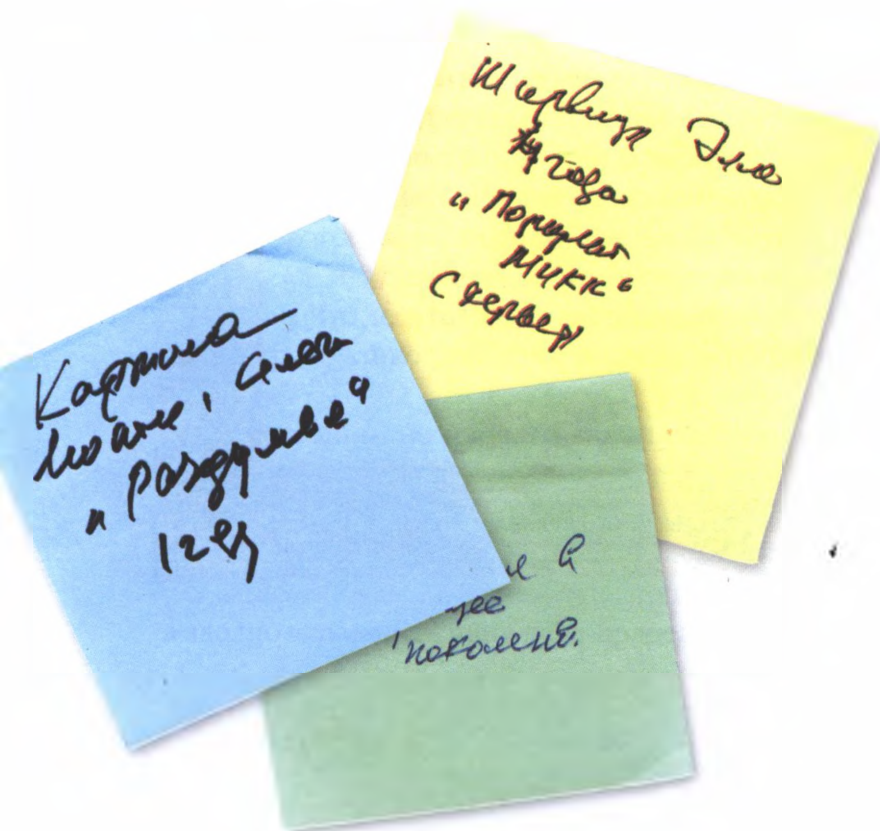
Я бессонно, но надолго задумался, что они имели в виду, и наконец дотумкал. Все иллюстрации к книжке состоят из фотографий переписки, литературных и живописных набросков детей, внуков и правнуков. Может быть, им будет интересно через каких-нибудь 20–30 лет умильнуться на себя в младенчестве, а заодно вспомнить папу-деда-прадеда.



Живопись

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Открывает наш вернисаж полотно правнуков Матвея и Семена, полуторагодовалых художников-близнецов, написанное к моему 87-летию. Шедевр называется «Раздумье». Он написан красками, которые, помимо прекрасной цветовой гаммы, еще и съедобны и даже полезны. Я пробовал (не рисовать, а есть). Приятно. Вот цивилизация. Бедные Врубели и Гогены, которые в безумии творческого экстаза, грызя кисти с гуашью и пастелью, не могли себе даже такого представить.





«РАЗДУМЬЕ»

Коротковы-Ширвиндты. Близнецы.
Каждому по полтора года. Правнуки.
Съедобные краски



«МАЛИНОВЫЙ КВАДРАТ»
Работа Рины Ширвиндт, 2 года



«ЛЮБИМЫЕ ШУРИНЫ АЮТИНЫ ГЛАЗКИ В ВАЗЕ»
Элла Ширвиндт, ранние работы. 4 года. Карандаш



«ТЕРЬЕР МИКИ СРЕДИ ЛЮБИМЫХ ШУРИНЫХ АЮТИНЫХ ГЛАЗОК».
Элла Ширвиндт, ранние работы. 4 года. Восковые мелки



«ТЕРЬЕР МИКИ
В РАЗНЫХ НАСТРОЕНИЯХ»
Элла Ширвиндт, ранние работы.
4 года. Карандаш



«СЕЛЬСКИЙ ХРАМ»
Андрей Ширвиндт. 3 года. Фломастер

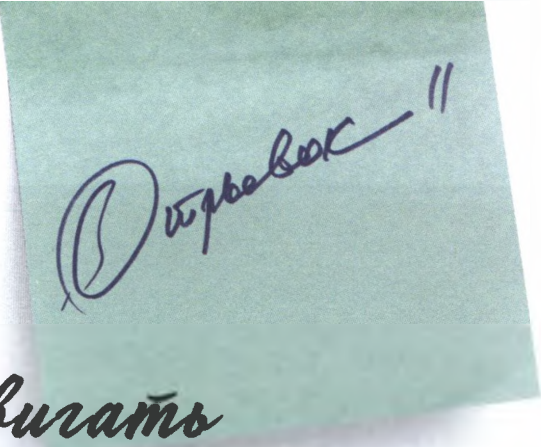


«ШУРИН ДИСЕРТ»
Саша Ширвиндт. 4 года. Карандаш





«ВИД ИЗ КАКОГО-ТО ОКНА»
Ася, Правнучка, 2 курс ВГИКа. Акварель



Деревко "

Воздвигать

и сносить

Прекрасно, когда какой-то человек жил не 37 лет, а 95. Поучительно и завидно. Но это и страшно. Не потому, что немощ неприятна, а потому, что внутри длинной жизни все возникает по новой: фашизм, коммунизм и либерализм проживаются циклами. Они возвращаются, как возвращается мода на прически или каблуки.

Надо жить в одну эпоху. У меня начинается уже третья. Воздвигать, сносить и снова воздвигать «Железного Феликса» к 87 годам уже нет сил. Хоть и сыграл его в приступе безденежья мой незабвенный друг Миша Козаков, все равно не хочу.

Из поколения в поколение взволнованная и негодующая толпа сносит памятники, разрушает и топчет. А у нас никогда ничего не разрушают, а бережно снимают, заворачивают в тряпку и на катафалке вывозят за город. Я был в таком хранилище, где до лучших времен плечом к плечу стоят и лежат памятники Ленину и Сталину. У одного лежащего памятника Ленину рука

с кепкой торчала. Пытались руку закопать, но получалось, что он носом роет землю. Так и торчала она с кепкой.

Слово «обыватель» очень емкое. Когда на обывателя обрушивается свобода, равенство и братство, сразу возникает толпа и крик. И вместо «свобода, равенство и братство» получается «злота, выгода и блядст...о».

Россия — страна испуганного беспредела.

87 лет мало кому есть. Нынешнее поколение, если что-то и знает, то не ощущает. Когда я слышу, что Сталин — эффективный менеджер, то понимаю: так же небрежно я могу говорить о Великой французской революции. Да, конечно, гильотина, но... «Марсельеза» все-таки.

Страх убивает эмоцию, силу желаний. Если страшно, все неинтересно. В страхе никогда ничего не совершишь, кроме глупостей. Оправдательные отмазки трусливого поведения: «что рыпаться, все равно ничего не изменишь», «все-таки не 37-й год», «не трогай дерьмо, не будет пахнуть» и «что я один могу?».

Ничего нет тупее отстаивания точек зрения. Напугать можно — переубедить нельзя. Чем светлее и утопичнее идея, тем больше примеров ее провала. Поэтому здравые люди опасаются максимализма.

Когда диссидентское движение существовало как мировоззрение, оно было замечательным явлением. А когда возникает «долой», начинается глупость.

Максимализм предполагает всегда некоторую одноизвилиенность в голове. Говорят: «У него в голове одна извилина». А если она огромна и занимает всю башку? А если извилина прямая, это уже месторождение.

Думающие люди или даже философы вынуждены реагировать, с одной стороны, на мировое потепление и приближающийся апокалипсис, а с другой — на положение в СИЗО Криводрищенска. Когда это происходит круглосуточно — размывается степень опасности.

Разбирал на даче старые книги и журналы и достал связку «Крокодила» с 1956 по 1960 год. Пузатый Дядя Сэм, американцы, карикатуры с атомной бомбой... Прошло 60 лет, эти журналы можно очистить от пыли и переиздавать.

«Санкции» — новомодный термин всемирной бездарности. Добавить одно «с» и получатся «ссанкции»: обоссать соседа вялой струей безысходности.

Во все времена эмоции, мысли и трибуны в России были идентичны. К примеру, был такой поэт Николай Щербина, который в середине XIX века написал:

**У нас чужая голова,
А убежденья сердца хрупки...
Мы — европейские слова
И азиатские поступки.**

Наша страна всегда преклонялась перед чем-то сильным, страшным и заманчивым, независимо от того, суровая эта заманчивость или благодатная. Главное, чтобы было мощно. Потому что страна очень большая. Мелкий вождь не тянул. А крупный вождь сразу обретал вселенские масштабы.

Ведутся бесконечные разговоры: кто мы — европейцы, азиаты, татары, эскимосы, чукчи? Никто не может сообразить, что это вопрос чисто почвенный. Эскимос в доспехах, созданных самостоятельно, сидел в своей яранге, питался строгани-

Велсберг ^{Триггер}
 Веб право ^{Триггер}
не усмешка
 Веб ^{также} а 37 ^{из}
 не ^{интерес} завес -
 - ке бы ^{нахлыло}
Two ^и ага ^{ноду?}
не ^{триггер} -
^{триггер} закончился
 - исчезновение
сир ^{авария} и ^{позже}
к
авария и смерть

Что сильнее
бесна вопрос.
 - маниакально -
 - монокло и на
так вместо
в
спросили о сорт и на
Ирис
Келчел?

Александр Ширвиндт

ной, ею же кормил собак и оленей. А через каких-нибудь десять тысяч километров с аналогичным лицом сидел человек в золотом бассейне.

Патриотизм привязан к месту действия. Эскимос — патриот «Эскимосии», а «каракумец» — «Каракумии». Соединить их в один патриотизм трудно. Нужен человек вне времени и пространства, целеустремленный и безразличный. В нем должна быть одна маниакальная идея властвования. Тогда он воплотит эту трудную задачу, и она продержится до нового фаната с новой безумной идеей.

Кто и как придумывает опросы и рейтинги? Темы — от сливочного бачка до лидера всех времен и народов. С бачком проще — какой быстрее смысл, тот и лидер.

Кто предлагает кандидатов? Почему так часто колеблется состав претендентов? Как выбирать между Пушкиным и Сталиным?

Что касается опрашиваемых, мне кажется, лучше дождаться переписи населения, и каждый, кто хочет переписаться в население, должен назвать свою фигуру. Если не знаешь или не ту выбрал, не вписываешься в население.

Во всех рейтингах — явная дискриминация баб. Почему балотирующиеся — в основном мужики? Хотя, правда, есть Терешкова — которую первой из дам забросили в космос, где, очевидно, инопланетяне посоветовали ей предложить в Думе обнулить президентские сроки.

Что сильнее бесит вождей — монотонная ненависть противников или унисон восторженных холуев? ,



Графика

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА



«АВТОГРАФ»

Михаил Ширвиндт мл. Полтора года.

Фломастер



ЭЛЛА ШИРВИНДТ

НАРИСАВАЛА МИКИ

ТАТЬЕ

«ПОРТРЕТ МИКИ»
Рисунок Эллы Ширвиндт



«МАМУЛЫ»

Беременный еврейский тюлень.

Художественная фантазия
искусствоведа Саши Ширвиндт

Осторожно 12

Опасный вирус

Вранье достигло масштабов вируса. Пора создавать референдумы о необходимости лжи во имя великих побед. Бесконечно-привычное вранье — сегодня удел всех уровней. Даже в магазине «Рыболов» знакомая продавщица врет, что черви свежие, а они уже неделю лежат в холодильнике, как в реанимации.

Я вру круглосуточно. С разной степенью накала — ночью, записывая что-то на бумажках для этой книжки, думаю, что не вру. Вру! «Нет правды на земле, но правды нет — и выше». Выше — это где? У Боженьки или выше этажом?

Новые жанры: театр без зрителя, онлайн-селекторные совещания без результатов — бутафория деятельности. Очень осторожно нужно употреблять онлайн. Сидят любые начальники, беседуют и делают вид, что дико заинтересованы данной темой.

Часто вижу по телевизору, как самому большому начальнику докладывают, докладывают... Интересно, о чем думает большой начальник, когда выслушивает эту якобы правду? И о чем думает тот, который все время подготовленно врет этому начальнику?

Ужасно, если это профессия — постоянно слушать вранье. Большой начальник, наверное, думает: «Не пора ли снять этого идиота?» или: «Когда я поеду на охоту?» А тот думает: «Удалось ли удачно поврать? В баню бы сейчас».

Во время эпидемии большой начальник говорит, и мы видим на экранах пару десятков министров, внимательно слушающих и записывающих. И становится страшно: почему они, будучи министрами, не знали этого до выступления главного персонажа и вынуждены записывать, чтобы не забыть?

На Параде Победы, где было холодно и ветрено, президент накинул на плечи сидевшего рядом с ним на трибуне 96-летнего ветерана войны плед, а через несколько недель телефонные мошенники убедили этого ветерана снять последние 400 тысяч рублей и передать им. Президент заботливо накинул плед, а эти суки кинули его на полмиллиона!

Конторы, которые занимаются снятием чужих денег со счетов, псевдоипотеками и прочим, достигли такого профессионального уровня, что даже неглупые люди на это ловятся, хотя понимают — кругом аферисты. Наталия Николаевна считает, что надо беспощадно бороться с мошенниками, искать концы, заявлять в полицию... Рассказывает случай, как ее интеллигентную подругу уговорили отдать последние гробовые деньги.

На гребне этой волны негодования я в районе трех часов ночи слышу, как Наталия Николаевна тихо, чтобы я не слышал, говорит по телефону: «Нет, это немецкое лекарство, мне сын привозит его из Германии». Сначала я решил, что мне это снится. Но нет, действительно разговаривает. Спрашиваю, что случилось. Она: «Спи, спи, это не твое дело». Я пытаюсь все-таки понять, что стряслось. Она: «Спи, я тебе говорю».

Наконец добился, что звонят из аптеки. Аптека круглосуточная, занимается дефицитными лекарствами. Видимо, ночью они могут это делать тихо. Наталия Николаевна диктует им на-

О п а с н ы й в и р у с

звание лекарства. Они говорят, что записали, но нужно к 7 утра перевести такую-то сумму на такой-то счет. То есть даже неприимимые борцы с аферистами клюют на это.

Ильф и Петров остроумно препарировали катаклизмы советской власти. Но гениальность их даже не в этом. При помощи обаятельного и умелого афериста они умудрились создать некую энциклопедию предкоммунизма и даже ухитрились в ту эпоху ее опубликовать.

Как надо было замаскироваться, чтобы не увидели в этом произведении катастрофический прогноз гибельности государственной идеи, не унюхали, что основа бендерщины — не бандитизм, не хитросплетения и не алчность, а ироничная ненависть к возникшему строю. Нынешние Бэндеры, может быть, лучше оснащены средствами бандитизма, авантюризма и обмана, но философско-смысловая подоплека их действий опущена до уровня безудержного накопительства.

Отрывок 13

Семейные единоборства

Корпоративное келейное единство — поколенческое. Понятия «помочь» и «предать» не исключают друг друга. Все зависит от степени опасности.

Огорчает сегодняшнее безразличие друг к другу.

Когда человек думает только о том, где бы еще чего-нибудь уворовать, не остается времени для службы и дружбы. У начальства или привычно испуганное, или уже болезненно-маниакальное казнокрадство. Дело не в алчности — невозможно остановиться, пока не спииз...шь всё.

Апофеоз бессмысленного мещанства. Деньги надо тратить только на то, что необходимо.

Когда приоткрылся железный занавес, первыми за него проникли композиторы. Никита Богословский сказал тогда об одном композиторе: «Совсем очумел, стал привозить предметы

второй и третьей необходимости». Сейчас огромное количество людей имеют предметы уже 176-й необходимости, что раздражает окружающих.

Человек, как бы он ни был извращен и богат, даже с самым преступно-бессмысленным инстинктом набирательства, покупательства и стяжательства, должен себя лимитировать. Незачем иметь много того, чего хватает одного. Для сравнительности и состязательности можно иметь два, если у соседа один, три, если у соседа два, но, когда это гонка до бесконечности, тогда обоим соседям нужно госпитализировать, чтобы они, с одной стороны, не тормозили благотворительность и отдачу чего-то лишнего нищим за забором, а с другой — одумались и занялись чем-нибудь еще.

Невозможно смотреть, когда, узнав, какой длины яхта соседа, строят свою на четыре сантиметра длиннее, чтобы потом все говорили: «Ну что вы! Разве это яхта! Вот у Цифриновича на четыре сантиметра длиннее!» И Цифринович становится лидером.

Тогда сосед Цифриновича по вилле, бизнесу и воровству втайне от него строит на другой верфи яхту, которая имеет лишнюю палубу и каюту, висящую над океаном.

Я был на такой яхте. Длиннющий пенал, и слева висит блямба: каюта, где хозяин что-то делает, если может, и смотрит в бинокль на море, не появится ли яхта Цифриновича, чтобы пришвартоваться к ней и доказать, что его лучше.

Существует дисбаланс между желаниями хозяев и их гостей: первые хотят построить яхту длиннее соседа, вторые — украсть с яхты положенные мыло, зажигалки, пепельницы и, если повезет, халат.

Гениальная придумка — среднестатистическая зарплата. Среднестатистическое существование и усредненность нельзя путать с серостью.

Предположим, нянечка в больнице Урюпинска получает 14 027 рублей в месяц, а мудрый комсомолец начала перестройки, в то время как интеллигентики с пеной у рта полемизировали о демократии, облегченно вздохнув, перекрестился и поехал втыкать свои именные метки в нефтяные и газовые скважины, дошел до 1 985 973 рублей в месяц. В среднем они получают по миллиону рублей.

Само понятие «средний» очень опасно как критерий. Усредненность совести, чести, зависти, таланта и т.д.

Статистики обожают манипулировать средним возрастом населения. Игорю Моисееву и Владимиру Зельдину за сто, Наде Рушевой — 14. И все настоящие гении заканчивались почему-то в 37 лет.

Среднее почему-то всегда видится серым. Хотя середняк во все времена был в большей безопасности. Бедняк бастовал и умирал с голоду, кулака раскулачивали и сажали, а середняк жил дальше.

Ужас в том, что богатые не могут обслужить свое благополучие. Поэтому яхты, которые были недостаточно длинными и которые они не смогли продать, или топят, или оставляют ржаветь в доках. То же самое с виллами.

Что касается бассейнов, вспоминаю одну трагическую историю, довольно давнюю. Мы были в Америке, когда туда прибыла очередная волна эмигрантов. Те, кто приехал до них, уезжали из Советского Союза с одним чемоданом и проглоченным тещей бриллиантом. Им нужно было очень быстро доехать до перевалочного пункта в Вене, чтобы высрать этот бриллиант не в самолете, а уже по прибытии и, отмыв, пожить на вырученные от его продажи деньги некоторое время.

Эмигранты следующей волны поехали туда в полном порядке и, взглянув, как живут аборигены, стали делать так же — строить виллы и бассейны.

Х., у которого я был, увидел за забором бассейн соседа и решил: «Ну, сейчас я ему влею». И вырыл огромную лужу — всё в мраморе и хрустале. Он уже стал звать знакомых, чтобы хвалиться и купаться, и тут пришла какая-то комиссия. Бассейн измерили и сказали: «Завтра же или его засыпать, или привести к нормам».

Оказывается, в цивилизованном мире, даже если есть деньги, нельзя делать бассейн величиной с Байкал. Можно делать, к примеру, 12×17 , а $12 \times 17,5$ уже нельзя. И эти мрамор, хрусталь и полированные помосты пришлось выкорчевывать.

Народ раздражается, но пока терпит.

Ужас судьбы.
Повторение
кричащего
— ~~идея~~ ~~идея~~
Оссав
Долготер
Бо или суд
Сава суд.

Обрывок 14

Вид на жительство

Едешь по Подмоскovie и видишь, что все вырублено и стоят скелеты коттеджей. Кажется: это конец. Но, когда летишь в Благоещенск и при хорошей погоде смотришь вниз на сплошную тайгу, где лишь каждые два часа лёта что-то торчит и светится, понимаешь: еще рушить и рушить. Или, когда в России пожары и говорят, что сгорело семь миллионов гектаров леса, пугаешься: ну все, ничего не осталось — лысина. Оказывается, эти семь миллионов в нашей тайге — все равно что две грядки на даче.

Раньше мы мотались на машинах по стране — на рыбалку или на гастроли, и было всегдашнее ощущение, что наша страна необъятная. Поэтому, когда едут, едут, останавливаются, разжигают костер, открывают шпроты, поют под гитару, а потом, с трудом сядя во внедорожник, прут дальше, оставляя шпротные банки и непогашенные костры. Российский человек, видя наши просторы, понимает, что дозасрать родину невозможно. Кроме того, все надеются: сейчас снежком припорошит — и никакого кошмара.

В городах — попытки цивилизации. Во дворах стоят контейнеры для разных видов говна: съедобного, несъедобного, железного и — самого страшного — полиэтиленового.

Вид на жительство

А был один большой грязный деревянный сундук, полный всего на свете. Подъезжал «ассенизатор», два замученных полупьяных дяденьки в вонючих ватниках привычно бросали в кузов 16 лопат смеси остатков ливерной колбасы и старых газет, а также ржавую батарею и уезжали. Помойка не уменьшалась никогда.

От этого мы пришли к тому, что можно выходить с четырьмя кулечками, на которых написано: «металл», «объедки», «полиэтиленовые пакеты», — и разбрасывать их по разным контейнерам. Думал, это утопия, но однажды сам видел, как какая-то тетка именно так и делала. Это умиляет, но, мне кажется, если человек опаздывает на работу, он бросит у бака совмещенный пакет недожратого и побежит дальше. Разблюдовка — скорее пенсионное занятие.

Любой беспорядок подразумевает какую-то грязь. Всякая грязь предполагает запах. А ничего противнее запахов в жизни нет. И чем приятнее воняет, тем больше подозрений, что помазанное — внутри грязное.

Тело, стол, сковородка и помыслы должны быть чистыми. Чистота обнадеживает.

Где родился, там и пригодился. А если родился в животноводческой «цивилизации», зачем там пригуждаться? Или еще можно получить вид на жительство в стране, в которой не хочется жить.

У людей моего возраста — большой шлейф воспоминаний о жизни в разное время, есть с чем сравнивать. И после всех этих сравнений у нашего поколения рождается крик в сторону нового поколения: «Ребята, опомнитесь! Оглянитесь, почитайте, посмотрите!» Никто не оглядывается, только говорят: «Старый марзматики, всего бздит». А чего мне бояться? Бояться надо за нынешнее поколение и за следующее.

Добрый вечер 15

Трофеи побед и поражений

Старые комсомольцы ностальгируют сегодня по БАМу, «Хор Турецкого» со сцены Кремлевского дворца вместо «Хавы нагилы» орет многоголосьем: «И Ленин такой молодой».

30 лет, прошедшие с конца советской власти, как оказалось, — очень мало. Организм не успевает привыкнуть. Рецепт один — ни к чему не привыкать. Вопрос привыкаемости к новой действительности — физиологический. Если ты не абсолютный прохиндей, ты не можешь, как флюгер, крутиться вокруг собственной оси.

Попытались слово «товарищ» заменить словами «господин», «месье», «сеньор». Сначала все ухватились за «господ», но это быстро кончилось. Если сидят ребята с пивком и просят у прохожего закурить, они не говорят: «Сеньор, у вас сигаретки не найдется?» Они говорят: «Товарищ, можно тебя на минуточку».

Еще из советского языка слово «начальник». Начальник на работе, на зоне, в Кремле. Везде начальники. Чего начинать?

Если отказаться от советского, надо искать антисоветское. В слове «антисоветчик» слышится какая-то статья. До сих пор по привычке говорят «антисоветчик». Это вопрос образования слов во рту без подключения смысла.

Цитаты вырывают из контекста и кроют из них идеологию. Например, советская фразочка «Семья — ячейка общества» — искаженная цитата Энгельса. Семья — никакая не ячейка общества, а спасение от общества, бункер.

Энгельс, очевидно, увидев очередной поход Маркса налево, из воспитательных соображений, чтобы тот не шлялся по бабам, а писал «Капитал», придумал ячейку. Этот внутренний дисциплинарный порыв двух великих утопистов почему-то перенесен на все вообще.

Как ни крути, «семья — ячейка общества» не получается. К сожалению, я не могу поговорить об этом с Фридрихом, но, если увижусь с ним где-нибудь, обязательно улучу момент, когда Маркс пойдет налево, и обсужу.

Мы цепляемся за известные изречения и пословицы. «Не место красит человека, а человек место». Что это за малярные работы на служебном посту? Я понимаю, собаки или кошки метят место. Это у них рефлекс, как придумал не то Павлов, не то Дарвин. Рефлексовать кистью — это завуалированное животное начало: красит место, то есть метит место.

Или: «Свято место пусто не бывает». Во-первых, еще как бывает. Во-вторых, важно понять, кто определяет святость места. Тот, кто сидел на этом месте до его освобождения по разным причинам — свержение, смерть? Чем святее место, тем дольше за него борьба, и поэтому оно пустует. Рыночная экономика диктует аренду святых мест.

Еще была советско-коммунистическая страсть к сокращениям. Чтобы иногда что-то расшифровать, нужно было влезать в справочники. Эта тенденция осталась. Например, Роспотребнадзор. Что это такое?

Раньше меня всегда умиляло наименование товаров, которые сделаны неизвестно для кого, под названием: ширпотреб — товары широкого потребления. То есть дерьмо. Потому что товары узкого потребления, очевидно, предполагали качество и какую-то элитарность. А широкого — «извините, но берите». Если исходить из необходимости сокращать все на свете, то ширпотреб — это Ширвиндт потребления. Всю жизнь меня употребляют на всех уровнях. Но хотелось бы надеяться, что я ширпотреб качественный.

Однажды по телевизору показывали, как какой-то энтузиаст создал музей-квартиру советского быта. Я увидел родной интерьер и подумал, что, наверное, с удовольствием нанялся бы посидеть там в виде экспоната в мамином кресле около дефицитной стенки с такими же дефицитными книгами и проигрывателем «Аккорд».

Я помню времена, когда стирали презервативы. Советский человек, тем более коммунист, слово «презерватив» не произносил. Это было «резиновое изделие». Стирали не те, что были сделаны из покрышек КамАЗа на Баковском заводе резиновых изделий, а настоящие, приобретенные за границей и тайно привезенные оттуда. Их освеживали не в стиральной машине, которой не было, а просто споласкивали и сушили, обсыпав детским тальком. Естественно, имеются в виду свои, а не упавшие на балкон с верхних этажей.

Отрывок 16

Такая машина

нужна самому...

И нешного про моду.

Когда-то в Южном порту, рядом с автомагазином, находился загон, где я с огромным трудом приобрел черную экспортную «Волгу» с пробегом 4 миллиарда километров. Там в основном стояли машины, выброшенные по истечении срока из obsługi посольств. У этой «Волги» отпадало все, но я довольно долго на ней ездил. Потом мне сказали: «Она не поддается ремонту».

С одним моим другом мы поехали в Южный порт. Поскольку машина была как пробитая картечью, эту ржавчину продавать в солнечный день было нельзя. Ждали непогоды — мокрого снега с дождем. С грязью в палец толщиной она была похожа на невытую экспортную красавицу.

Кое-как доехали до рынка. Вокруг много аналогичной техники. Между машинами ходят в тубетейках и мокрых стеганых халатах жители Средней Азии. Они были богатыми, но безграмотными. Тогда только появились конторы, которые вырезали дырку в панели приборов и вставляли в нее магнитофончик или приемничек. К нам подошли двое в халатах и спросили:

«А матифон есть?» «Матифона» не было, но мы все же машину им всучили. Когда сторговались, поехали ко мне домой расплачиваться.

Во дворе, стоя по колено в жиже, они сняли обувь, вошли в подъезд в носках и поднялись в них по лестнице. В квартире они расстегнули халаты: их животы, как пулеметными лентами, были перевязаны пачками денег. Добираясь из Каракумов до Москвы, они боялись, что их ограбят, поэтому деньги были шиты в тело. Там были рубли, копейки, тугрики — мы считали их полдня. Так как мои покупатели приехали в Москву впервые, мы с другом эскортировали их до конца города. И они уехали по Варшавскому шоссе в пустыню.

Мы цинично махали им рукой, понимая, что они едут на верную гибель. К нашему большому удивлению, месяца через два мы получили от них письмо с благодарностью. На нетвердом русском языке они писали, что через Каракумы прекрасно доползли до своего аула и сейчас машина отлично работает — возит арбузы, дыни и баранов.

У Сергея Михалкова есть стихотворение «Как старик корову продавал». Старик честно отвечал на вопросы покупателей, что корова больная, молока не дает, и все от него шарахались. Он простоял весь день, пока какой-то паренек не пожалел его и не начал расхваливать корову покупателям. Он так ее хвалил, что старик решил: «Корову свою не продам никому, такая скотина нужна самому!» Так вот, такая машина нужна самому.

Мода, как известно, меняется, но вековые атрибуты сохраняются. Сейчас все ходят в белых кроссовках. Их напяливают ко всему. Шикарный черный смокинг, крахмальный классический воротничок, бабочка и белые кроссовки на огромных подошвах. Я думаю, это правильный путь. Например, можно к фраку надеть белые тапочки без подошвы, потому что в гроб кладут в обуви без нее.

Такая машина нужна самому...

Не забуду, как мой друг Ленечка Гандельман, в 1990-е продавал в магазинах под кличкой «Ле Монти» заграничные вещи и стояли толпы народа. Вещи были вполне нормальными и по тем временам — шикарные. Я запросил себе лакированные концертные туфли. Он сказал: «Не, не, для концертной деятельности они не очень». Оказывается, у них была тоненькая картоночка вместо подошвы: лакированные туфли для зажиточных покойников. Эта деталь не афишировалась, туфли брали, а когда через пару дней приносили с матом и претензиями, Ленечка спокойно отвечал: «Что делать — такие у вас тротуары».

брал на шкату-
-ку при входе
бершицавал
а если три?
брюки? или много
кери?

Островск 14

Жить надо
вовремя

Сегодняшний мировой репертуар — кровавая оперетта. Подняться до уровня осмысления происходящего никто не хочет.

Холодное, не опускающееся ниже челюсти произношение каких-то фраз типа: «вчера сгорело», «вчера упало», «вчера затопило»... И дальше опять дикое дерганье полуголых девиц в очередном шоу «Узнайте друг друга, несмотря ни на что».

И иронично-благостно-мудрый Соловьев во френче — анти-реклама личности.

Немудрено, что гражданство в Мордовии просят такие киноинтеллектуалы, как Депардье и Сигал, а не кто-нибудь другой.

Кто-то хорошо сказал, чуть ли не я, и даже в рифму:

Настырно мешают быть патриотом,
Лучше не стало, но было хуже,
Чтобы не выглядеть идиотом,
Затяни ремень и язык потуже.

Жить надо вовремя. Вернее, в свое время. Страшно читать «исследования» того, чему не был свидетелем. Когда нынешний историк, лицо которого не вмещается в фотографию, утверждает по частично вскрытым документам, что Берия пытал только выборочно, расстреливал по кадровой необходимости, а насиловал только по любви и с добровольного согласия жертвы. Как мне на это реагировать, когда я учился в одном классе с сыном расстрелянного и много лет дружил с актрисой «добровольно изнасилованной»?

Ушел Толя Лысенко. Во все времена, когда он был тем или иным начальником телевидения, его жизнь была попыткой, говоря нашим шершавым театральным языком, в предлагаемых обстоятельствах полного табу или открывания маленьких щелей возможностей сделать что-то острое, необычное, как «Взгляд», например. Это особенно заметно сейчас, когда телевидение делают конвейерным способом: поток бицепсов, сериалов и какие-то ворованные находки.

Из средней школы не то по математике, не то по геометрии, не то по тригонометрии я запомнил только одно — угол нравственного падения равен углу общественного отражения.

Назад к приматам — походя трахнул висящую на ветке с призывно оголенным задом даму и поспешил дальше по своим делам. А дама даже не успела, да и не очень-то хотела, разглядеть, кто ее осчастливил.

Кстати, о сексе. Как же без этого. Так вот, бессмысленно листая дачную литературу, наткнулся на научное издание, где не то орнитолог, не то еще какой-то немислимый для меня естествоиспытатель с гордостью заявил, что по итогам многолетнего изучения выяснилось, что во всем животном мире от соития удовольствие получают только люди, шимпанзе и, не помню, то ли дельфины, то ли страусы.

Я обалдел и был надолго потрясен этой информацией, пока не подумал: ну ладно, предположим, у шимпанзе при откровенном разговоре можно выведать подробности интимных ощущений, но как они уломали страуса?!

К чему это я? А, вспомнил. К тому, что любой советский человек, и я в том числе, будучи где-то в середине прошлого века уже вполне половозрелой особью, навсегда усвоил, что в СССР секса нет, что это буржуазные затеи и унижают моральный облик советского человека, который делает детей только по производственной необходимости строительства коммунизма, даже не предполагая, что это может быть приятно.

Как это красиво полагается — шли годы. Сегодня, когда скинуты все одежды с морали и интима и голая правда стала не фигурой речи, а подписью под изображением чьих-то гениталий или рекламой подпольного бардака, невольно возникает ассоциация сегодняшних сексуальных аномалий с другими аспектами существования.

С ужасом, завистью и состраданием смотрю на многих моих любимых коллег и учеников, круглосуточно мелькающих во всех сериалах, конкурсах, тусовках и рекламах. Откуда берутся силы, время и потенция? Какое-то «бешенство матки» присутствия везде. И нет боязни окончательно примелькаться, чтоб не сказать осто...чертеть.

Если я когда-нибудь дойду до предела нищеты, у меня заготовлен сюжет рекламы, в которой я согласился бы сняться, предположим за 2 000 000 долларов. Сюжет прост. Иду я с палочкой, и какая-то мама вынимает из коляски мокрого ребенка. Я подхожу и говорю: «Ну что вы мучаетесь? У меня всегда с собой запасные сухие». Достаяю из кармана чистые памперсы и объясняю на своем примере, как они хорошо впитывают. Мама меня об-

Жить надо вовремя

нимает, я, как Симонов из знаменитой картины «Петр I», целую младенца в подсохшую попку и иду дальше по бульвару к очередной коляске.

В этой связи мне вспоминается старый анекдот, как ранним утром на двор выходит хозяин с лукошком, полным зерна. Во дворе сонмище кур и петух-производитель «обслуживает» очередную красавицу-несушку. Хозяин начинает разбрасывать зерна, петух соскакивает с подруги и бежит клевать. Хозяин говорит: «Не дай бог мне так проголодаться!»

Обезумевшие в игровой и конкурсной соревновательности телевизионные пошляки занимают почти все эфирное время. Ужас в том, что чем талантливее, тем пошлее. И вообще к привычному и вечному словообразованию «закоренелый холостяк» надо ввести новое понятие: «закоренелый пошляк».

Если все население страны состоит из их потенциальных зрителей, надо либо вешаться, либо эмигрировать в пампасы. Но боюсь, что в нынешних пампасах телевидение аналогичное.

Отрывок 18

Петр I и Ко

Кстати, раз я вспомнил о «Петре I», хочу сделать лирическое отступление. Замечательные авторские тандемы — атрибут исключительно советской литературы. Ильф и Петров, Масс и Эрдман, Масс и Червинский, Дыховичный и Слободской, ранние Горин и Арканов, Фрид и Дунский — перечислять и перечислять.

Если честно, я в период своей эстрадной безграмотности был уверен, что Мамин-Сибиряк и Салтыков-Щедрин — это четыре писателя. Даже фантазировал, как где-то в своем тверском имении вальяжный сибарит Мамин сидит у самовара, а из-за уральского хребта кряжистый мужик Сибиряк присылает ему таежные новости или знатный царедворец Салтыков разрешает какому-то замученному Фиме Щедрину писать для него острые памфлеты. Когда я случайно узнал, что это не четверо писателей, а двое, было потрясение, но переучиваться не стал, потому что привык.

Я горжусь своим скромным соавторством с Аркановым, Гориным, Гердтом, Лосевым. В период разгула безденежья артисты кино искали любые лазейки, чтобы в перерывах между съемок

что-нибудь где-нибудь заработать, и тут появился прекрасный тандем Гердт — Ширвиндт, который принес в бюро пропаганды советского киноискусства идею грандиозного стадионного шоу: «КИНО + ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ».

Бюро, в лице редактора Иветочки Капраловой (женщины неслыханной красоты), вокруг которой всегда жужжал рой кинобелей и к которой однажды подошел уже тогда седовласый, нет, седовласый не получается, ибо он всегда был лысый, — лысовласый Владимир Михайлович Зельдин и, хотя был на 20 лет старше Иветты, спокойно растолкал претендентов и увел Иветту в ЗАГС. Они прожили огромную жизнь, и Иветточка ушла буквально через месяц после Володи.

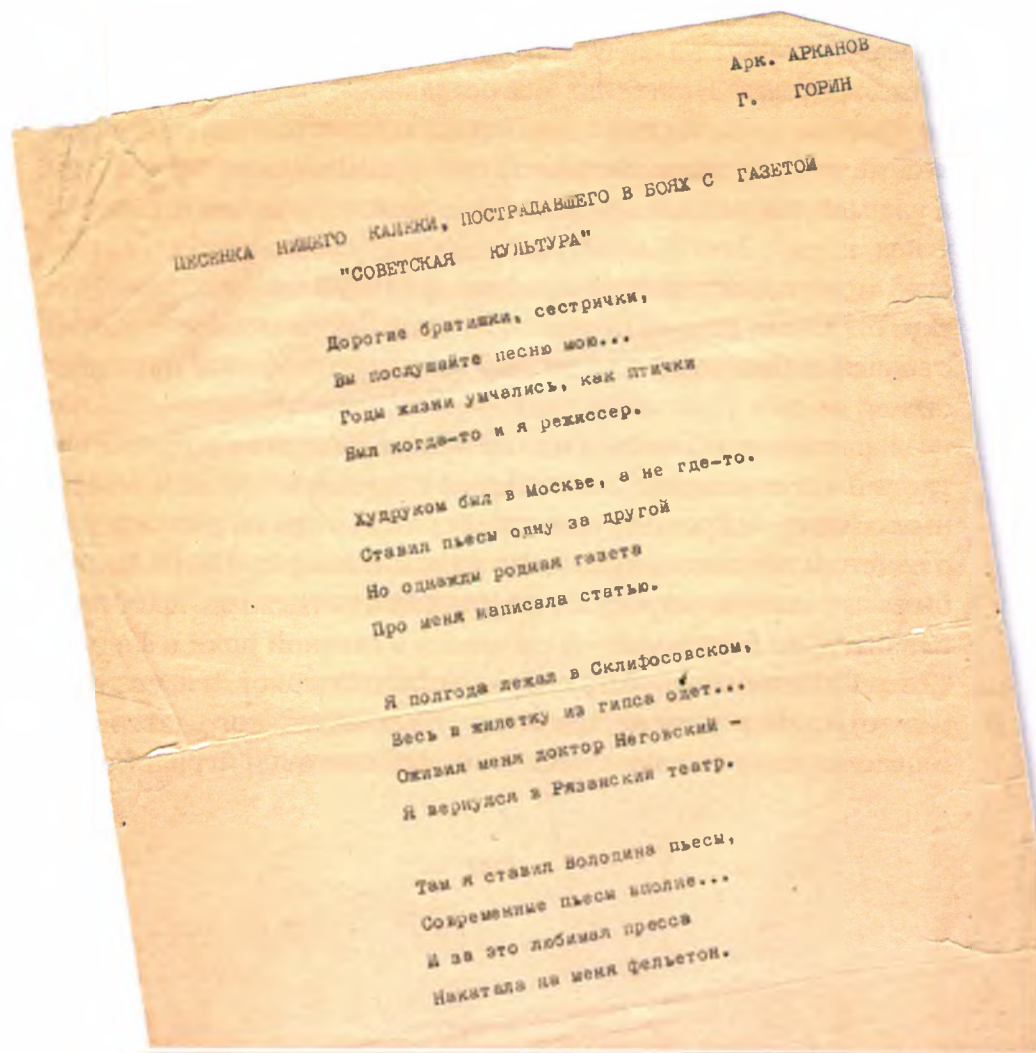
Так вот, «КИНО + ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ» — это зрелище типа модной тогда латерна магии, когда на огромном экране идет нарезка знаменитого кинолица из разных фильмов и в конце из этой нарезки с экрана на сцену выходит живой киногерой и обращается к зрителю. Это и было «всё остальное».

Так как артисты кино вне экрана и сценария двух слов связать не умели и были абсолютно глухонемыми, все слова, шутки и ужимки для них писали мы с Зямочкой. Шоу имело огромный успех, и мы с Зямой, обнаглев, даже требовали, чтобы в авторстве стоял происходящий от наших фамилий псевдоним — 2ДТ. Нам отказали, потому что два ДТ смахивает на модное средство от вшей и блох ДДТ или на дорожно-транспортное происшествие.

В рамках этого же шоу я тоже иногда выходил в качестве артиста и читал монолог, написанный с другим моим замечательным соавтором Гришей Гориним. Если помните, на рассуждение о соавторстве натолкнуло меня напоминание о «Петре I». Это была пародия на встречу киноартиста со зрителями. Текст приблизительно был такой: «Я снимался в главной роли в фильме “Петр I”. Нет, самого Петра играл артист Симонов, а я, если помните, играл в эпизоде, где Петр I брал маленького детеныша и целовал его в то самое место. Вот это место я и играл. На эту

роль пробовались многие: передовики производства, стахановцы, герои труда. Всем было лестно быть поцелованным царем, но Николай Симонов категорически заявил, что, кроме новорожденного младенца, он никого в жопу целовать не будет и утвердили меня». Дальше в монологе герой жаловался, что с годами место встречи с губами Петра I хужеет, уже перестали узнавать на улице и т.д. С этим монологом я прошел почти по всем стадионам и дворцам спорта родины.

О соавторстве с Аркадием Михайловичем Аркановым я не вспоминался во всех предыдущих книгах. Но тут неожиданно отрыв наш с ним песенку, которую исполнял на каких-то годовых посиделках 60-х годов в Доме актера. Прошло больше полувека, а тематика по-прежнему актуальна.



Целыми год я лежал в горбольнице.
Двести сорок на сто шестьдесят.
Помогли мне врачи и сестрицы -
Я вернулся в Вологодский театр.

Ты поставил я сказочку Шварца -
Для детишек веселый спектакль,
Но гвзсточка, дай бог ей счастья,
Заявила, что я формалист.

И очнулся я в сельской больнице.
Камфора - неплохой препарат.
После третьего, стало быть, инфаркта,
Стал вести самостоятельный кружок.

Я поставил в кружке Михалкова.
Жж казалось бы что с него взять.
Но газета, как сына родного,
Помянула меня в передовой.

Я скажу вам, друзья-режиссеры,
Те, чья смелость не знает границ.
Не пугайтесь товарищеской критики -
Есть у нас еще много больниц.

Удачная придумка озарила нас с Львом Федоровичем Лосевым, знаменитым директором Театра им. Моссовета, моим ближайшим другом и соавтором.

Бесконечная необходимость юбилейных поздравлений всегда бросает в творческий тупик и провоцирует ненависть к юбиляру. Мы с Лосевым придумали болванку на все случаи жизни. Сочиняли творческую заявку на фильм о юбиляре. К примеру, наступило 50-летие милейшего Бориса Гавриловича Голубовского, главного режиссера Театра транспорта. Для непосвященных напомним, что до того, как Театр Гоголя стал Театром Гоголя, а впоследствии нашумевшим ГОГОЛЬ-ЦЕНТРОМ, он был Театром транспорта. Это было логично, в отличие от других, бессмысленно поименованных театров, потому что этот театр стоит на подъездных путях Курского вокзала.

Вот болванка типового поздравления:

Праздничная Москва. Ликующее Садовое кольцо. Повсюду портреты Голубовского. Курский вокзал, досрочно разрушенный к этой дате. Сюда нескончаемым потоком прибывают поезда дружбы. На вагонах надписи. На одном: «Боря да!», на другом: «Мао нет!»

Снова Садовое кольцо.

Магазин «Людмила» — сегодня здесь многолюдно, и немудрено: выбросили любимые размеры юбиляра.

А вот и сама улица Казакова, переименованная с сегодняшнего дня в «Тупик Голубовского». К самому театру подходит ветка железной дороги — на ней всегда большое движение — театры Москвы подают сюда вторые составы, здесь годами простаивают контейнеры с пьесами, присланными на квалификационную рецензию Голубовского.

У подъезда театра студенты. Кто-то спрашивает стайку молодых девушек: «Ну как ваш Голубовский?» Девушки, потупясь, отвечают: «Большой педагог!» — и хором краснеют.

Всюду цветы, улыбки, почему-то радостные лица. Юбиляра пришли поздравить дома интеллигенции. Ресторан Дома актера,

Петр I и Ко

ресторан Дома журналистов, ресторан Дома кино. Каждый со своим адресом (адрес ресторана Дома журналистов: Суворовский бульвар, дом 3; адрес ресторана Дома кино: Васильевская, дом 7).

Ресторан Дома актера благодарит своего завсегдатая Голубовского и сообщает ему, что все, что он недокушивает в ресторане, является кормовой базой Дома отдыха ВТО «Руза». Цветы. Объятия.

Но вот и сам юбиляр. Доброе, открытое, наконец-то выбритое лицо. Простой, доступный, еще свежий. О нем поют песни, о нем плывут пароходы, на него гудят поезда, о нем звонит колокол.

Аналогичный сценарий под названием «СТАВКА БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЖИЗНЬ!» был создан к 50-летию Михаила Александровича Ульянова.

Опять для непосвященных, в советское время артисты получали за съемки не сколько запросят или сколько могут заплатить продюсеры, а фиксированную Министерством культуры ставку. Высшая киноставка присваивалась артисту, играющему вождей. Она составляла 55 рублей за съемочный день. Так вот, Ульянов помимо того, что был однофамильцем вождя, еще и играл его за 55 рублей в день в свои 50 лет.

Ольга Век 14

Умирать

скудно

Боязнь исчезновения! Бывшие красавицы и красавцы стареют, остается только хватание за начало биографии. Например, Олег Стриженов, которому больше 90 лет, нигде не появляется. А есть люди, которые считают, что, наоборот, нужно сидеть со сморщенным лицом, обращенным к камере, и умиляться кадрам 60-летней давности. Причем эти люди везде одни и те же, и пора создавать уже, как когда-то были, клубы по интересам.

Уходят известные личности, оставляя нерешенными вопросы с женами, детьми, имуществом. Никто не собирается умирать, каждый думает: потом решу. Завещания не пишут, потому что все завещания еще до смерти разными путями становятся известны тем, кто на что-то надеется, кому что-то полагается.

Уже сегодня они знают, сколько у тебя рублей, соток, кораблей и велосипедов. Если не хватает трех велосипедов, спрашивают, где они. И приходится на старости лет врать, что один ве-

Умирать скучно

лосипед украли, другой утонул. Это очень утомительно. Поэтому думают: завтра, завтра с этим разберусь. И не успевают.

Страшно помирать, когда не знаешь, что готовится здесь. Потомкам интересны стали только глупость, злость, измены... А что касается таланта и личности, это остается как преамбула. «Наш гений, оказывается... Имейте в виду...» И дальше идет трехчасовое бездарное, якобы сострадательное обсуждение. Если попытаться это остановить, моментально в ответ заорут: «Цензура, не дают возможности вскрыть правду до конца».

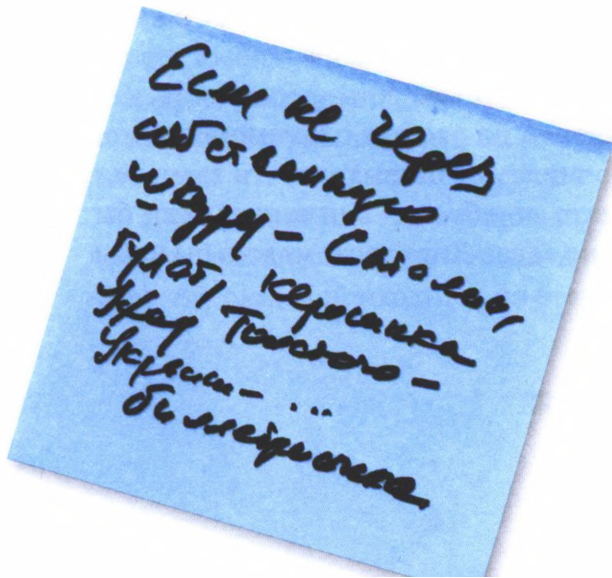
Когда все дозволено, когда антицензура аморальна, тянешься обратно к цензуре. Потом ловишь себя на мысли, что это старческое брюзжание. Переосмысливаешь и приходишь к выводу: нет, я прав.

Когда одна и та же 72-летняя дама со слезами на глазах вспоминает, сколько раз, где и зачем ее насильовали, понимаешь, что не всегда ее насильовали, раз так много раз. 70% этих дам я знаю, поэтому уверен, что это совершенно безошибочная и очень выгодная телепрофессия. Такое нынче новое амплуа, которого раньше не было.

А что в этом плане происходит в других профессиях и сферах деятельности? Может, поинтересоваться у хлеборобов, кто с кем лежал в стогах? Или узнать, как шахтеры, отбив кусок породы и выбив уютное гнездо в штольне, кого-то затаскивают в вагонетку? Когда рассказывают о каких-то прошлых вековых значимых актерах, композиторах, художниках, есть уверенность, что это будут смотреть или читать. А на рассказ о целинниках, которые в передвижных фургончиках от безвыходности зимними ночами заводили детей, никто не обратит внимания. Если бы в этом фургончике суррогатно зачал Киркоров, можно было бы сделать шесть телепередач.

TV — бесконечные прокладки: прокладка в рекламе или прокладка газопровода «Северный поток-2». А в перерывах между прокладками — новости: там ответы на вопросы и помощь начальников якобы случайным людям.

И еще ощущение, что педофилы в стране ходят стадами и нужно уводить детей из песочниц и прятать, потому что в каждой подворотне сидят два-три мерзавца с конфетами или смартфонами и заывают детей в машину. Когда все это смотришь, думаешь: лучше на рыбалку.



Если не через
собственную
шкуру — Смолов!
Григорьев — Керемчак
Уфа — Тосун —
Урал — ...
Белгород

Отрывок 20

Спорт

вприглядку

Наших спортсменов пустили на Олимпиаду в Японию, но без флага и гимна. Обсуждали, что играть вместо гимна — от «Катюши» до «Боже, царя храни» и песни «Валенки, валенки, не подшиты, стареньки». Почему в итоге выбрали Первый концерт Чайковского, а не Второй концерт Рахманинова? Почему надо было, чтобы при поднятии этого носового платка вместо флага звучал именно Первый концерт? Если уж мстить за эту санкцию, надо было играть «Мурку» и со словами. Допустим, прыгнула наша девочка на 2,04. Она стоит хорошенькая, с ногами длиной в свой прыжок в высоту, и зазвучала бы «Мурка»: «Ты зашухарила всю нашу малину и перо за это получай!»

Когда настоящие команды играют в футбол на каком-нибудь международном чемпионате, на трибунах ликуют болельщики, раздетые до пояса сверху при нулевой температуре и с мордами, раскрашенными в цвета национальных флагов. Причем, по-моему, малюют такой крепкой краской, которая держится до следующего чемпионата.

Стоят команды, звучат гимны.

Идет панорама по лицам футболистов. Видишь, с каким вдохновением и порывом они поют гимн. Половина наших игроков вяло открывает рот. Как артист и педагог я вижу, что часть из них поет «Союз нерушимый республик свободных». А те, которые и этого не знают, вообще молчат.

В период безумия с Олимпиадой и подсчетов, сколько килограммов золота вывезли из Японии, на второй план ушел российский футбол. А тогда меняли главного тренера сборной.

Возник вопрос: или за 24 миллиона долларов в час нанимать какого-то временно безработного алжирца, или найти своего. Остановились на своем — тренере «Ростова», резком, темпераментном Валерии Карпине, которого я очень люблю.

Возникла замечательная ситуация. «Ростов» играл на своем стадионе с «Динамо» в первом матче сезона Российской премьер-лиги. Продали билеты, но накануне матча санитарные начальники сказали «нет». Матерясь и дыша друг на друга перегаром пива и пандемии, болельщики стояли около стадиона.

В это время на пустых трибунах ряду в девятом сидел с синим от злости лицом Валерий Карпин, поскольку был дисквалифицирован на одну игру за то, что на предыдущем матче бросил в судью бутылку из-под воды с определенным текстом. Он доказывал, что просто отшвырнул ее. «Ростов» проиграл 0:2.

Во время этого матча стало известно, что Валерия Карпина назначают главным тренером сборной России по футболу. В этой ситуации хорошо проглядывается непредсказуемость действий высоких спортивных чиновников. Не хотелось бы проводить никаких параллелей с другими назначениями в нашей стране.

Да, раньше футбол был иной: скорости поменьше, расписка не такая филигранная. Сейчас что-то цирковое. Особенно длинные передачи через все поле — это вообще за гранью

моего понимания. Но индивидуально футболисты были намного ярче. Сегодня термин «проход» канул, а тогда ходили от ворот до ворот.

Ретростадиончик «Торпедо» я буду помнить всегда. И анекдотическую по сегодняшним временам «правительственную ложу», похожую на скворечник, — с красным бархатным закутком для согрева. Как-то смотрел там футбол с Толей Бышовцем. Мороз страшный, зашли в ложу хлопнуть по рюмке. Вдруг он говорит: «Давай выйдем, сейчас гол забьют». Только высунулись — точно, гол. Это же какое звериное чутье надо иметь?!

Хрустящая подпитка любого зрелища сегодня — попкорн. Без огромного кулька изжоги нигде не сидят. Было время, когда в театр не пускали с попкорном. Сейчас на входе проверяют наличие взрывчатки, миноискателем ведут от пяток через яйца к уху, берут мазок на вирус. А тогда отнимали кульки, потому что иначе хруст стоял такой, что нельзя было играть. Ждали, когда нажрут, а потом начинали разборки с Офелией.

На стадионах отнимали алкоголь. Когда появились огромные бумажные бокалы с напитком типа фанты, прикрытые фольгой и с воткнутым клистиром, опытные болельщики покупали при входе на стадион эту жидкость, выливали ее за деревом, вливали литр пива, вставляли клистир и входили. Даже если охранники что-то подозревали, они не могли сососать из стакана и сказать: «Проходите». Тогда надо было бы вывешивать объявление: «Не заменяйте фанту пивом. Жидкость у вас отсутствует на проверку». Поэтому люди все-таки напивались.

Я старался всегда болеть вживую. Говорил ребятам: «Забудьте слово “работа”, играйте!» К сожалению, сегодня многие игроки только работают. Если бы наш футбол был на уровне его аналитиков, мы давно стали бы чемпионами мира. Когда уни-

кальный футболист Аршавин, замученный разводами, прячется от алиментов в комментаторской кабине или седой, но неистовый Ловчев с пеной у рта разносит тактику матчей, вспоминая великий советский спорт, побеждавший на паханых футбольных полях, это логично. Но сонмище кабинетных экспертов зашкаливает.

В 1986 году в Лондоне проходил матч-реванш на первенство мира между Анатолием Карповым и Гарри Каспаровым. Были две команды поддержки! Меня от ЦК комсомола отправили в группе Каспарова. А так как с Толей Карповым мы тоже отлично дружили, то я внешне болел за Каспарова, а внутренне переживал за Толю. Беспринципности нас учить не надо.

Меня поселили в одной из комнаток арендованного для Каспарова особняка. Как-то, встретившись с Гариком, я по-отечески погладил его по голове. Волосы у него как стальная щетка, которой с машины сдирают краску. Он и по характеру железный. Кто еще Каспарова держал за волосы? Никто.

За границей советские граждане тогда передвигались табуном, взявшись за руки. Только мы с шахматным фанатом из команды Карпова Толей Метелкиным ходили как хотели. В один из вечеров, убежав из-под надзора, отправились бродить по Лондону. В то время в городе находилось наше «Торпедо». Гуляя, в два часа ночи мы набрали на какой-то рынок. Смотрим: крадется мимо витрин Валечка Иванов в одиночестве. Будучи тренером команды, он всех запер на ночь в гостинице и пошел по городу.

Из-за угла я протяжно позвал: «Козьмич!» Он дернулся, будто его ткнули финкой, обернулся — никого. Решил, что померещилось. Тут я снова: «Козьмич!» В третий раз я не стал звать, боясь, что Валька сейчас умрет от инфаркта. Пришлось вскрыться. «Ну ты, б...ть, даёшь!» — выдохнул он с облегчением. Кстати, я однажды оказался на торпедовской базе в Мячкове на разборе игры Ивановым. Он не произнес ни единого цензурного слова. Это

был матерно-дельфиний язык, некий футбольный ультразвук. Но все его прекрасно понимали, даже какой конкретно эпизод матча он имеет в виду.

Сейчас я за спортом слежу в основном по телевизору. Люблю снукер — невероятно тонкая штука. Ночью смотрю часами под чудесный комментарий бархатного голоса Владимира Синицына. От него про снукер я знаю все. Сам я предпочитаю русский бильярд.

Когда-то в Москве, в Парке культуры и отдыха имени Горького, слева от центрального входа, находился длинный ангар с самой большой в Советском Союзе бильярдной. Столов — немалое количество. Бильярдную все время хотели ликвидировать, поскольку там играли на деньги — разумеется, неофициально. Публика собиралась разная: от шпаны и фарцовщиков до подпольных миллионеров. Там была своя мафия, бильярдная. Королем считался Ашот, плотный, небольшого роста. Он со всеми играл одной рукой. Не потому, что не было второй, а чтобы уравнивать шансы. Он каждому давал фору и все равно побеждал.

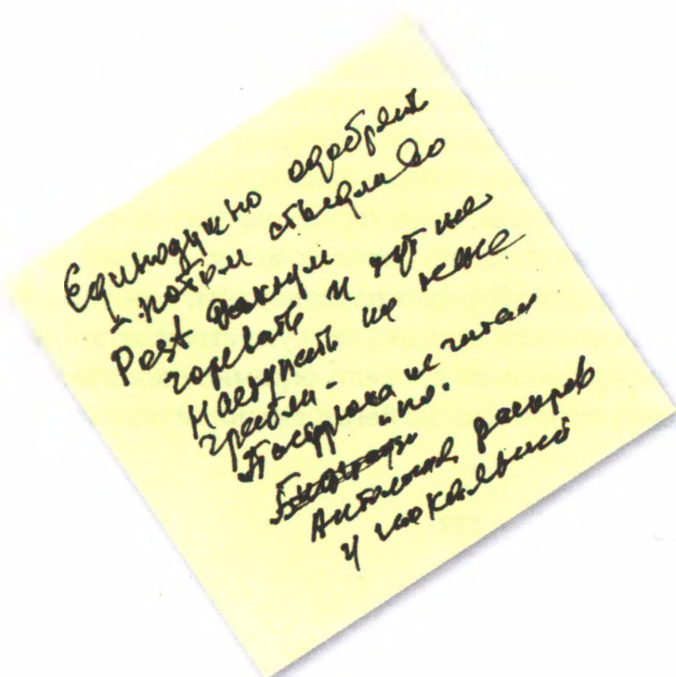
В эту бильярдную я заглядывал с Гришей Гориним. Из непрофессионалов нашего круга он играл лучше всех. Я играл неплохо, но до уровня Гриши недотягивал. А он в этой компании смотрелся достойно.

Значных мест в советское время было мало. Тотализатор работал только на ипподроме. Да и его прикрыли бы, если бы не маршал Буденный, курировавший его. Ипподром — это темперамент, страсть. Все, что происходит на ипподроме, азарт. Есть люди, которые едят манную кашу, а есть те, которые ту же манную кашу заливают аджикой и засыпают перцем, чтобы ее не видеть. Ипподром был самым острым, что существовало тогда.

Мы с Аркадием Аркановым провели огромное количество безумного молодежного времени на бегах, где последние копей-

ки, которые должны были идти на молоко для Михаила Александровича, шли под хвост лошадям. Мы знали всех лошадей в лицо, дружили с наездниками, но были не очень везучими.

Сегодня главной проблемой в спорте считают допинг. Способ борьбы с допингом — придумать свежий быстрее соседа. Я не очень верю, что таблетка способна сильно улучшить результат. Хотя в спорте, наверное, как в театре. Были прекрасные артисты, которые перед спектаклем выпивали 50 граммов коньяка. Например, Юрий Яковлев. Он не выходил на сцену пьяным, просто принимал чуть-чуть для куража. И его неповторимый тембр становился еще бархатистее. А есть артисты, для которых алкоголь до спектакля — табу. В их числе и я. Не потому, что ханжа, а чувствую — мешает. После спектакля — с удовольствием — играешь резво, чтобы быстрее дождаться.



Единодушно одобряет
→ почти отъезд
Резь Факции
горелать и тут же
надеяться и к себе
гребля -
Фасурина и Иван
Александрович
и Кошкин

Обзор вок 21

*Хочу на орбиту,
но поздно...*

Рожа во весь экран — искусственный интеллект. Многие сегодня за него ратуют, забывая, что может быть и естественный. Так дойдем до искусственной души, искусственной совести. Хотя она уже и сейчас синтетическая.

Если я иду против совести, то чьей? Что такое совесть? Или что такое душа? Сколько существует человечество, столько ищет душу. Говорят: «Душа в пятки ушла». Откуда? А если она там, в пятках, и живет, топча эту землю?

Техническое ускорение, искусственный интеллект, роботизация... Как было скромно, интеллигентно и перспективно-заманчиво: «плюс электрификация всей страны». Зыбкая мечта, что все деревни, лачуги и сабли вдруг вспыхнут электрическим светом. Пытались этого достичь, бесконечно строя ГЭС. Сейчас в каждой юрте горит свет — бросились осваивать космос. В особо извращенной форме, включая съемки сериалов.

Как растет укроп на орбите? Как выглядит прогноз погоды на вчера? Нашлись в мире несколько человек, которые, вместо

того чтобы строить очередные яхты и нарываться на пиратов, скопили пару миллиардов, чтобы слетать в космос. Это очередной виток карьеры: возможно, все уже испробовали, а это еще нет, и вот попробовали.

Я тоже слетал бы, но боюсь высоты. Не в смысле самолетов и ракет. Мне смотреть оттуда страшновато. Даже когда вижу, как на Олимпиаде девочка или мальчик подходит к краю десятиметровой вышки, у меня начинается сердцебиение.

Однажды на гастролях в Баку нас повезли к морю. Зрелище было странное. На пляже азербайджанские мамы с детьми раскладывали полотенце, осетрину, выпечку и ставили канистру с керосином, потому что дети выходили из воды черными. Их сначала оттирали от нефти керосином, а потом кормили. И дети загорали, хотя загар на нефть ложится плохо. Богатые люди купались, где нефти нет. Там стояла вышка, но не нефтяная, а для прыжков в море. Спяну я влез на нее, а когда посмотрел вниз, схватился за стоявших рядом аборигенов, и они с трудом по ступенькам спустили меня.

Но процесс полетов в космос некосмонавтов начался, и завтра уже будет маршрут «Москва — Малаховка — Хвост Большой Медведицы».

Кто-то точно знает, что есть инопланетяне, но считает, что пока рано об этом сообщать. Существует какое-то всемирное табу. Может, это и правильно, потому что люди очень различаются по возможностям понимания непонятого.

На карантине в голову приходили всякие, грубо говоря, мысли. Сначала они казались каким-то философским откровением, но потом я понял, что все они вторичны. Что есть наша планетка, которую совершенно измучили?

Хочу на орбиту, но поздно...

Все организмы здесь заняты двумя процессами. На дне Мирового океана плавает что-то огромное с бусинками жемчуга вместо глаз, длинной-длинной ниткой туловища и перламутровым хвостом типа павлиньего. И это существо все время жрет и... наоборот.

На суше жизнь человекообразных такая же, вне зависимости от того, кто это — Пушкин, Чехов, Клеопатра, Гитлер или Сталин. Единственные, кто у меня под вопросом, — это Диоген с его бочкой и первые космонавты с тогда еще не изученной проблемой дерьма в невесомости. Вообще этот процесс стыдливо замалчивается — запретная тема даже в шоу-бизнесе, где не осталось ни одного живого места на теле человека, не предъявленного публике.

Разоблачение
разоблачение
Душев
Кокетство
интерес
сенсуальность

Ольга Васильевна 22

Смелость пророчества

Сейчас меняются даже не эпохи, а цивилизации. Человеческий организм не успевает приспособиться. От патоки в магазине мы перешли к сникерсам. От нанизанных на гвоздь в сортире аккуратно порванных кусочков вчерашних газет или листков отрывного календаря — страничек одноразового прочтения — дошли до душистого бархатного рулона пипифакса. От телефонов-автоматов — до айфонов. И все это за 40 лет.

Скажем, какой-то дядька перестал звонить по телефону-автомату в 35 лет, а в 75 лет он видит правнуков со смартфонами. Конечно, старикашка теряется.

Приспособиться моему поколению невозможно. Когда я двое суток пытаюсь подключиться к интернету, а восьмилетняя правнучка за секунду с этим справляется, я понимаю, что попытки старичья угнаться за молодыми — это попытка эмиграции в следующее поколение.

Люди, которые эмигрировали из нашей страны в возрасте за 60, — действующие фигуры, а не домохозяйки из Черновцов

Смелость пророчества

в поношенных тапочках — как правило, погибали за границей очень быстро. Всю жизнь они были активными в этой стране, а потом сели на лавочку на Брайтоне. Для меня сегодняшняя моя жизнь — попытка эмиграции в следующее поколение, абсолютно бесперспективна.

Я долго осваивал кнопочный телефон. Как-то в Доме актера был вечер встречи Нового года — собрались члены правления, и все вокруг меня делали вид, что я любим.

В конце директор Игорь Золотовицкий устроил лотерею. Вынули смартфон самых последних кровей и его разыгрывали. Наступал год Мыши и предложили вспомнить фразу, или картину, или спектакль, в которых фигурирует мышь. Пошли всякие кинофильмы, стихи, шутки. А потом я сказал: «Шумел как мышь». И получил смартфон.

Когда я принес его в семью, мне объяснили, что перепад от диска к этому смартфону я не потяну, лучше отдать кому-то продвинутому в семье, а мне за это дадут смартфон, который уже несколько лет походил по рукам родственников и он проще. «Шумел как мышь» ушел к внуку Андрюше, а мне дали списанный. Если тот был с откусанным яблоком на корпусе, то на этом никакого фрукта нет. Я почти научился им пользоваться. Он с большими цифрами и умеет фотографировать.

Во время пандемии в дачных застенках доставал с полок то, что без эпидемии не прочтешь. Так я взял книжку Юваля Ноя Харари «21 урок для XXI века» — размах эрудиции, полет фантазии, смелость пророчеств. 420 страниц книжонка. Из них я понял, наверное, страниц 40. Это немало, если учесть, что я не философ, а клоун.

Харари рассуждает, что будет в связи с роботизацией и искусственным интеллектом. Он уверен, что, кто мы и что должны о себе знать, за нас будут решать алгоритмы, у нас еще есть несколько лет или десятилетий и это наш шанс.

По отношению ко мне слова Харари — просто плевок. Этих алгоритмов я должен ждать несколько десятков лет. Я не потяну. Хотя Харари на протяжении всей книги говорит, что вот-вот человек вообще будет бессмертен. Правда, в таком случае есть опасность, что человек будет не нужен и возрастет безработица.

Нужно срочно законодательным путем запретить всякие попытки прогресса, вернуться к кострам и охоте с кремневыми ножами. Тогда для несчастных человечков найдется работа. Отсюда — мой старческий лозунг: «Назад, к природе и первобытному строю!»

Хотя законодательно это сделать трудно. Если ежедневно принимается тьма новых законов и каждый второй — маразм, то как их соблюдать? Поэтому надо на каком-то всемирно высоком форуме, а не в нашей Думе, принять Закон об отмене технического прогресса.

Умные люди типа Харари в своих философских выкладках приходят к оптимистическому тупику. Чем они талантливее и оптимистичнее, тем страшнее тупик в конце каждой главы. Такое веселое упрямство тупика.

Эту книжку мне подарил Лёва Тертель. Он был ростом 1 метр 26 сантиметров. Мальчик по фигуре, хотя мой ровесник, до последнего дня бегал по десять километров. Я знал его еще с Театра имени Ленинского комсомола, где была оркестровая даже не яма, а полуяма, которую потом застроил Марк Захаров. Лёва работал барабанщиком и метался между огромными барабанами, поскольку сидя дотянуться до всех не мог. Потом он перешел в Театр Сатиры и тут тоже сидел за барабанами.

Он был добрым, нежным и влюбленным в меня, но не с точки зрения главенствующей сегодня страсти, а по-человечески. Он пробивался ко мне, где бы я ни был: на ипподроме, в кабаке, в гостиничном номере на гастролях или за столом художественного руко-

водителя — и приносил только что вышедшего очередного Харари. «Прочти, — говорил он, — это практически сегодняшняя Библия».

Лёва учил меня, как есть, как пить, как жить, что читать и на что не обращать внимания. Он был моим путеводителем. Продолжалось это больше 60 лет. Недавно он умер, и я не знаю, как жить дальше. Исходя из Харари, я должен продержаться несколько десятилетий, но с учетом того, что у меня уже больше нет под рукой Тертеля, это будет нелегко.

Бич сегодняшнего времени — интервьюеры и комментаторы. Они практически завоевали мир. Подходит к тебе 23-летняя дама и говорит: «Я из журнала “Водная недостаточность”. У меня к вам несколько вопросов». Когда она вынимает микрофон, ты, вместо того чтобы послать ее обратно в «Водную недостаточность», поневоле начинаешь извиняться.

Какие бы интервьюеры ни появлялись — высокоинтеллектуальные или идиоты — и кого бы они ни пытали — великих физиков или поп-звезд, — позадающего все равно виноватая. Он все время почему-то оправдывается. Я понимаю, что надо оправдываться, когда спрашивают: «Почему вы вчера украли миллион?» Но даже когда спрашивают: «Как вы себя чувствуете?» — все опять оправдываются.

Микрофон стал как хирургический зонд — с ним влезает во все щели: будь то закрытые совещания или спаленки знаменитостей. Если раньше он выглядел как огромная шишка и, когда к тебе с ним кто-то подходил, можно было убежать, то сейчас микрофоны встроены в спичечные серные головки и увернуться нельзя. Потому что интервьюеров сразу много и они, как саранча, налетают неожиданно и массивно.

Я хотел бы когда-нибудь ответить на вопросы, которые мне не задавали. Все интервью прищандорены или к событию, или

к биографии и стереотипны. Есть джентльменский набор вопросов, жутко скучных. Пробуксовывать не хочется, но, если интервьюер — приличный человек и ты его знаешь, приходится терпеть.

Вот мое типичное интервью:

— Александр Анатольевич, что будет после смерти?

— Чьей?

— Вы теперь свидетель XX века...

— Я теперь уже свидетель всего.

— Как вы убиваете время?

— Сейчас время убивает меня. Все перевернулось.

— С таким чувством юмора, как у вас, надо родиться или его можно приобрести?

— Главное — с таким чувством юмора не погибнуть.

— Сколько вы хотите прожить?

— Ну, до вечера — это точно.

— Будет лучше или хуже?

— Будет скучнее. Это связано с перенасыщенностью.

— Нравится ли вам тот человек, которым вы стали?

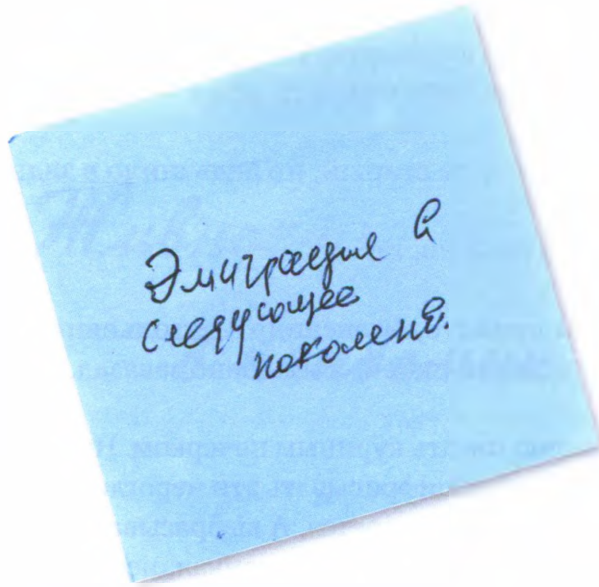
— Я к нему равнодушен. Становление — очень грустная история. Это поиск, а он всегда связан с глупостью.

— Если бы вы были дверью, куда бы вы вели?

— Не важно куда, лишь бы мною не хлопали.

— Был ли период, когда вы не употребляли алкоголь?

— Это бывало, когда я оказывался, правда, тьфу-тьфу, недолго, в больнице. Но как только подружишься с врачами — приносят.



- Как вы себе представляете Бога?
- Мне кажется, он помесь Славы Полунина с Юрой Норштейном.

- Были ли в вашей актерской практике роли, которые вам не хотелось играть?
- Ужас в том, что в моей актерской практике не было ролей, которые мне хотелось играть.

- Что вы скажете о ситуации в кино?
- Ничего.

- Вы же не скажете, что боитесь своего мнения?
- Нет, я просто боюсь, что оно может быть неправильным. Но оно правильное.

- Что вас сейчас может удивить?
- Меня сейчас может удивить что-нибудь удивительное.

Александр Ширвиндт

— Что вы почувствовали, когда родился ваш сын Миша?

— Необыкновенную гордость, что я — живородящий.

— Старый или не старый, но ведь шило в заднице никуда не девается?

— Задница тоже постарела.

— Как вы думаете, Александр Анатольевич...

— Да не думаю я ничего. Уже давно завязал.

Как страшно писать куриным почерком. Приходится при помощи редактора расшифровывать эти иероглифы. Но потом еще надо понять, что в них кроется. А выбрасывать бумажку жалко: не дай бог на ней была записана тонкая, неожиданная и острая мысль.

Обзвонка 23

Живность в пандемию

Когда я в пандемию отсиживался на даче, мне запретили всё. Вокруг — жена, сын, внуки и правнуки, и у каждого свое задание — кому за чем следить, чтобы я не пил, не курил, ничего не обещал, и еще проверять, с кем я говорю по телефону. Это длится целый день. Ложишься спать, утром просыпаешься и понимаешь, что уже два месяца прошло в борьбе за спрятанную трубку и 50 граммов текилы.

Известный анекдот. Встречаются два 30-летних мужика, бывших одноклассника. Один говорит: «Я женат, а ты?» — «Нет». — «С ума сошел? Ну ладно сейчас, а к 75 годам сляжешь, некому будет воды подать». Проходит 45 лет, встречаются снова. «Ну как ты, так и не женился?» — спрашивает первый. «Женился, — говорит второй. — По квартире уже бегают внуки. Лежу в коридоре на сундуке. И, знаешь, пить совсем не хочется».

У меня в последнее время масса всего народилось. У моей внучки Саши двойня. Близнецов привозили к нам на дачу на смотрины, и я с трех метров в маске разглядывал смешных правнуков. Один на ладошке помещался, а другой — здоровый такой.

Только отвезли их с дачи в Москву, как у моего на тот момент 61-летнего сына Миши, молодожена, родился сын. То есть у Михаила Александровича родились двое внуков и одновременно он родил этим внукам дядю. И дядя на месяц младше племянников.

Чтобы позволить себе в период карантина и вселенского кошмара приобрести сразу трех новорожденных, нужно иметь наглость, смелость, нахальство и, конечно, чувство юмора. Через каких-нибудь 20 лет эти три мужика будут говорить, что родились в 2020 году во время самоизоляции. Какое начало биографии!

Теперь — оханье и сюсюканье. Выигрался в эту роль. Возраст, конечно, прибавляет эмоций. Когда были посвежее, бегали, прыгали, выпивали. Дети и внуки тогда были на втором, третьем, а то и пятом месте. Сейчас все иначе.

С правнуками, когда они непрерывно рождаются, главное — запомнить, как кого зовут. Еще и имена дают непростые. У меня есть Элла, Рина, Семен и Матвей. И надо знать, какое имя кому принадлежит.

Недавно у Миши был день рождения, и он сказал: «Ничего праздновать не будем, а просто соберемся по-семейному, в узком кругу». Этот узкий круг — уже за 25 человек: от года до 87 лет.

У меня есть ползающие внуки и правнуки, потом постарше — ходящие, потом Эллочка — думающая. Она очень витиевато и грамотно говорит. Например: «Вообще-то, когда нет родителей, я засыпаю не в десять, а в районе одиннадцати. Но это в порядке исключения». Как-то в приватной беседе во время засыпания она мне сказала: «А поговаривают, что в молодости ты был красивым». Спрашиваю: «Кто это поговаривает?» «Ты их не знаешь», — отвечает.

Родителей у моих внуков и правнуков в несколько раз больше, чем их самих, потому что уже разведены и живут с другими,

но дружат. Так что почти на каждого ребенка приходится в среднем по две мамы и два папы. Боюсь, что это еще не конец.

Близнецы внучки Саши внешне не похожи и по характеру разные. Мой отец и его брат-близнец Филипп были очень похожи внешне, но по характеру тоже были разными. А главное — жены были полюсными. Тетя Мина, жена Филиппа, и моя ма-тушка не могли видеть друг друга.

Семьи дружили, а Мина была отдельной. Ее предки, Могилевские, владели половиной Батуми. Как только Филипп нашел Мину, семья решила, что теперь все они будут в порядке. Но тут революция и у Могилевских отняли их пол-Батуми, а самих не то посадили, не то расстреляли. Мы остались без Батуми, без Могилевских, с одной плохой Миной при хорошей игре.

Вокруг меня сейчас бегают такая огромная родословная, что нет времени выяснять, когда обрезали прадедушку по маминой линии, хотя, конечно, интересно. Но, если возникает необходимость, я обращаюсь к документам, которых нет.

Некоторые специалисты веками колупаются в пыли архивов, что-то находят и восклицают: «В отличие от того, что нашел рядом сидящий уважаемый коллега, я обнаружила, что Лев Николаевич Толстой, по требованию Софьи Андреевны, ни в коем случае не мог сказать Владимиру Черткову “не приезжайте”, он сказал “пока не приезжайте”. И это в корне меняет дело». Дальше — докторская диссертация.

Не имея возможности в заточении при зорком наблюдении домочадцев ни закурить, ни выпить, ни закусить, вынужденно подползал к стеллажу. Так я вынул оттуда никогда на молодежной свободе не прочитанную книгу воспоминаний подфуги моей матери Анастасии Цветаевой «Моя Сибирь» с трогательной надписью: «Дорогим Шурику и Наташе Ширвиндтам — с любовью...»

И вдруг запоздало ощутил бездну эпохальной разобщенности таких исторически недавних времен, как те, в которых жили мои родители, и те, в которых живут мои внуки и правнуки.

Раньше семья состояла из дедушки, бабушки, брата, сестры... Но такой каши взаимоотношений не было. Даже машина была одна на всю семью, если была. Сегодня выясняют, на какой машине кто куда поедет и не проще ли вызвать такси или воспользоваться каршерингом.

Звонить с дачи в Москву раньше ходили за три километра в будку. Надо было дозвониться до Истры, на станцию. Если мороз, то стоять и долго ждать, когда они попробуют найти Москву. Холодно. Трубку и диск через каждые три ночи вырывали с корнем.

Не понимаю, в чем был кайф корезить телефоны-автоматы. Если бы это были драгоценные металлы или телефонами-автоматами пользовались бы только миллионеры и это вызывало бы ненависть, тогда понятно. Нет, эта обледенелая жуть висела для всех.

Когда трубку снова прищпандоривали и диск прикручивали, можно было звонить, пока следующая команда не вырывала их вместе с будкой.

Сегодня у всех грудных детей смартфоны, они ползают на четырех лапах и перезваниваются друг с другом. Кто-то делает робкие попытки ограничивать детей, запрещать им брать телефоны в школу, бить их розгами, если больше десяти минут сидят в компьютере. Но все равно для малыша сейчас лучший подарок — новая модель айфона, а не трехколесный велосипед.

К нам раньше прибегал кто-то (поскольку звонить было не по чему) и говорил, что в Истре дают гречку. Мы бросали самогон, всовывали в рот укроп против запаха и летели на «Победу», чтобы успеть урвать гречку.

Сейчас между Новорижским и Волоколамским шоссе на пяти километрах, кажется, три десятка продуктовых магазинов. Ходят люди с катафалками и нагружают их. Около «Пятерочки» рядом с дачей, в подвале, — «Белорусские продукты», где мы отовариваемся, потому что сыр, колбаса, выпечка и творог в 17 раз лучше.

Парадокс, что при этом в Белоруссии — застенок. Преимущество советской власти над рыночной экономикой.

Летом 2021 года вся семья собралась на даче отметить мой день рождения. Наталия Николаевна сказала тост: «Вы сидите, выпиваете, вам уютно и приятно. Ничего этого не было бы, если не одно событие, которое произошло ровно 70 лет назад, — если бы мы с Шурой не познакомились». Все стали хлопать и кричать «Горько!».

Ужас в том, что я не могу влюбиться со второго взгляда. А влюбленность с первого взгляда всегда чревата. Очень редко влюбленность с первого взгляда перерастает в золотую свадьбу.

Если кто-то женат три месяца и семь дней, то влияние жены на него одно, а если 70 лет, несколько иное.

Допустим: знаю людей, которые при первой жене были прекрасными художниками, при второй ничего не делали, при третьей были дико плодовиты, но это было не талантливо. Могу привести примеры, но не буду.

Ночь — часть супружеской жизни. Ночью нет интервьюеров и дискуссий. Почему большим людям подкладывают в койку осведомительниц и разведчиц? Нигде, кроме как в койке, человек не бывает неожиданно откровенен. Там разглашаются государственные тайны. Чем профессиональнее и сексуальнее подложенный человек в постели, тем больше атомных бомб можно выведать.

А в случае жены это еще переходит в завтрак, обед и возвращение домой после сложнейших перипетий с начальством, подчиненными и действительностью. Когда добираться до дома,

ты вынужден все это выbleвать. Кому? Жене, даже если у тебя нет с ней полного альянса и душевного и мыслительного соития. Домработница может выболтать, а дети не понять. Выболтать может и жена, но тут надо выбирать жен.

Бывают люди, раздавленные знаниями. Я стесняюсь своей затухающей эрудиции. Что-то кануло навсегда в склеротическую бездну, а что-то иногда спонтанно, как головешка в камине, вдруг вспыхнет последней огненной судорогой и потухнет навеки.

Моя супруга — очень образованный человек. Она десятилетиями решает кроссворды без помощи Гугла, разгадывая их почти стопроцентно. Иногда она в панике обращается ко мне, зная, что я ничего не знаю, — для выхода эмоций, и спрашивает что-то вроде: «Толщина льдов в Гренландии в период усиления Гольфстрима, четыре буквы по горизонтали». Тут важно, что по горизонтали, а не по вертикали — легче признаться, что не знаю.

Супруга в тоске засыпает, а утром облегченно записывает ответ. Можно не проверять. То ли эта льдина приснилась ей, то ли какой-то запоздалый микроб образованности шепнул ей ответ ночью.

Еще Наталия Николаевна помнит все дни рождения и как кого зовут. Помнит, где мы свернули с шоссе и нашли полянку опять, а я даже не помню, что мы куда-то ехали.

Я вспоминаю только иногда проколы. Не в смысле спустило колесо, или напился, или недошутил, а когда по-настоящему, судьбоносно прокололся. Если не вырулишь, так и останется в биографии или во взаимоотношениях. А мелочи забываются. И получается, что у Наталии Николаевны — огромная разнообразная биография, а у меня только несколько проколов, которые помнишь, а хотелось бы забыть.

Раньше на даче рядом с домом был огромный глубокий погреб. В апреле туда заваливали снег, и он держался там до сентября. В погребе хранили молоко, кефир и прочие продукты.

Еще стоял сарай, в котором у нас была корова. Вернее, не у нас, а у них. Я с коровой познакомился как с членом семьи моей невесты, Наталии Николаевны. Позже коровник был написан хорошим художником Анатолием Белкиным. Он не заинтересовался ни историей семьи архитекторов Семеновых и Белоусовых, ни моим появлением в этой семье. Его взволновал только сарай.

Он его нарисовал, и этот сарай обошел полмира. Комментарии по поводу картины разные: «так живет советская интеллигенция», или: «вот вам образец советской архитектуры», или: «как надо жить, чтобы заниматься только духовностью». Сарай один, комментариев миллион, а мы вроде ни при чем.

Забываю спросить Юру Норштейна, который все знает и понимает в живописи, о «Черном квадрате» Малевича. Юра мой друг, а кого-нибудь другого я спросить не могу, потому что другой упадет в обморок от моего ничтожества. Я не понимаю, что это такое — «Черный квадрат» Малевича.

Когда-то я был вхож в семью Георгия Костаки. Он — гениальный коллекционер — собрал Лувр, Эрмитаж и Прадо и разместил в своей трехкомнатной хрущевке. Я там бывал, не потому что фанат живописи, а просто дочка моей одноклассницы была замужем за сыном Костаки. «Черного квадрата» у него не было, но Зверев был представлен потрясающе. Его я понимаю.

Например, когда читаю о Пикассо или вижу его картины, осознаю, что это человек, которого разрывает мощь. А вот «Квадрат» Малевича... Говорят, он сильно эмоционально воздействует, воспринимается как прозрение. Я только вижу, что он огромный. Это сколько правнуков должны были его рисовать?

Обрезание 24

Обрезание

в полной темноте

Как-то на даче погас свет. Это бывает. Обычно гаснет минут на пять, но тут прошло 40 минут, свет не включается. Начали кинуть продукты в холодильник, не сливается вода в бачке.

Я подождал еще минут 30 и позвонил в правление нашего кооператива. Подошла дама с интеллигентным тембром. Я спросил, что со светом, почему отключили, не предупредив. На что она сказала: «Надо жить жизнью кооператива и следить за деятельностью правления. Везде развешано объявление, что 9 июля с 11 до 16 часов будет проводиться плановое обрезание». Я судорожно отключился.

Позвонил соседу слева, спросил: «Ефим Львович, вы прошли плановое обрезание?» Он говорит: «Давно!» Я опять отключился. Подумал, что, наверное, из-за некоторой заминки с обязательными прививками от ковида решили устроить поголовное обрезание.

Позвонил соседу справа менее подозрительной национальности и спросил: «Григорий Иванович, вы проходили плановое обрезание?» Он говорит: «У нас же всегда во время гроз и бурь ветки падают на провода. Возникает замыкание. Наняли маши-

Обрезание в полной темноте

ну с высокой стрелой и обрезают ветки над проводами». Госплан и плановое хозяйство заклеили, но потихоньку возвращаемся к нему и начали с планового обрезания.

Сейчас стараются стыдливо реанимировать Госплан, хотя некоторое время назад с хихиканьем говорили, что это — конец экономики. Но теперь, когда разворовали все, что было плохо спланировано Госпланом, решили попробовать огромные поля борщевика спланировать в угоды. В этом плане планирование — бред.

Если брать планирование в более широком смысле, то никогда нельзя ничего загадывать и предвирать. Когда мы куда-нибудь едем, Наталия Николаевна обожает сообщать по телефону: «Будем через полчаса». После этого обязательно что-то случается.

Как-то ехали по платной дороге на Валдай. Справа остается город Валдай, через три километра надо свернуть направо к Дому отдыха. Наталия Николаевна звонит встречающим и говорит: «Мы уже подъезжаем, будем минут через пятнадцать». В это время наш водитель проскакивает поворот направо. И по этой платной дороге мы допиливаем чуть ли не до Петербурга, там разворачиваемся и едем обратно.

Это все планирование в никуда. Поэтому планирование и клонирование — гадость и то и другое.

Опырышок 25

Руконприкладство

В Доме отдыха на Валдае нам ставят два холодильника — один маленький, специально для червей и опарышей, потому что раньше были случаи, когда открывались коробочки и эти выползки свисали со всех продуктов.

Наталия Николаевна видеть не может червяков, не говоря уже об опарышах. Она часто бывала со мной на берегах, но ни разу в жизни в руках не держала удочку. Была на разделке: какую бы рыбу ни поймал, ее надо почистить и осмотреть — нет ли в ней солитера.

Хотя я знал женщин, которые ловили. Композитор Людмила Лядова была паталогической рыбачкой. Жена дирижера Евгения Светланова Ниночка сидела всегда второй в лодке — чтобы нацепить червя, приготовить подкормку. Нина Буденная очень хорошо ловила.

У маршала Буденного, одного из тестей Михал Михалыча Державина, была десантная лодка шириной с Пахру. Как-то Нина, погрузив на машину ее, меня и Мишку, подбросила нас до реки, а сама поехала дальше.

Когда мы сели в эту огромную посудину, то отталкивались от берегов Пахры руками с двух сторон. Потом упирались в ка-

кой-то валежник, выходили, вытаскивали «крейсер», тащили волоком — еще три метра плыли, опять упирались в поваленную осину. Какие при этом звучали речи — не для мемуаров.

Она высадила нас выше по течению, чтобы мы отдохнули, сплавляясь вниз, но мы эти три километра пробивались почти сутки. Этакие Колумбы, доведенные до абсурда.

Сейчас рыба нигде не клюет. Все ссылаются на жару. Но это не жара, а экология. Очевидно, на дне морском, речном и озерном жить уже невозможно. Если это не далекая Сибирь и не то место, куда приезжают Путин с Шойгу, а рядовые водоемы.

Даже на моем любимом Валдае, который славится своей чистотой, рыба ушла в никуда. Или, может, она плавает в антивирусных масках и ей трудно клевать.

Михал Михалыч Державин был дико рукастым. На рыбалке есть масса необходимых рукотворств — привязать крючок и грузило к леске, намотать ее на спиннинговую катушку или создать блесну для ловли судаков в устье Волги.

Бралась столовая ложка. В нее заливалось расплавленное олово и вставлялась спичка. Когда олово застывало, спичка вынималась — и получалась дырочка. Это была блесна (она же грузило). Я всем этим занимался часами, а Михал Михалыч делал в секунду.

Зямочка Гердт все строгал самостоятельно. Можно умереть от зависти.

У меня кругом сплошные гениальные архитекторы. Супруга строила массу всего — от санаториев до театров. Ее дедушка Владимир Семенов был главным архитектором Москвы, брат Владимир Белоусов — академиком, жена брата преподавала в архитектурном институте.

Сейчас племянник Наталии Николаевны, Николай Владимирович Белоусов, — первейший в стране архитектор, работающий

с деревом. Его сооружения получают бесконечные международные премии. Его сын Володя работает с ним. Такая семейка.

При этом терраса вековой нашей дачи стала эталоном разрушающегося великого прошлого. Крылечко из четырех ступенечек загнивает. Уже лет 50 загнивает. Когда у нас был наш друг и помощник Азамат, он это крылечко немножко реанимировал. Вобьет клин в полусгнившую доску, и она улыбается и говорит: «Я ещё постою». Поручни привязывал бечевкой к рядом стоящей яблоне.

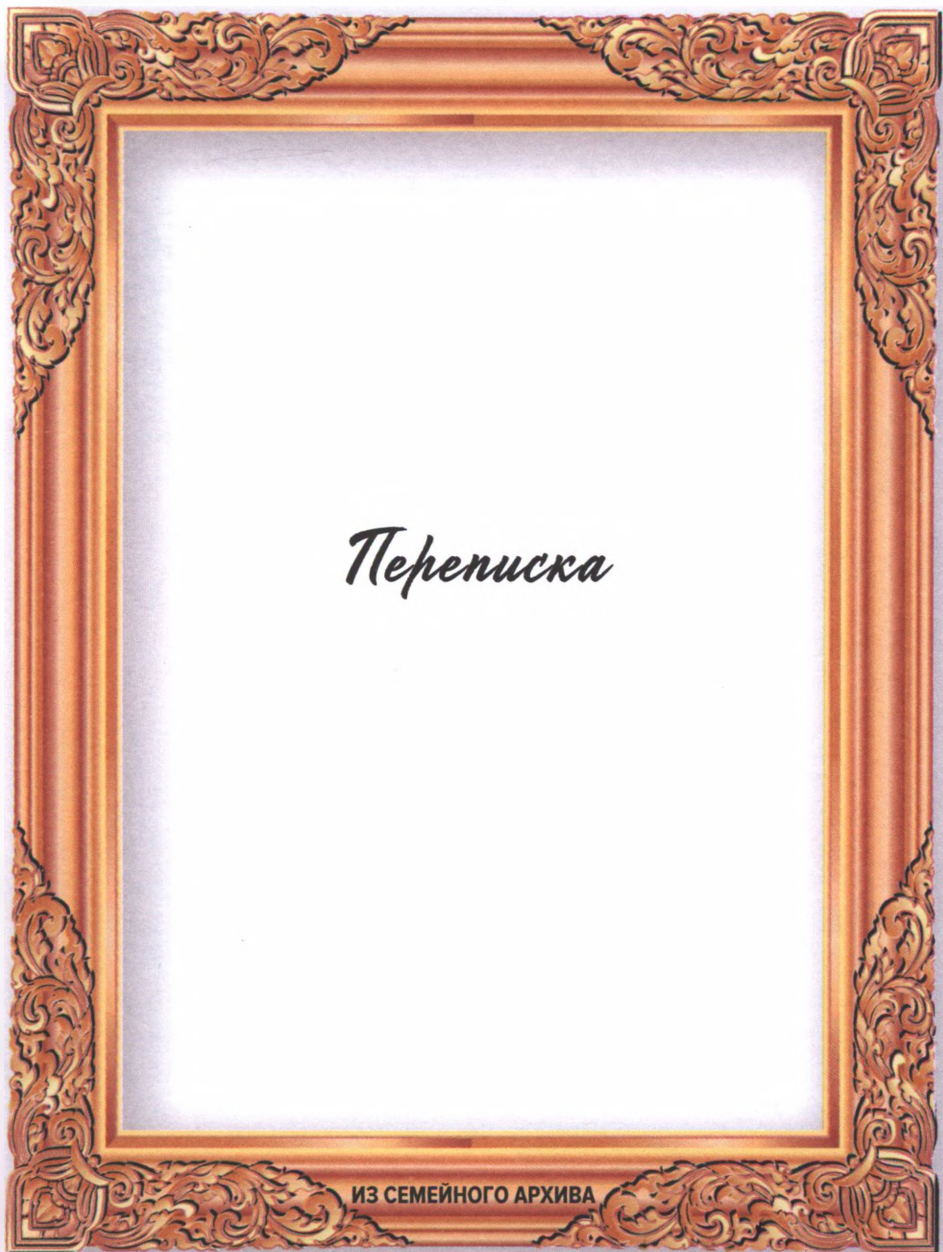
Но постепенно крылечко превратилось в мемориал гнилья. Может провалиться или вдруг отфутболить чем-то. Когда идешь на трех ногах, включая палку, без того, чтобы тебя не подхватили под руки пять внуков и десять правнуков, не вскарабкаешься. Все выдающиеся архитекторы в семье постоянно говорят: «Буквально завтра сделаем».

Рядом с этим домом Наталия Николаевна построила флигель якобы для меня с собой, чтобы пустить в родовой дом внуков и правнуков. Но меня кладут все равно туда, где есть пустое место, на остальном лежат правнуки.

Кстати, когда мы задумали строить домик, «проект» нарисовал я. Наталия Николаевна как-то по этому рисунку поняла, что я хочу, и его построила.

Крыльцо милой терраски выходит из-под крыши наружу. И это крыльцо уже тоже сгнило. Так как оно значительно круче крыльца родового дома, стало опасно для жизни по нему ходить. И опять все архитекторы говорили: «Вот-вот привезут три доски».

Мой друг Василий Иванович Мальцев, бывший главный милиционер Истры и интеллигентнейший человек, был у меня в гостях, увидел это крыльцо и сказал: «Как же так?» Через два дня он приехал с подручным, привез четыре доски и шесть брусков и воздвиг новое крыльцо. Сейчас не крыльцо примыкает к дому, а дом к крыльцу. Когда писались эти строки, как будто по наитию, вся семья собралась на архитектурную презентацию. Теперь у нас два фирменных крыльца, пришитые к двум старым дачам.



Переписка

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

МАМА!

Я собрал портфель, почистил
ботинки, приготовил завтрак
и оделся, поставил почту.
Мы только зашли мне
братки.

шуря!

шуря умен и
краса. И у него у
него же как
не достатков.

Но любит гу-
заться с мамой.

Он может шутить
и может много
и может играть
иногда. Но может
не слышать а может

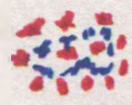
ДОРАГАЯ

БАБА

АУХАТ

ХОРОШО

ЦЕЛЮТ



Дорогой Шуря!
Поздравляю тебя с твоим
рождением! Желаю тебе с твоим
 поменьше курить и не
 болеть. Будешь, что и не
 дурацкую мыслью
 надеяться будет
 тебе Саша. Ангрия



КАРТОЧКА П
 ДОРОГАЯ
 БАБА
 ИДИ
 ДИДА
 Кому
 Адрес
 Малое Число (ссылка на сайт) А (номер) 27 10 1988, 1989 Годах. Там.

???) Папа!!!
 я буду скучать
 по тебе и
 дай скорей. Мне
 нужны тебе и
 сам ты что-то
 мы же засываем
 нас.

А ТЕБЯ - ПАЕД РАВ
ОЦЕНЬ -

Художник В. В. Ивченко

С НОВОГО

КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ



Куда

ДОМ

Кому

Адрес отправителя:

МУША

С.С.Р. А. 05630 28, Уфа, М.П. Голева, Изд. 1891. Цена художественной карточки с маркой 4 коп.

ДОРОГАЯ ТАТА
ЖЛАЮ ЩАСТЕ

В ЖЫЗНИ С ~~жизни~~
р. ~~раздвинуто~~ с келера
ходилим.
Шведя шуду цурно
БА Г Селна

ШУРЕЧКА!

Таня! Все будет! Все будет хорошо
на сердце, потому что я сейчас пишу на
русском, поэтому пишу на русском на
русском. Ты меня увидишь в более яркой
и красивой. Очень много ты мне на
м. Ты не жалея и всегда я буду
улыбаться, не забуду ни-т. Делай
много для себя. Ты меня увидишь
на свой свободный язык. Ты увидишь
Ты это только наша. Делай
с ДИМЧИ ДИМЧИ ДИМЧИ
ШУРЕЧКА!

Над



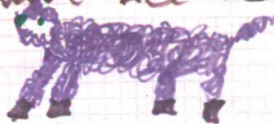
Good Bye!



Дорогой Шурик!

Поздравляю тебя с днём
нового года, желаю
тебе не ругаться в но-
вом году мамой!

Желаю тебе быть та-
ким же здоровым



как моя
коза;

ТАТА-АТЕБА-ПАВА РА!

А Ю - И - ОЦЕНЬ -

ЛЮБАНУ



Наташья Николаевна!

Душа семьи бабьей,

Она нежна, заботлива,

На свете нет другой.

Прекрасная хозяйка,

Заботливая мать,

Вашею прелестью,

С ней весело играть.

Мы любим её нежно,

И в день рожденья ей

Мы дарим

Обвесенье в башнишке новой свей.

Сколько радыха вусности

Мы пелим ей

Пирог вуснейший,

Строите дома

И сад в башнебаше

Разводити сама

Любимая вы наша,

Вечна - до века лет

Мы вам поклоним

Светилом днём без бод.

Ольга Вик 28

Где родился,

там и не приговдился

Своих внуков и правнуков я очень люблю. Внуков, которые уже взрослые, спрашиваю, кого они помнят из предков. Прабабушку они уже не помнят.

Наше сегодняшнее во главе с Наталией Николаевной сюсюканье и каждое утро смотрение в ее смартфоне (она в отличие от меня его освоила) присланных видео с ползанием правнуков, конечно, замечательно. Этот ползет туда, а тот вчера еще не доползал, а сегодня дополз.

Или вдруг звонит Сашка и говорит, что календарики с моим изображением нравятся Сёме. И, хотя игрушек — вагон, он целыми днями возится с двумя календариками. Я начинаю рыдать, видя фото Сёмы с календариками. Но потом осознаю, что это наши односторонние игрушки.

Мы помрем, они не то что забудут, они и не вспомнят. Внуки постоянно вынуждены обходить острые углы, понимая, что все-таки старье обижать не надо, хотя мы, конечно, раздражаем своим настырным присутствием. Но при накоплении раздражения

Где родился, там и не пригодился

им, наверное, приходит мысль, что это скоро кончится. Опять брюзжу, потому что внуки у нас замечательные и при всех их собственных нуждах и невзгодах всё время заботятся о нас.

Я ничему не учусь, только пытаюсь учить. Я все знаю, но никто уже не хочет меня слушать. Чем мудрее советы, тем брезгливее реакция. Детям и внукам я могу передать только один жизненный опыт — опыт попытки оттянуть раздражение.

Мои внуки не стали актерами. Я счастлив, потому что это страшно нервная стезя, основанная исключительно на лотерее, и процент удачи минимален. Кроме того, эта профессия творческая, а в творчестве всегда присутствует условие времени. Театр накрывается каждую эпоху по-своему, и это болезненно для участников процесса.

Родились правнуки, мужики, — значит, фамилия Ширвиндт сохранится, что приятно. Хотя они могут набрать псевдонимов. Неизвестно, как в дальнейшем в стране будут относиться к этому образованию — «Ширвиндт».

Мои родственники и даже папа когда-то сменили имена. Папа был Теодором — на всякий случай обозвали не вызывающим подозрение Анатолием. Вдруг опять скажут, что с такой фамилией место только чуть левее Биробиджана или правее Кёнигсберга.

Есть еще одна опасность: в мире наметилась тенденция к перемене пола. Если переменить пол, станешь женщиной и можно выйти замуж и взять фамилию мужа.

Наталья Николаевна — Белоусова. Когда она звонит по нуждам — врачи, магазины, — она представляется так: «Вас беспокоит Наталья Николаевна Ширвиндт». Во всех остальных случаях она Белоусова. Для нее это важно. Наталья Николаевна

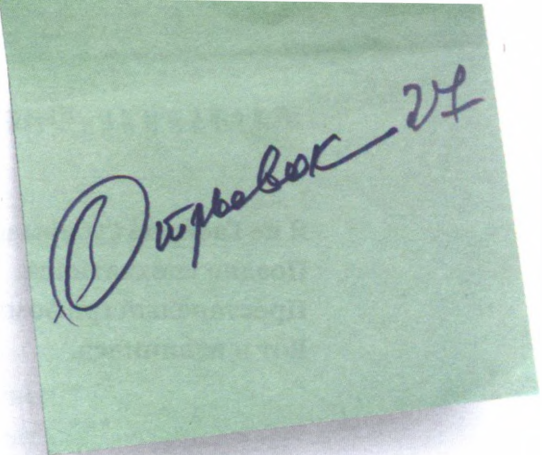
говорит, что очень долго даже запомнить не могла мою фамилию. А когда запомнила, уже было поздно менять.

Наш общесемейный гектар на даче — это моя родина. Когда больше 70 лет назад она была заселена молодежью типа меня и моими родителями — это была одна родина. Сейчас, когда по тому же гектару бегают правнуки, — другая. Вряд ли можно говорить о внутренней эмиграции. Скорее о некотором предательстве той родины, в которой я жил.

Обычно родиной обзывается обязательный набор: березки, лапти, частушки, куда издалика долго течет река Волга. Это примитивно! Я ощущаю родину в основном, когда уезжаю за ее пределы.

Есть люди, которые месяцами шастают по всему миру, ища приключений, радости, смысла и вещей. Я не против такого вселенского эпикурейства, но сам больше двух-трех недель вне дома не могу. Я не приживаюсь. Родина для меня еще — продолжение привычек. Я не могу пересилить привычку к этому гектару, к этому водоему, а не к Средиземному морю. Родина — это состояние. Состояние не в смысле рубли и бриллианты, а состояние души, тела и мозгов.

Степень ощущения родины у всех разная. Когда читаешь: этот хотел умереть на родине, тот мечтал, чтобы его останки перевезли на родину, — очень красиво. Но, мне кажется, если ты уже уперся отсюда, даже по самым уважительным причинам, умирай и хоронись там, куда уехал. Мечтать умереть на родине, не живя на ней? Какой-то цирковой фокус.



Дерябин 24

Многогранность

В будущем случайное появление моей фамилии в каком-нибудь незначительном издании будет сопровождаться сноской: «Ширвиндт А. А., актер, режиссер, педагог, художественный руководитель Театра Сатиры с 2000 по 2021 год, писатель, теперь даже и президент». Очень жалко, что я еще и не поэт, хотя я в общем-то немножко поэт. И, как у каждого большого художника, всегда в жизни несколько периодов цветовой гаммы — зеленый, голубой, красный.

Из зеленого:

Я шагаю по росе,
Ковыряю я в носе.
Если высохнет роса,
Я отстану от носа.

Голубой я проскочил, а теперь уже поздно.

А красный, то есть теперешний, начну с поэтического извинения:

Александр Ширвиндт

Я не Гафт, не Губерман —
Поздно спохватился.
Престарелый графоман.
Вот и извинился.

Болтаясь в жизни круговерти,
Друзей теряя и скорбя,
Уже привычно — в каждой смерти
Частично хороню себя.

Когда лимит, как не обидно,
Исчерпан гордости и сытости,
Становится ужасно стыдно,
Что был когда-то знаменитостью.

Осмелюсь на правах рекламы предложить: принимаю заявки на пятиминутки-четверостишия по любой тематике. Недорого. Торг уместен.

Оказывается, жизнь длинная. В районе 65 лет создавалось ощущение, что короткая. Она была полноценной. Я не о морали, строе и карьере, а о чистой физиологии. До 65 прыгаешь на какую-нибудь подножку, можно даже спрыгнуть с подножки. Потом происходит затухание прыжков. Самое бодрое и осмысленное время — с 55 до 65, а дальше — как ветер летит, ничего не соображаешь.

Финал индивидуален. Горючее для физического долголетия организма — цинизм и ирония.

Сегодня вся жизнь складывается из необходимости действий, страшной опасности, что это действие не совершишь, и необыкновенной гордости, если что-то получилось.

Многогранность

Изучение старости на самом себе:

- 1. Встать и дойти.**
- 2. Дойти и лечь.**
- 3. Заснуть и проснуться.**
- 4. Прочесть и не забыть.**
- 5. Выпить и не упасть.**
- 6. Или плюнуть на этот маршрут и остаться на старте.**

Если бежишь, бежишь и добегаешь — это одно. Если бежишь, бежишь и не добегаешь — это другое. А если уже и не начинаешь бежать — третье.

Была мечта — месячишко на Валдае посидеть на пирсе, где я сидел в течение 25 лет. Но Дом отдыха закрыт, карантин. Все, кто меня любит, говорили: «Давайте найдем альтернативу». Но ее найти трудно. Там я спускаю ноги с койки, надеваю шлепанцы, встаю, иду к двери, беру удочку, ведро, выхожу, делаю четыре шага, сажусь в кресло и забрасываю.

Когда сорвался Валдай, я подумал: наверное, правильно. К воде я иду еще нормально, а назад, в горку, уже надо подниматься с палкой. А как тогда нести удочку? А если, не дай бог, в ведрке плещется четыре пескаря? На какой предмет тела его вешать? Никаких выпуклостей уже нет, чтобы зацепить ведро. Боженька меня спас, я могу говорить: «Закрывается, пропала рыбка».

Обрывок 28

В струю

или в струю

Чинил зуб у своей вечной зубнихи. Она гениальный врач. Не открыла зубодробительный кабинет, где просто показать челюсть стоит 573 доллара, а сидит в старой государственной клинике.

Но там часто меняются главные врачи. Сейчас пришел новый, который взял их в руки по-настоящему. От ворот до корпуса там идти метров 100, и машину не пускают. Чтобы пустили, надо выйти лично на него, но выйти на него могут не все. Есть одна, которая может выйти, но она в отпуске. Если договорятся, что она из отпуска позвонит и сумеет убедить начальника... И это проделали, и он сказал: «Пусть въезжает». Я въехал и на палке поднялся в кабинет.

А Лариса приготовила мне старую фотокарточку, на которой я вишу, зацепившись за какую-то корягу над морем — с длинными ногами, осиной талией и полным ртом зубов. Это она мне подготовила для бодрости.

Вообще шлагбауманизация страны приобретает размеры катастрофы. Шлагбаумы везде. Особо жесткие правила въезда на телестудии. А так как павильоны телекомпаний в Москве

размещены сегодня во всех цехах бывших столичных заводов, въезд туда приравнен к проникновению на секретное, военное производство.

Подъезжаешь — уютная будка с телевизором, холодильником и чуть ли не с двуспальной кроватью. В углу за миниатюрным письменным столом «начальник», а около — два амбала в камуфляжах.

Один выглядывает в окно и идет докладывать «застольному» о ситуации при въезде. Возникает пятиминутное совещание, потом «начальник» выдает подчиненному огромную амбарную книгу, тот выходит из сторожки с непроницаемо-брезгливым лицом и долго сверяет номерные знаки с накаляканными цифрами в альбоме. Причем делает это с двух сторон автомобиля, очевидно подозревая, что номера спереди и сзади могут быть разные.

В это время младший по чину просит водителя выйти и открыть багажник, чтобы убедиться, что на территорию студии не ввозят наркотики и боеприпасы. Причем багажники открывают и при въезде, и при выезде, очевидно надеясь, что при выезде могут обнаружить расчлененный труп главного редактора канала.

Так вот, после процедуры досмотра оба входят обратно в сторожку и докладывают «начальнику» о результатах проверки. Тот устало встает и нажимает какую-то кнопку. Шлагбаум подагрически вздрагивает, рывками поднимается, и тут нужно исхитриться быстро проскочить, чтобы эта палка не трахнула машину по крыше.

Если предположить, что эта команда работает посменно, то очевидно, что за неделю их накапливается человек девять на один шлагбаум, а шпалы по-прежнему кладут зеки, узбеки и комсомолки 50-х.

Мой автомобиль «Победа» был с непредсказуемостью следующей поломки. Только-только ты с трудом при помощи гор-

чицы залепил текущий радиатор, вздохнул и поехал, в это время накрывается левая полуось.

Тогда в таксопарках под чебуреки и пол-литра делали ремонт. Ты выезжаешь на украденной новой полуоси и думаешь: «Ну слава Богу!» В это время отказывает электрика. Пытаешься сначала сам найти искру: идешь от аккумулятора ко всем датчикам и предохранителям, от них — к приборам и фарам.

Когда понимаешь, что не получится, опять покупаешь чебуреки и пол-литра и едешь в таксопарк, где мужики сразу тебе говорят: «Ну что ты, б..., не видишь? Это же, б..., замкнуло эту х...ню. Видишь?» Размыкают. Опять весь пропахший чебуреком выезжаешь. И так бесконечно. Если отказывает то, что знаешь, это счастье.

Я был специалистом по карбюраторам и бензобакам. Жиклеры вывинтишь, продуешь. Лучше всего продувать ртом, он дает сильную струю.

Мой организм — это старая «Победа». Как в «Победе» набивали солидолом шарниры рулевых тяг, чтобы они не скрипели и не стучали, так и в меня замечательный хирург Володя огромным шприцем вкалывает дефицитную смазку в коленку, и она ходит. Недолго. В это время распухает ухо. Почему после коленки ухо? Казалось бы, есть еще другая коленка.

Если сейчас рассказать техническое состояние меня, это будет отдельная глава, которая грозит вызвать страшные рыдания читателей: «Неизученная непредсказуемость порядка отказа функций жизнедеятельности». Но, если встаешь утром и коленка и ухо относительно ходят и слышат, тогда — фонтан бодрости, ума и афористичности.

Начинаем стремительно становиться сначала никому не нужными, а потом обузой. Больше всего боюсь быть обузой и посмешищем.

В строю или в струю

Единого врачебного мнения относительно состояния моего организма нет. Считается, что хороший человек — не профессия. Если гениальный хирург — сволочь и антисемит, лучше зажмурить глаза и отдаться ему. Но если болезнь неизлечимая, то лучше бездарный, но тонкий и трогательный человек.

Он вылечить не способен, но на нем белый халат и это надежда на что-то. Он может поговорить, поддержать тебя за руку, послушать пульс и спросить: «Как вы себя чувствуете?» И можно ответить, как я себя чувствую. Он будет кивать, мысленно понимая, что пиз...ц.

Мечтаешь начать ничего не делать, потому что нет сил ни моральных, ни физических, а когда начинаешь это пробовать на практике и садишься в углу террасы около комаров и смотришь на ветку с дроздом, этого хватает на пять минут. Нет сил ничего не делать.

Оказывается, ничего не делать — значительно более трудоемкий процесс, чем работать круглые сутки. Если человек всю жизнь ничего не делал, тогда нормально. А если он работал с 20 лет и вдруг сел около киселя, никаких сил не хватает.

Разговоры о пенсионной реформе — «рано или поздно» — ханжеские. На самом деле надо либо всю жизнь до могилки работать, либо всю жизнь не работать. Сочетать это не получается, потому что не успеваешь привыкнуть.

Отрывок 29

Называлось

«отдых»

Три месяца на даче. Называлось «отдых». Ну встал. Ну порадовался: как хорошо, что ничего не надо делать. Ну дополз до первой нужды. Потом сел и померил давление. С умилением понял, что можно выпить кофе, а не пакетик с пылью — якобы чай. Выпил кофе. Съел творожок. Его привезли накануне, и он свежий.

Дополз до мягкого креслица, шлепнулся. Ткнул в телевизор. Поохал над наводнениями. Взял телевизионный репертуар. Долго искал очки, под рукой их не было. Встал, пополз в другую комнату. Это было незапланированно, поэтому ушло много времени и, главное, сил. Приполз обратно уже в очках, посмотрел, нет ли хорошего футбола и когда начнется Параолимпиада.

Пошел взглянуть, спит ли моя пара по семейной олимпиаде. Спит. Приполз обратно. Плюхнулся. Выключил телевизор.

Долго нажимал на телефон в надежде найти, не звонил ли мне кто. Так как каждый раз этот процесс сопряжен с невозможностью найти верную кнопку, на это тратится масса времени, что приятно. Оказывается, никто не звонил. Тогда звоню я. И на этом практически все закончилось.

Думаешь: что это такое? Раз немощный и старый, значит, отдыхай. На пятый день наступает ненависть к самому себе. Вспомнил рассказ Аркадия Арканова — письмо отдыхающего с Черного моря жене: «Отдыхаю я хорошо, только устаю очень». И дальше идет длинный перечень отдыха: путевку, которую обещали, на месте не достал, в Дом отдыха не попал, снял где-то койку, на пляж ездит на электричке, стоит с утра в очередях за топчаном и за завтраком и т.д. ...

Можно найти себе занятие. Обычно, когда готовишь снасти, кажется, что старая леска еще хорошая, а потом приходишь на рыбалку и, если что-то клюнет, леска, как паутина, рвется. И ругаешь себя: что я наделал!

Поэтому заранее покупаешь несколько катушек лески от 0,18 мм до 2-х и начинаешь длительный процесс наматывания лески на спиннинговую катушку. Потом соображаешь, куда можно было бы поехать. И тогда ищешь — какой крючок, какое грузило. Но, поняв, что не доедешь дальше лужи за забором, берешь большое ведро.

Так как ведро, наполненное водой, я дотащить до места намотки не могу, приношу почти пустое и кувшинчиками доливаю до краев. Чтобы вычислить грузило для данного поплавка, нужно иметь ведро воды, если нет под рукой водоема. И высчитываешь грузило, которое поднимает поплавок в вертикальное положение и не топит до горла, а оставляет точно необходимое расстояние до поверхности. Это занятие тоже надоедает, так как продолжается не первые 70 лет.

«Обеспеченная старость» — что-то неслыханное по пошлости. Обеспеченная старость — это когда полно напитков, которые не дают, еды, которую не хочешь, свободного времени, которое не знаешь куда девать, и раздумий, которые надо было думать раньше.

Правда, старость, у которой отнимают с трудом отложенное на черный день, еще страшнее.

Также есть понятие «счастливая старость». Старость постоянно обвешивают эпитетами. На самом деле она просто старость. Пора отстать от старости и не обзывать ее ничем. Никакие эпитеты к старости не липнут, а отваливаются, как отсохший пластырь.

«Молодым — везде у нас дорога, старикам — везде у нас почет». С одной стороны, какой почет старикам, если всегда для них нет денег и подспудно хотят, чтобы эти, которым почет, поскорее перемерли? С другой стороны, не хватает настоящих людей на молодежной дороге.

Много мускулистых красавцев, которые куда-то идут по той дороге, какая им попадется, в основном стадно. Но, поскольку молодым везде у нас дорога, они идут. Нет чтобы им сказать: «Молодые должны сойти на обочину и немного подумать».

Точнее была бы фраза: «Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас подсчет». Все время считают, с какого возраста старик, с какого еще нет.

В старости приятны, очевидно, только какие-то эгоистично-сравнительные ощущения. Например, видишь по телевизору Васю Х., и, пока не появится надпись, что это Вася Х., нельзя понять, что это он.

Начинаешь высчитывать, и получается, он младше на пять лет, а сам как сморщенное яблочко и несет бог знает что. Приятно.

Я не делаю подтяжку лица, только умываюсь холодной водой. И никогда в жизни с волосами ничего не делал — Леонид Утесов научил меня не мыть голову.

Я не лысый и не седой как лунь. Кстати, кто этот лунь? И что это за степень белизны? Я седой, но не как лунь.

Великий и могучий русский язык: пара букв — и смысл кардинально меняется. Старый — тут же напрашивается хрен, ма-разматик; старец — величественный, белый как лунь.

Поскольку во время карантина я бросил курить, все завалено трубками, но сейчас они смотрят на меня с обиженными лицами. Однажды я уже год не курил, а потом сломался. Сейчас держусь.

Я придумал себе: когда праздник или семейное застолье, для полноты кайфа я делаю одну затяжку — но сразу со всех сторон крик: «Посмотри на себя в зеркало!» Смотреть действительно не хочется.

Никотин — нервное успокоение. Я знал людей, которые одну сигарету прикуривали от другой, — например Лёничка Филатов или Галя Волчек. Без дыма во рту они жить не могли. Это не привычка, а образ жизни. Хотя вокруг говорят: «Вам нельзя курить, бросайте, жить осталось чуть-чуть». Но они считают, что это чуть-чуть надо прожить с двумя сигаретами во рту.

Алиса Фрейндлих сигареты не вынимает изо рта. Чтобы меньше курить, можно было бы перейти на трубку. Я послал ей четыре трубки. Не прижились. С Алисой мы никогда закадычными друзьями не были, но знакомы много лет.

Когда-то давно мы жили в Ялте в одной комнате в Доме творчества «Актер» с Львом Лосевым, Севой Ларионовым и ее мужем режиссером Игорем Владимировым. Семейных номеров там не было, поэтому Алиса с подругами жила в каком-то другом сарайчике. Так как Игорь сильно пил, мы как-то не могли его утром разбудить. Пошли в парк, собрали огромное количество цветов, перевернули Игорька на спину и сложили ему ручонки. Он при этом даже не шелохнулся. Мы обложили его целиком цветами и пошли за Алисой. Интеллектуалы.

Надо запивать алкоголь водой для того, чтобы организм внутри, в районе печени, поимел послабление удара. Потому что печень не хочет много алкоголя, а голова хочет. Вода, или запивка, несколько снижает градусность для печени.

Ни в коем случае нельзя понижать градус — водку запивать пивом. Можно загрузиться пивом и потом немножечко долить в организм водки. Если нет двух фужеров или кружки, взять пол-литровую банку, налить туда бочковое пиво и в пену добавить буквально чуть-чуть, граммов 50, водочки. В нашей молодости это называлось «с прицепом». Получается продукт, который, во-первых, необходим при карантине, во-вторых, совершенно безвреден для печени.

Секрет долголетия — жить без правил. Нельзя жить по правилам: скучно, бесперспективно и главное — правил такое количество, что можно просто умереть, недособлюдав их.

За короткую жизнь Пушкин, Маяковский и Высоцкий успели то, что население Гватемалы целиком не успело за столетия. Среднему человеку надо прожить больше лет, чтобы копилка наполнилась и разбилась в 120, а оттуда высыпалось не три копейки, а значительное количество поступков, находок и свершений.

Хотя... Постоянно цитируют фразу: «В России надо жить долго, тогда что-нибудь получится». Но и долго очень часто ничего не получается. Лучше пусть коротко ничего не получается, чем долго.

87 лет — четыре круга эмоций: удивление, восторг, умиление, разочарование. Предметы те же, интерес ослабевает вместе с возрастной импотенцией. Нemoшь провоцирует злость. Злость раздражает и толкает к глупостям. Глупость ошеломляет цельностью. Цельность в 87 лет пахнет маразмом! Маразм вовлекает в старческую сентиментальность и вызывает страх перед неизбежностью.

Я еще живой, но находиться в этом состоянии все труднее и труднее. Я заканчиваюсь и физически, и смыслово. Суммарно устал от жизни и одноразово от немоги. Мудрость — накопление немоги.

Когда возникает тревога конца, начинаешь соображать, что дольше жить уже не имеет смысла, потому что наступает пробоквка всего, за что цеплялось существование. Нет привычки к бессилию. Вообще немоги — жуткое состояние.

А если и моги-то была процентно занижена по основным параметрам человеческой жизни. Поневоле становишься доморощенным философом и размышляешь, вызывать скорую или лучше гордо умереть в своей постели.

В энциклопедических словарях пишут о некоторых государственных деятелях: «умер своей смертью». Как будто можно умереть чужой смертью, даже если ты этих «чужих смертей» повидал достаточно.

Непредсказуемость завтрашнего дня будоражит и заставляет суетиться. Покой — это смерть. Зачем жить? Чего-то хотеть и исполнять хотение. Возникли разочарование в хотениях и испуг стыдного конца.

Нет экспертов по правильности жизни. Один — эксперт по пушине, второй — по драгоценностям, третий — по раннему Рериху, а четвертый — по позднему коммунизму.

Хватаются за Достоевского, Толстого, Куприна, Набокова и пытаются, исходя из их гения, напяливать на себя их параметры. Они получаются противоположными и дико спорными.

По совокупности серости, недообразования и, конечно, старости все чаще сталкиваюсь с невозможностью сформулировать необходимое. Но долгожительство страшно тем, что вдруг пони-

маешь, что ты себя сформулировал. Пока ты не можешь себя до конца сформулировать, ты что-то хочешь и на что-то надеешься.

Надо жить, пока не остоеб...нит. Когда это чувство начинает подпирать, гоню.

Попробовал оправдать свои жизненные форпосты.

63 года я преподаю. Мои ученики — эта бывшая любимая шпана, Вали, Ани и Лёши — стали 60-, 70-летними профессорами Театрального института имени Щукина. Когда детям и ученикам становится за 60 и ты при этом присутствуешь, произвольно возникает мысль о бессмертии. И если ты не Кашей, ощущение приятное.

Завкафедрой мастерства актера Павел Евгеньевич Любимцев, очень эрудированный человек, тоже был из этой шпаны, учился с моим ребенком на одном курсе. Недавно ностальгически взял я один отрывочек и делал его в институте с двумя ребятами. Зашел на кафедру, все говорят: «С возвращеньцем!»

Раньше из-за коленки я не мог подняться на четвертый этаж в большой зал, который называется Гимнастическим, — в нем проходят все экзамены и прогоны. Но ректор Евгений Князев вдруг нашел какую-то дырку, чуть ли не мусоропровод прошлого века, и вклеил туда лифт. В него могут войти полтора человека из профессуры, но он все-таки поднимает. Поднял и меня.

Вторая отметина — Московский английский клуб. В 2021 году он праздновал 25-летие своего возрождения.

Четверть века назад где-то в подвале около «Современника» покойный теперь уже Сережа Абакумов, нынешний председатель правления Олег Матвеев и я решили возродить великий Английский клуб. Я там вечный сопредседатель совета попечителей. Хотелось попробовать вспомнить о попытках вневедомственного общения — вне своего профессионального клоповни-

ка. На 25-летию вспоминали ушедших членов: Святослава Бэлзу, Эльдара Рязанова, Марка Захарова... Для себя я решил, что это у меня было прощание с Английским клубом.

Еще одна отметина — рыбалка. Я рыбачу с моим другом Василием Ивановичем Мальцевым. У Василия Ивановича тоже левая нога не очень, хотя он моложе меня почти вдвое. Мы долго высчитывали такой водоем, чтобы можно было подъехать, спустить неходячие ноги из автомобиля, забросить, поймать, и хорошо бы, чтобы еще кто-то стоял рядом и снял рыбу с крючка. Нацепить червяка я пока могу сам. Но такого места нет.

Остался автомобилизм. Нужно было летом перегнать машину на дачу, и в течение месяца в семье шла бойня. Я бился, орал: «С моей ранней вставаемостью я могу проехать в четыре утра по пустому городу». Ничего не вышло: перегнал внук, а я сидел рядом. Единственное, куда мне разрешают ездить, — в «Пятерочку»: от дачи 323 метра по поселку и потом 20 метров по дорожке к магазину. Эту езду мне разрешают и то только потому, что Наталия Николаевна не может дотащить в гору эту изжогу.

Днем — живем, врем, едим, худеем, любим, боимся и так далее. Ночью все это пытаемся оправдать. Возникает конвейер ночных страхов. Ночью надо спать, а не делать вид, что страдаешь. Никто не видит. А если кто из рядом лежащих и видит, то, во-первых, не верит, а во-вторых, занят своими кошмарами и не хочет делить кошмары на супружеском ложе, которое придумано, чтобы делить что-нибудь другое.

Я в меру сентиментален. У меня — цинично-ироничная маска, придуманная давно, чтобы никто не лез в душу. С ушедшими друзьями приходится говорить во снах. И очень много снится

неожиданных встреч. Ночью есть с кем поговорить. Марк Захаров недавно журил меня за какие-то последние дела.

Сейчас сны стали очень длинными — не потому, что я много сплю, а потому, что сразу начинает что-то сниться. Или эта многосерийность — дурная заразительность от телевизора.

Раньше, когда я еще служил артистом, мне часто снились разные сюжеты, связанные с театром. Например, выталкивают меня на сцену — сыграть вместо какого-то не пришедшего актера в спектакле, которого я даже не видел. Стою на сцене с партнерами, почему-то Сережа Юрский сидит в кресле и что-то мне говорит. У меня — холодный пот. Пока не проснулся и не вздохнул.

Забывание текста совершенно не свойственно мне, а тут вдруг во сне играю какой-то старый спектакль, меня о чем-то спрашивают, а я не помню реплики. Ушел за кулисы узнать у помрежа, нет ли экземпляра пьесы... И все так реально.

Хороших снов не было ни разу. Может, их и не бывает. «Как в страшном сне» — обязательно не успеваешь, обязательно не доезжаешь. Когда убегаешь от погони, когда вот-вот что-то захлопнется над тобой, все равно понимаешь, что проснешься. А если не проснешься и догонят, и захлопнется? Это спокойно-счастливая смерть во сне?

Даже Наталья Бехтерева, наизусть выучившая человеческий мозг, путалась в сновидениях. Зыбкая мечта — тихо умереть во сне. Бред! Кто знает, что кому снится перед смертью?

Ойривек 30

Взялся

за гуж...

Кто такой гуж, не знает никто, но, раз за него взялся, сразу одолевает острая тоска по гармоничной личности. Сколько обидных разочарований возникало при ближайшем рассмотрении человеческой особи. За долгую жизнь я наразочаровывался по горло. Сколько гениальных артистов оказывались скупыми, сколько великих ораторов были в общении примитивны, сколько непримиримых борцов с несправедливостью — трусливыми подкаблучниками.

Чтобы не разочаровываться, не надо очаровываться.

Зялочка Гердт, мой близкий друг, был очень брезгливым относительно мерзостей. Страшно переживал, когда узнавал о чьих-то подлостях. Он жил в одном дачном поселке писателей с Юрием Бондаревым. Тот совершил какую-то очередную гадость. Зяма с горечью рассказывал: «Я решил, что Бондарев для меня больше не существует. Если встречу, не подам руки. И вот иду по аллейке, навстречу — Бондарев, улыбается. Мы с ним

обнялись, я пошел дальше». Это очень точно. Одно дело — программа, а другое — действия.

Я все время интригую: прикидываюсь то хорошим, то больным, то злым. Вообще же я очень добрый. Мне мешают, но, когда мешают, это тоже занятие.

Из 87 лет жизни 82 года я кому-то обязан и в чем-то виноват. Возникает трусость перед псевдообязательствами. И дисциплинированность — тоже от трусости. А трудолюбие — от лени.

Я всю жизнь борюсь сам с собой, пытаюсь куда-нибудь опоздать и кому-нибудь отказать. Не получается. У отказа бывает разная подоплека. Если не могут отказать тому, кто предлагает выпивку, баб и шикарную богемную жизнь, это одно. А если не могут отказать тому, кто о чем-то просит, это другое.

Просить вообще всегда противно. Существует поверье, что, мол, ничего не просите — сами всё дадут. В этом году сами дают только яблоки и кабачки. В тандеме «просящий и дающий» лучше быть дающим. Но легче, конечно, быть просящим. Порой просящий — человек очень сомнительный. А иногда просят, понимая, что ставят тебя в унижительно-неприятное положение.

Невозможность отказать — катастрофическая черта характера. Когда просят машины, квартиры, звания, ордена, повышения чего-нибудь — от должности до температуры, — вынужден отвечать: «Это вообще-то не совсем по моей части, но я, конечно, попробую».

Нахальные люди, профессионалы этого дела, просто так не просят: «Не могли бы вы мне устроить квартиру? Я живу в подzemелье, у меня больная мать, на нее сверху капает чья-то моча». Они тебе говорят: «Вы должны позвонить Трехмудровой

Взялся за гуж...

Алевтине Георгиевне, из администрации Замятинского района, которая (запишите, пожалуйста) живет — этого никто не знает, а я знаю — с первым замом из Западонского района». То есть они устраивают тебе маршрут, чтобы ты выполнил их просьбу. А я говорю: «Повторите, я запишу». Записываю телефон Трехомудровой и фамилии всех этих бандитов — зампредов и замзавов, и ужас в том, что действительно звоню. Потому что, во-первых, не могу не выполнить просьбу, а во-вторых, боюсь, что они, суки, начнут проверять, занимаюсь ли я их делом.

Это трагедия моей жизни. Если поднапрячься, могу перечислить, кто и когда сидел у меня на шее с просьбами. Умение говорить «нет» зависит от того, насколько дурной характер. Есть люди, которые обожают говорить «нет», они получают от этого удовольствие — отказать.

Нужно уметь плести цепочку переадресования просьбы. Говоришь: «По этому вопросу у меня были когда-то знакомства в Гидропрофхозмудянке. Если там еще работает человек, которого я знаю, я ему передам вашу просьбу и прослежу, чтобы он ее выполнил». А если человек уже не работает, начинаешь думать: может, есть пятые источники, которые обратятся к четвертым, те — к третьим, третьи — ко вторым и те — к первым? И берешься. Доходит по цепочке до первого источника, он спрашивает: «Кому это надо?» И тогда второй источник отвечает: «Это нужно пятому». После чего первый посылает всех туда, куда надо было тебе самому послать того, кто тебя просил.

Отрывок 31

Одноразовое

счастье

С одной стороны, возраст — страшная вещь, но с другой — постепенно все-таки исчезает зависимость от чего-то и кого-то и бессмысленные смыслы растворяются. Можно уже не думать непрерывно: «Ой, надо позвонить, а то...» или: «Я же должен его обязательно поздравить, а то...» Сейчас ты думаешь: «А зачем?» И жить становится вольготнее.

С годами понял, что недодружил, недолюбил, недобеспокоился. Прежде всего это относится к родителям. Меня всегда считали хорошим сыном: мать болеет, я лечу с гастролой. Но это все гейзеры, а в повседневности пробелы были огромными. Оправдывал себя тем, что был занят, молодой, вот сейчас бы... Некоторые сожалеют, что в свое время о чем-то не допросили родных, но ведь все равно даже самые близкие отвечают всегда красиво или как нужно, а как есть отвечают редко. Знаю по себе.

Все, кого я в свое время не послушался, правы. А все, кого послушался, неправы. А я неправ, что их послушался. Не надо делать что-то, если не уверен, что сможешь.

Одноразовое счастье

Всю жизнь — в зависимости от возраста — метания профессиональные, половые, финансовые. Все метания — это надежды на что-то, а надежды не сбываются. Когда наступает время «Ч» или «Х» (скорее время «Х»), думаешь: «Для чего?»

Я пришел к выводу, что смысл человеческой жизни — найти дело, которым хочется заниматься. Не выгодно, а именно хочется. Можно назвать это призванием или как-то иначе. Я всегда завидовал людям, которые маниакально чем-то занимаются — будь то актерский труд или наблюдение за муравьями.

Человек всю жизнь смотрит на муравейник и не может оторвать от него глаз. Пишет трактаты о муравьях. Не потому, что надо заработать, и не потому, что ему кажется: он напишет не так, как другие. А потому, что не может без муравьев жить. Такие люди необязательно сумасшедшие. Они могут заниматься карьерой, любовью, но в это время думать о муравьях. И, уходя из жизни, они говорят: «И все-таки я на муравьев не посмотрелся».

Иногда я вижу человека, который вынужден, допустим, участвовать в каком-то застолье или совещании, но он в него совершенно не включен. Находясь в мизансцене совещания, он занят собой. Это получается только у людей, у которых внутри есть что-то настоящее, какой-то шампур. Все остальное для них — фон, и заводиться и влезать в споры не имеет смысла. Они пребывают не в состоянии полемики с окружающим бредом, а в состоянии внутренней полемики с самими собой.

Мой внук такой. Его окликают: «Андрюша, Андрюша...» А он сидит и не слышит. Потом вроде просыпается. Собственное аналитическое существование. Весь в себе, и ему с собой интересно.

Каждый кусочек жизненного пробега нужно закреплять или подтверждать. Сильны конкуренция и безразличие. Взаимоотношения выхолощены, остались только позы и слова. Когда кто-то долго и мощно держится в определенном статусе, это счастье. На это выйти — целое искусство.

Счастье сиюминутно. Накопительного счастья не бывает. Иногда радости оказывались ошибками, а неудачи и горести необходимыми, для того чтобы...

«Умная мысль приходит опосля». Прозрение наступает запоздало. Запоздалое прозрение — очень трагический момент. Все, что постфактум, чревато угрызениями совести. Нужно, чтобы сначала что-то созрело, а потом решать. Мы же сначала решаем, а потом созревает что-нибудь правильное и глубокое, но уже поздно.

То, что постфактум, всегда чревато разочарованиями и обидой на самого себя: вернуть ничего нельзя, пересуществовать невозможно, поезд ушел, а ехать надо, но не на чем.

Накопление трусости приводит к бешенству. Скорее это даже трусливость. Трусость — что-то масштабное, а трусливость — повседневность. Она выражается в поступках: пойти — не пойти, съесть — не съесть, выпить — не выпить. Накапливаясь, она становится биографией. Моя трусость порушила практически — будем к себе щедры — 50% радости существования.

Верю не в судьбу, а в случай. Доверяю не интуиции, а предчувствию. Это не синонимы. Интуиция иногда предполагает какие-то надежды. А предчувствие никогда не сулит ничего хорошего.

Есть несколько тем, в которых я к 87 годам так и не разобрался.

- 1. Почему взлетает самолет?**
- 2. Почему в одно и то же время зимой темно, а летом светло?**
- 3. Почему на спокойно текущей равнинной реке — десяток шлюзов?**
- 4. Почему тазобедренные суставы болят в положении лежа и не болят при ходьбе?**

Одноразовое счастье

Мне терпеливо объясняют — самолет взлетает: поток воздуха, крыло, подъемная сила... Я спрашиваю: «А почему он не едет дальше по земле?» Говорят: «Скорость такая, что на земле ему уже тесно» Я: «А, понятно — а летает почему?»

Почему темно? Объясняют — угол наклона земной оси. Где земная ось? Оси не может быть у плоской штуки, стоящей на трех китах. Значит, они пронизаны осью и жарятся на солнце, как шашлыки.

Теперь самое страшное: шлюзы. Внуки уговорили меня прокатиться до Углича и обратно в мае 2021 года на прекрасном теплоходе «Мустай Карим». «Надо расслабиться, ты перенес коронавирус». Я согласился: «Полежу в шезлонге на палубе, проплыву мимо города Мышкина, где мы каких-нибудь 65 лет назад снимали сеновал и удили жерехов из Волги».

Купил себе соломенную шляпу и шлепанцы. Когда приехали в порт, увидели 150-метровую красную ракету типа подводной лодки — никаких палуб и шезлонгов. Но зато — всё включено, в т.ч. джакузи и бесшумные лифты, которые возили в бар. Ничего, думаю, если спросят: «Как вы отдохнули?» — надо ответить: «Да я шел “Мустаем Каримом” в Углич...»

Когда идешь из Москвы в Углич, преодолеваешь с десятков пятиметровых шлюзов. Можно было открыть окно, высунуть нос и оказаться на уровне глубины очередного шлюза. Лайнер останавливается, его закрывают с двух сторон воротами, и в страшной тишине он идет на дно. Потом открываются ворота, и он плывет дальше. Плывет недолго. Опять шлюз.

Я стыдливо спросил капитана, что так много этих захоронений. Он сострадательно улыбнулся и сказал, что это перепады уровня воды — река потому и течет, что не ровная, а с углом течения. Но это же не водопад! Предположим, есть перепад, но не столько же раз по пять метров! Я его поблагодарил, ничего не понял и пошел шлюзоваться.

Всегда меня приводили в недоумение загадки телосложения. С годами эти загадки все сложнее и их больше. По поводу тазобедренных суставов, которые болят в положении лежа и не болят при ходьбе, я советовался с тазобедренными светилами. Они пожимают плечами.

Если бы решить эти четыре проблемы, можно считать, что жизнь удалась. Самое обидное, что их все понимают, кроме тебя, это бесит и приводит к ощущению зря прожитой жизни. Остальное я прошел и познал — не страшно уходить.

Делать скептически умное лицо, когда не понимаешь предмета рассуждений или впервые слышишь употребляемые термины, — это талант. Можно прослыть или чванливым эрудитом, уставшим от вынужденного общения с дебилами, или просто закривленным гадом.

Когда еще не предполагали, что появится всезнающий Гугл, приобретали энциклопедии и словари. Красиво звучит: «Перечитываю сейчас энциклопедию».

Энциклопедии пухнут и пухнут. Их невозможно освоить раз и навсегда — все время возникают новые имена и открытия. Энциклопедия — тот максимум знаний, который человек должен получить. Все равно забывает. Но есть злопамятные люди, которые пол-энциклопедии помнят и ссылаются.

Мне кажется, что надо или всю энциклопедию знать, или ничего не знать, а только догадываться. Половинчатость — признак неполноценности.

«Большая иллюстрированная энциклопедия» — обо всем лаконично, доступно. Каталог брэнного существования. Зачитываюсь! Смотрю, кто из великих дожил до моих лет или обошел меня? Единицы. Это успокаивает.

Перелистал 32 тома, себя не нашел. Не найдя, пришел к выводу, что, если не стал Эйнштейном или Эйхманом, делать в истории нечего. Просто хорошие или плохие никому не нужны. А как хочется попасть в перечень фамилий эпохи.

«Страна не пожалеет обо мне, но обо мне товарищи заплачут». Эта реплика Геночки Шпаликова из его лирических монологов. С одной стороны, действительно надеешься, что если не страна, так товарищи заплачут. А с другой — еще неизвестно, заплачут ли и они. Кто-то может тебя забыть, а кто-то уйти раньше. Как им плакать, если их не будет? Если все уйдут — тогда вообще никто о тебе не пожалеет.

Инкриминировать следующим поколениям свое быстрое забвение глупо. Сейчас такое ускорение всех процессов, что человек, который остался тем же самым, не успевает обрабатывать свежий материал. Такая плотность новых поступлений — и человеческих, и технических, — что завтрашний день вытесняет сегодняшний.

Надежда, что ты будешь иметь какое-то значение в истории этой планетки, утопична. Надежда на мемориальные доски тоже небольшая: они грязные и никто их не читает. Мемориальная доска на доме по закону может появиться только через десять лет после смерти. Это срок выявления надежности.

Когда говоришь «забвение», возникает что-то глобальное. А если перевести на житейский уровень, то все очень просто. Перестают узнавать на улице и спрашивают фамилию в регистратуре. Делал как-то уколы у знакомых врачей. Вальяжно вошел в какой-то кабинет, куда меня провел приятель, а там сидели девочки-студентки, которые помогали врачам регистрировать. Одна спрашивает: «Фамилия». Мой приятель ей сурово: «Ты с ума сошла? Это Ширвиндт!» Она стыдливо поняла, что,

видимо, надо меня знать, но, кто я такой, по-прежнему не догадалась. Спрашивает: «Как пишется?»

Раньше, когда я входил в продуктовый магазин около нашей дачи, все покупатели, не говоря уже о продавцах и кассирах, подходили, спрашивали о здоровье, помогали выбрать негнилой помидор. С каждым годом узнают все реже и реже. Что делать? Или прекратить ездить в магазин, или начать круглосуточно рекламировать какой-нибудь банк.

Деньги! Очень давно ехал я со съёмок из Ленинграда в Москву и оказался в СВ с одним генералом, следователем. Сухой, с интеллигентным лицом. Первые полчаса он якобы читал какие-то материалы, а я якобы читал какую-то книжку. Потом мы оба поняли, что не выдержим, и выжрали бутылку коньяка, он расслабился, и я в процессе разговора заметил: «Слышал, что недавно следователь вашего уровня помог кому-то за взятку». Он сказал: «Ужасный случай, но бывают такие деньги, от которых невозможно отказаться». Это можно перенести на что угодно.

Но кто-то меня все-таки еще знает. Недавно получил письмо: «Здравствуйте, Александр Анатольевич! Пишет Вам Ваня из Санкт-Петербурга. Мне 12 лет, и я являюсь вашим поклонником. Я им являюсь большую часть своей жизни».

Моя любимая передача — брата Женечки Симоновой Юрия Вяземского «Умницы и умники». Я понимаю, что там есть элемент режиссуры и подготовки, но потрясает географический разброс участников.

Допустим: «Клюева Маша, поселок Бздынь Бздыньского района». Она сидит в Бздыни и знает двоюродную сестру Робеспьера. Меня это совершенно умиляет и обнадеживает.

Одноразовое счастье

То же в Церкви. Молодое и среднее поколение духовенства. Мало с кем я знаком, но визуально — это другие лица: интеллигентные, красивые, с хорошими лбами и чистыми бородами. Это не хилые служки и пьяные попики из классики. И чем ниже ранг, тем более горящие глаза. Это замечательно, потому что если театр должен существовать, то Церковь не может не существовать.

Защита
Мнеосрамена!
Тому тороплива
Болю. Лича
не. Боялы или уробе?
Светлой овалы с торо -
Будекины. Светлой
одна на торо -
Моя торо -
Дорогой светлой
Будекины -
Светлой -
Светлой -

Француз -
Деревянный
Известно
ав.
Мафеллине.
Корозидельно -
Хорошо -
Шени и Зюгер -
Залучь и Яркошь

Деревес 32

А там-то

все-таки что?

С каждым витком жизни все больше ощущаю, что там что-то есть. Часто совпадения бывают такими непредсказуемыми, что думаешь: это может быть только оттуда. Надо себе придумать Бога.

В перестройку на Пасху и Рождество на богослужениях в больших храмах страны стояла вся партийная советская элита и истово крестилась. Многие из этих людей были в пожилом возрасте. То есть застали, а может, даже и внедряли атеизм как приспособление к жизни в советском государстве. Когда кого-то из них спрашивали, что за метаморфоза, кто поумнее отвечал: «Мы это делали под давлением узурпаторов, но внутри оставались верующими». И они бессонными ночами молились на угол, где висел двухсторонний портрет: с одной стороны — Сталин, с другой — икона.

В основном к концу жизни возникает потребность покаяния. Исповедь — прекрасная придумка. Исповедь при эпитете «тайная». Отпущение грехов происходит через какое-то признание, и тогда есть надежда на индульгенцию.

В случае семейной истории надо понять, насколько признание может ранить близких. В случае государственно-философской можно найти аргументы вынужденности того или иного поступка.

Мой друг Михаил Козаков публично признался в сотрудничестве с КГБ. Мне тоже предлагали сотрудничать. Я был молодым, красивым и популярным, играл в Театре имени Ленинского комсомола и в меня влюбилась жена второго советника американского посольства. Она ходила на все спектакли и приносила огромные букеты.

На пятом или шестом букете ко мне подошли и сказали: «Надо выходить на контакт». Я не был антисоветчиком, а просто не хотел. Я сказал, что не могу войти в контакт с американской посланницей, потому что нельзя оставить ночью слепую мать. Они проверили — мать действительно слепая — и отстали от меня.

А Козаков в аналогичной истории с американской известной актрисой согласился. Я не успел спросить его, зачем он признался, но, зная Михал Михалыча, его раскрепощенные эмоции, его разнообразную и бурную жизнь, думаю, что он вдруг решил обнародовать все. Если заранее просчитывать: какое признание тебя унизит, какое возвысит — это не будет иметь ничего общего с исповедальностью.

Много лет сотрудничаю с журналом «Театрал». Не потому, что хочу гонораров от этого милого профессионально-нужного, поэтому задыхающегося от безденежья печатного органа, а потому что там милые начальники Валерий Яков и Виктор Борзенко, которые умеренно либеральны и с юмором, что немаловажно для такой подозрительной сферы деятельности, как театр.

Мои публикации в журнале в основном «личностные некрологи» друзьям и коллегам. И я хочу попросить редакторов в случае какого-то со мной случая не заказывать случайным людям слезливое вранье по моему поводу, а просто напечатать подборку моих литературных трудов из журнала «Театрал».

Есть такая присказка: «Начать жизнь сначала». Что считать началом? По-настоящему верующие люди началом считают конец. Кем ее начать? То, что не человеком, это точно. Человек — одноразовое животное и очень противное. Собакой или кошкой? Могут вышвырнуть, отправить в приют или отравить. И потом кошки независимы, а собаки — паталогически преданны. Бессмысленная независимость и бессознательная преданность. Бабочкой? Чтобы жить всего несколько дней? Тогда черепахой? Зачем она ползет неизвестно куда и от кого прячется в свой скафандр? О чем можно думать 200 лет? Так что никаких новых начал!

Завещают развеять после смерти прах над морем или горами люди, которые, видимо, не надеются, что следующие поколения придут на могилу выдергивать сорняки. Но, во-первых, оказалось, что просто так не развеешься. Это почти так же трудно узаконить, как найти место на элитном кладбище. А во-вторых, вспоминается старый анекдот.

Теща говорит зятю: «Дорогой, когда я умру, развейте мой прах в саду у дачи над моими любимыми флоксами и редиской».

Зять отвечает: «Нет, мама. Ни за что! Представляете: любой легкий ветерок — и вы опять дома!»

Где лежать на панихиде? Варианты: Театр Сатиры, Театральный институт имени Щукина, просто морг. «Давно я не лежал в Колонном зале...» — одностишие Владимира Вишневского. Давно уже никто не лежит в Колонном зале.

Если умер, будучи на пенсии и являясь в прошлом всегдашним членом какого-то культурного заведения, есть вариант лежать в домах интеллигенции: Доме кино, Доме актера, Центральном доме работников искусств, Доме журналиста.

Если ушел из какого-то культурного заведения со скандалом, то потом лечь там и слушать, как о тебе якобы скорбят, глуповато.

Еще может быть обидно за плохо организованную панихиду. Это элемент зрелища, которое всегда сравнивают с предыдущей: чья панихида была лучше — длиннее, значимее по составу «поздравляющих», количеству цветов и венков.

Нужно думать загодя, на самотек пускать нельзя. Можно вообще прикинуться личностью и завещать отсутствие речей на панихиде. Пусть объявят: «Ушедший просил ничего не говорить, только чтобы музыка». Надо верить в загробный мир и рассчитывать оттуда посмотреть, где тебя похоронят и сколько народу тебя провожало.

Лежал в очередной раз у великого врача Абрама Сыркина в клинике, кстати, находящейся на Пироговской улице, в 100 метрах от Новодевичьего. Уже престижно. Так вот, Сыркину 91 год, мне 87, я лежу, а он ходит и спрашивает, как я себя чувствую. Я стесняюсь говорить ему правду. Он говорит: «Больше пейте воды» — и уходит. Я лежу и пью воду.

Надежда на Новодевичье кладбище очень мешает. Все хотят еще пожить, чтобы заслужить Новодевичье. Раньше была альтернатива: «Не хочу я это правительственное Новодевичье, хочу Ваганьковское, где лежат почти все ушедшие друзья».

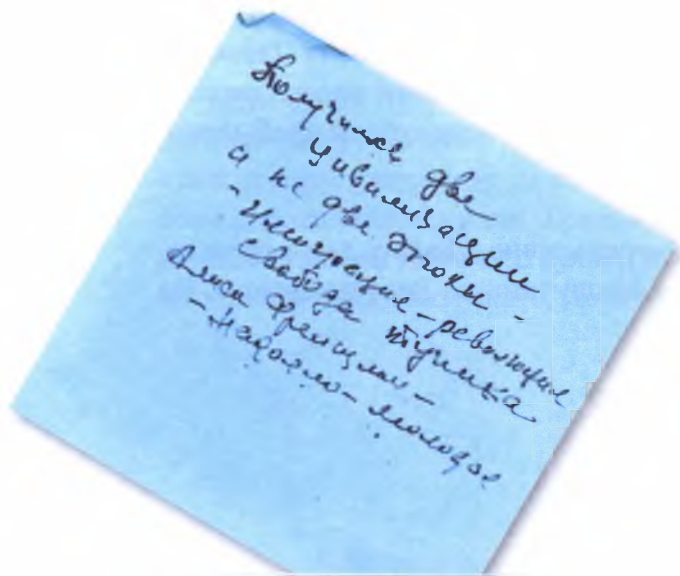
«На кладбище нет живого места» — звучит довольно странно. Тем не менее на Ваганьковском действительно мест не осталось — в силу бесконечной перекупки мест и огромных, как «Рабочий и колхозница», памятников ушедшим авторитетам, застреленным их друзьями — другими авторитетами. Парковки и захоронения — страшный дефицит. Уже можно ввести почасовую оплату посещений на кладбище — с бесплатным пребыванием в праздники и дни рождения.


Мне с большим трудом, через мэрию, удалось договориться, чтобы похоронить Спартака Мишулина на Ваганьковском. На

открытии памятника директриса кладбища доверительно шепнула мне на ухо: «Ах, какое место! И это действительно последнее. Я его берегла для вас».

Единственная радость в моем возрасте — сознание, что можно совершить наконец что-то безумно дерзкое, честное, мудрое, так как совершенно не страшно схлопотать пожизненный срок.

К старости возникает пробуксовка существования: никаких премьер, читаем прочитанное, мечтаем о сбывшемся, переживаем пережитое и т.д. В общем, едим уже съеденное. Но очень хочется вывесить лозунг: «Берегите меня — нас осталось мало. Берегите нас — меня тоже не много!»





*Оставшиеся
«отрывки из обрывков»,
которые прикидываются
рукописями.*

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Андрей Васильев
Григорьевский
Николай Павлович с
государством

Скандинавское общество
и новых отношений
Рост Ваксман
Зорелат и рост на
надежность и успех
Зрелая -
Государства и мир
"но."
Братство
Андрей Васильев
и локальные

Результат ТВ.
Телевидение России
не только в год
и не только в год
и не только в год
население и
демократия критика
- некая, надежда
обыкновенная
вместе с государством
культура

Коллектив года
убивает души
и не года эпохи -
Убийственные - революционные
Свобода творчества
Алексей Гречанин -
Наполеон - Ленинград

Клуб знаменитых
кампаний
Олег, Константин,
Анна, Николай
Канцеляр
Б. Обири
Обири Таши
Васильев

Александр - Урбанович
Александр Бестужев
С
О
Б
А
К
В
Личность
Обеспечение
Бесценные вещи
Сила
Родина... Туец
Обири...
Фредерик дум
по Ничкивичу

Бравы на школь-
-кент приваики
Берлинская
Страница-
а если это
Брежнев?
или кто-то
Керн?

Удербелевал
Гиспендерен

Сколько лет
поместки-
-Бомеку мв
тебе дади м.
926-681-
Молда
Тессе

и Мудре Аврели
и Аврели Аврели
Смелее
самому, да мне
никогда. Умелее
из отакум -
-умелее Хомосо,
или товоел
Бюкста при
вскратни уодине.

[Blank green sticky note]

Отрывок 33

Последнее «прости»

Жизнь делится на периоды:

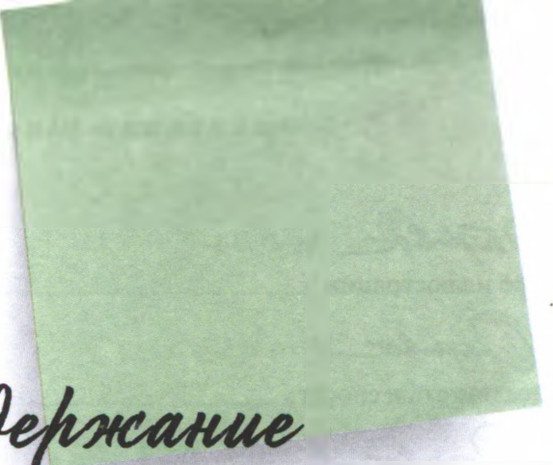
Основной: чего-то хочешь и можешь. Отсюда ажиотаж.

Второй: чего-то хочешь и уже не можешь. Это досадная констатация.

И последний период: ничего не можешь и, слава Богу, ничего не хочешь.

«Перелистывая страницы» — очень хитрая и выгодная придумка. Но, если жизнь уместилась в тоненький блокнотик, где события зафиксированы четырьмя фотографиями, приходится врать и придумывать. Чем древнее вспоминатель, тем безопаснее фантазия. Свидетели и проверяющие тоже мрут. Уходящая натура превращается в плохходящую натуру. И это обнадеживает, потому что плохо ходишь дольше и дальше.

Случайный читатель, пролистав эту книгу, с возмущением воскликнет: «А где же обещанная эротика?» Где-где... хочется ответить в рифму. Она в тех же местах, где была и раньше. А в этом опусе только для рекламы: «Ну чтоб покупали — понял?!» И еще! Во всех подозрительных публикациях издательства стыдливо-страховочно заявляют: «Мнение автора не во всем совпадает с мнением редакции» или: «Мнение автора иногда не совпадает с мнением редакции» и т.д. В данном случае, честно признаюсь, «Мнение автора вообще не совпадает с мнением самого автора!»



Содержание

<i>Отрывок 1</i>	
Про книги. Эту и другие	7
<i>Отрывок 2</i>	
Репетиция апокалипсиса	20
<i>Отрывок 3</i>	
Театр и вокруг него	28
<i>Отрывок 4</i>	
Из худруков в президенты	45
<i>Отрывок 5</i>	
Кино + все остальное	54
<i>Отрывок 6</i>	
Уходящая раса, спасибо тебе!	63
<i>Отрывок 7</i>	
Объяснительные записки	72
<i>Отрывок 8</i>	
Юлик и Юрик	76
<i>Отрывок 9</i>	
Мы только знакомы... ..	78

<i>Отрывок 10</i> Про иллюстрации	80
<i>Разговор 11</i> Воздвигать и сносить	92
<i>Разговор 12</i> Опасный вирус	101
<i>Отрывок 13</i> Семейные единоборства	104
<i>Отрывок 14</i> Вид на жительство	108
<i>Разговор 15</i> Трофеи побед и поражений	110
<i>Отрывок 16</i> Такая машина нужна самому... И немного про моду	113
<i>Разговор 17</i> Жить надо вовремя	116
<i>Отрывок 18</i> Петр I и Ко	120
<i>Разговор 19</i> Умирать скучно	126
<i>Разговор 20</i> Спорт вприглядку	129
<i>Отрывок 21</i> Хочу на орбиту, но поздно... ..	135

Содержание

<i>Отрывок 22</i> Смелость пророчества	138
<i>Отрывок 23</i> Живность в пандемию	145
<i>Отрывок 24</i> Обрезание в полной темноте	152
<i>Отрывок 25</i> Рукоприкладство	154
<i>Отрывок 26</i> Где родился, там и не пригодился	164
<i>Отрывок 27</i> Многогранность	167
<i>Отрывок 28</i> В строю или в струю	170
<i>Отрывок 29</i> Называлось «отдых»	174
<i>Отрывок 30</i> Взялся за гуж... ..	183
<i>Отрывок 31</i> Одноразовое счастье	186
<i>Отрывок 32</i> А там-то все-таки что?	194
<i>Отрывок 33</i> Последнее «прости»	203

Литературно-художественное издание

Александр Ширвиндт

Отрывки из обрывков

Редактор А. Мотина

Ответственный редактор Е. Черезова

Художественные редакторы С. Карпухин, Н. Данильченко

Технический редактор Л. Сеницына

Корректоры Н. Соколова, Т. Филиппова

Компьютерная верстка А. Тарасова

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «Колибри»
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1


Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»

Тел./факс (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.) 

Подписано в печать 27.01.2022. Формат издания 70x108/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Charter».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,2.

Тираж 15 000 экз. В-PRS-29543-01-R. Заказ № 0532/22.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru

Тело, стол, сковорода и помыслы должн
быть чистыми. Чистота обнадеживает.

Страх убивает эмоцию, силу желаний.
Если страшно, всё неинтересно.
В страхе никогда ничего не совершишь,
кроме глупостей.

Экстерном человеком не станешь.

Чем мудрее советы, тем брезгливее
реакция.

Каждый уверенный, что он большой писатель, мечтает,
чтобы его выкладки смахивали на библию. Хочу и я.
Вот мои ветхие советы.

Александр Ширвиндт

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

